

На реальных событиях

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Елена Аксенова

18+

Елена Михайловна Аксенова

На реальных событиях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69231028

SelfPub; 2023

Аннотация

Кристина Романова – сирота. Обманутая мужчиной, она решает, что плакать в подушку – не выход, и убивает его. Такой способ избавления от горестей и обид для нее становится нормой. В процессе она публикует рассказы о своих преступлениях в интернете под псевдонимом Криро. Скоро ее популярность набирает обороты и издательство предлагает ей контракт на книгу.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	18
Глава 3.	35
Глава 4.	49
Глава 5.	62
Глава 6.	78
Глава 7.	96
Глава 8.	117
Глава 9.	130
Глава 10.	148
Глава 11.	170
Глава 12.	182
Глава 13.	197
Эпилог	212

Елена Аксенова

На реальных событиях

Глава 1.

Я писатель и за свой дар я расплачиваюсь бесконечной, ноющей дырой внутри. Я чувствую, как стою на краю бездны и одна моя нога то и дело соскальзывает.

Для начала представляюсь. Меня зовут Кристина Романова. Когда мне было три месяца, мои драгоценные родители подбросили меня к воротам детдома. Да, да, вы не ослышались, до двери меня не донесли, боялись, что привлекут внимание. Я говорю родители, потому что хочу верить, что они были в сговоре, что решили так вместе и что сейчас они плещутся в водах Тихого океана, представляя меня счастливой.

Я не помню о себе ничего вплоть до пяти лет. Воспитательницы рассказывали, что я была несносным ребенком, делала странные вещи, много плакала. Я не верю им, потому что это слышит каждый найденыш. Люди пытаются преувеличить свою жертву, показать свое благородство.

Директор нашего дома Василий Васильевич Васильев был единственным человеком, которого я любила в детстве. Это был высокий мужчина с широкими плечами и невероятно печальными небесными глазами. Он всегда ходил в одном

и том же костюме, гладковыбритый и прилично причесанный, расческа хранилась в нагрудном кармане его всегда белой рубашки. Когда его тяжелые шаги раздавались в коридоре, мы радостно бежали на встречу. Он никогда не проходил мимо, никогда не отмахивался от нас. Как бы занят не был, кто бы не шел с ним рядом. В кармане его светлого серого пиджака всегда была куча крошечных леденцов, которыми он с нами делился.

– Да не оскудеет рука дающего. Этому учит Бог, – Василий Васильевич посещал церковь чаще, чем кто-либо другой в нашем приюте. Злобные няньки постоянно сплетничали о том, что он замаливает грехи прошлого. Я думаю, он просто пытался быть ближе к тому, кто спокойно смотрел, как нас бросают в этот огромный мир безразличные родные руки.

Не могу вспомнить, как увидела его впервые. Память записала только историю, которая произошла, когда мне было пять лет. Сережа, противный мальчишка из соседней комнаты, поймал меня в коридоре и хотел затащить в темный угол, чтобы хорошенько избить за какую-то провинность. Директор делал обход несколько раз в день. Расписание не сообщали никому, графика не было, поэтому персонал недолюбливал начальство. Так вот, Василий Васильевич заметил, как я хнычу и отбиваюсь и подошел разобраться в ситуации. Сережу увели на важный разговор, а мне достался леденец и речь о прощении ближнего. Он был первым человеком, проявившим ко мне доброту. Кажется, я видела нимб у него над

головой.

Я провела в детдоме восемнадцать несчастных лет. Не считая одной чистой души, все люди там были неприятными и глупыми. Я не приобрела ни подруг, ни друзей. Поэтому покидала это место с легким сердцем. Василий Васильевич умер от сердечного приступа за месяц до моего выпускного.

Жизнь не была ко мне милостива и после этого. Я поступила на бюджет в экономическую академию, благо вместо интрижек я сидела над учебниками до ощущения песка в глазах. За то, что судьба не дала мне семьи, государство выделило крохотную однушку на первом этаже московской многоэтажки. Хорошая компенсация, если учесть большинство родителей моих знакомых дали им только дружеский пинок.

После пар, пока мои сокурсники ходили на вечеринки и встречи, я работала секретарем у бухгалтерши, которая все еще была верна советской химической завивке. Там, я впервые заметила мужчину. Его звали Игнат, он был высоким харизматичным брюнетом, и часто зависал у нас в кабинете, флиртуя с моей коллегой Аней. У нее совсем не было мозгов, но она была по-настоящему красива. Эталон женственности в коротенькой юбочке с длинными ресницами и коровьими глазами. Я пришла домой и первым делом подошла к зеркалу. Со стены на меня смотрела невысокая девушка явно старше тридцати с узкими плечами и мешками под глазами. Я никогда не ухаживала за собой, не ходила в салон красо-

ты. Мне не было дело до таких вещей, я пыталась выжить. А тут Игнат с такими красивыми карие глазами и манящим баритоном. Я поставила себе новую цель.

Зарплата пришла через две недели. Я купила три пакета самой дешевой гречки, чтобы не умереть с голоду, и пошла в небольшую студию в соседнем подъезде. Тучная армянка средних лет с изобилием страза на пальцах расписала мне список необходимых процедур. Я не дура, сразу исключила лишние десять пунктов, оставив прическу и маникюр. Оставшиеся деньги лучше потратить на гардероб.

Честно говоря, стрижка правда меняет человека. Я оказалась очень даже миленькой, после того как Азиза три часа занималась покраской и укладкой. Джентльмены предпочитают блондинок, то есть таких, как я. Теперь мне не дашь больше 25, какой же тусклый цвет волос подарила мне генетика.

Платье в цветочек и смертельно неудобные туфли с распродажи – это все на что мне хватило денег. В сетевых магазинах легко найти что-то на человека, который никогда не ел досыта, я была такой. Аня, конечно, была вазоподобной дамой, но ведь сразу видно, что такая же пустая. Девушка в магазине с радостью показала мне как пользоваться тушью и помадой. Так я стала выглядеть на свои 19.

В понедельник утром я была во всеоружии и ждала, пока Игнат войдет к нам на очередном перекуре. На часах было ровно десять, когда его широкая фигура показалась в две-

рях. Он сразу же бросил на меня удивленный взгляд и улыбнулся. Флирт с Аней остался прежним, правда теперь его большие карие глаза то и дело скользили по моему столу. Всеми воспетые бабочки тут же разнесли мои органы своими цветными крыльями. После обеда он догнал меня в коридоре, чтобы завязать разговор.

– Кристин, давай прогуляемся после работы? Я сто лет не ходил на своих двух, а сейчас красиво в центре, листья опадают, – он продолжил какие-то красивые фразы о природе, но я не слышала. Внутри меня маленькая девочка прыгала от счастья, мне хотелось петь и танцевать, но я просто улыбалась и кивала.

Я еле дождалась конца рабочего дня, он не зашел за мной. Я подумала, что он передумал и побрела в сторону метро, но оказалось, что он ждал за углом, не хотел пересудов и сплетен у меня за спиной. Впервые, после Василия Васильевича обо мне кто-то заботился и это было прекрасно.

Москва больше не казалась злой и суровой, рядом с ним она была яркой и душистой со вкусом мандаринового мороженого, которое он купил в палатке у бабушки с огромным начесом.

– Значит, ты живешь совсем одна. А как же родители? – его рука легла на мою ладонь, меня прошибло током.

– Я из детдома. Учусь на экономическом днем, а вечером подрабатываю на полставки, – почему-то я не могла перестать думать о том, как потеют мои пальцы.

– Мне очень жаль, – он повернул меня к себе лицом и поцеловал. Я впервые чувствовала на своих губах что-то настолько нежное и приятное. Вот почему все сходят с ума от этого. Я не спала всю ночь.

К концу недели мы уже узнали друг друга намного ближе. Игнат был молодым юристом, закончил университет всего год назад. Жил с родителями, москвич, читал Есенина и немного рисовал. Его не смущало, что я хожу в одном и том же платье, или он делал вид, что это было так. В пятницу он пришел ко мне в гости, я прибрала квартиру заранее. Не великое богатство: односпальная кровать, почти пустой шкаф и совсем пустой комод. У меня остался чай еще с переезда. Я берегла его на особый случай, разлила сейчас. Он не сразу набросился на меня, дал время привыкнуть к его присутствию в моем доме. После страстных долгих поцелуев я не заметила, как он начал пробираться под одежду и гладить мое тело. Если честно, я сама хотела, чтобы он так делал. Законы природы никто не отменял, я итак припоздала с созреванием.

В одной турецкой песне женщина поет такую строчку: «Рядом с тобой все прекрасно». Со мной тоже было так. Сам акт вызвал лишь отвращение: трехминутные болезненные толчки и испорченная единственная простынь, но он был рядом и казался счастливым.

– Я люблю тебя, – эти слова сами слетели с моих губ, я не планировала. Он нежно улыбнулся и начал целовать мое

смущенное лицо.

– Так хорошо было? – ему не нужно было знать мое настоящее мнение о случившемся, я бы никогда его не обидела, поэтому кивнула. За эту ночь мы еще три раза повторили случившееся в разных позах. Я делала то, что умела делать очень хорошо: терпела и ждала, пока это закончится. Все окупило то, что мы заснули, прижавшись друг к другу, как бездомные котята, словно не было никого, кроме нас в этом мире. Я бы хотела, чтобы было так. Это была самая счастливая ночь в моей жизни.

Только утром он понял, что стал моим первым мужчиной. Его реакция была похожа на радость, но что-то извиняющее в кривых глазах заставило меня удивиться.

– Мне было хорошо, не переживай, – я обняла его, чтобы он не испытывал вины.

На работе мы продолжали делать вид, что ничего не происходит. Он не приходил флиртовать к Ане, и я хитро улыбалась, зная причину. Каждую ночь он приезжал ко мне поздно вечером, долго целовал, а потом раздевал и делал эти странные движения. Раз за разом мне становилось все легче переносить это, к концу месяца я даже вошла во вкус. Удивительно, какие пошлые мысли меня начали посещать в его адрес.

Несмотря на постоянный недосып, я чувствовала себя бодрой. Учеба шла гораздо лучше, работа тоже. Каждый день я с замиранием сердца ждала звонка в дверь и его жадных рук на своих худощавых бедрах.

21 ноября 2007 года он не пришел. Я не спала до рассвета, и как только пришла на работу, утащила его в темный угол, чтобы хорошенько допросить.

– Слушай, у меня тоже есть дела. Я же не твоя собственность, – Игнат старался отстраниться, он боялся, что кто-то заметит нас или услышит.

– Ты всегда находил время на меня, что вдруг случилось? Ты больше не придешь? – я была готова встать на колени, если он захочет, только бы он вернулся в мою убогую жизнь.

– Не говори глупости, Кристина. Я приду, просто сейчас завал на работе. Подожди немного и не поднимай шумиху, будь умницей, – я поверила его щенячьему взгляду, у него же есть реальная жизнь, почему я забыла об этом? Почему не понимаю, что все крутиться не только вокруг меня? Разве я способна заменить всю многогранность его действительности?

Я больше не настаивала, и он не появлялся до декабря. На улице уже лежал снег, когда я услышала такой необходимый мне звонок в дверь. От него пахло алкоголем и сигаретами, на щеке был след от помады. Я сделала вид, что не заметила этого. Часы отсчитали два часа ночи. Он не целовал меня, не гладил. Просто положил на кровать и пробрался между ног, не снимая майки, только то, что было необходимо. В ту ночь мне снова было больно и противно, но я не подала виду. Мне было страшно, что он не придет больше. Он заснул сразу же, не обнимая меня, не прикасаясь. Утром я приго-

товлю завтрак из омлета и белого хлеба, как он любит. Я аккуратно положила на него руку и заплакала, все образуется, все будет, как раньше.

Но как раньше уже не было. Он приходил тогда, когда хотел, почти всегда пьяный и не чаще раза в месяц. Я была всегда готова к этому, облегчила ему жизнь тем, что сама раздевалась до того, как открыть скрипучую дверь, чтобы он мог вообще не напрягаться. Унизительно, правда? Но не так плохо, как не иметь надежды на встречу с ним. Я была готова на любые падения, у меня не было гордости.

В конце весны его визиты прекратились совсем. Я не находила себе места, но подходить к нему на работе не решалась. В июне я сдалась и все же проникла к нему, пока он был один в переговорной.

– Почему ты больше не приходишь? Я обидела тебя чем-то? Скажи, я исправлюсь, – я еле сдерживала слезы, от него за километр разило холодом и безразличием.

– Мне некогда. Я приду, как смогу. Не надо за мной ходить и упрашивать, имей гордость! – Игнат одарил меня брезгливым выражением лица, по моей спине пробежал ужас.

– У меня ее нет! Совсем нет! – я позволила себе разрыдаться, если это не вернет его, то уже ничего не поможет. Я опустила на свои костлявые колени, я была готова умолять его. – Не бросай меня, ну пожалуйста, не бросай.

– Бог наказывает меня за то, что связался с сиротой. Кристина, я встречаюсь с другой женщиной, ты мне больше не

интересна. Я не говорил, чтобы расстаться по-хорошему, мягко, но ты не понимаешь. Перестань плакать и отстань от меня!

– Ты не можешь меня бросить, мы же любим друг друга, – я хотела спасти эти отношения любым способом, даже растоптав себя.

– Алле, я никогда ничего не испытывал к тебе ничего, кроме возбуждения! – Игнат встал, чтобы выйти. Вот-вот вернется с обеда кадровичка. – Я приходил к тебе из жалости, потому что ты была девственницей. Не хотелось обидеть тебя одноразовым мероприятием и смотри, как все затянулось! Но теперь я нашел нормальную девушку, буду с ней встречаться и мне не нужна твоя доступность, – он оставил меня в слезах на полу с этими страшными признаниями наедине. Так я узнала, что любовь может быть жестокой и безжалостной. Больше я не оплакивала наши отношения. В глубине души я думала, что он вернется, что скажет, что это шутка, что снова будет целовать мои губы.

Я с блеском закрыла сессию, но он так и не осознал своей ошибки. Наша молчанка продолжалась все лето, а в сентябре Аня сообщила о сборе денег для подарка на его свадьбу. Мне казалось, что я не переживу этот момент, но внутри было пусто. Ни одной слезы или плохой мысли. Я положила 200 рублей в конверт и съела мандариновое мороженое по дороге до дома.

Утром Игнат зашел к нам в кабинет, сияющий и счастли-

вый, чтобы отдать бумаги на подпись. Его взгляд упал на меня, он хотел отвернуться.

– Поздравляю! Надеюсь, вы проживете вместе яркую и красивую жизнь, – я подала ему руку, которую год назад он целовал в небольшом парке. Брюнет тепло улыбнулся и пожал ее. Он думал, что последний камень упал с его души перед алтарем.

Но я так и не научилась прощать. Незаметно проследив за ним, я воткнула в его широкую спину шприц с сильным снотворным. Своими отлучками, он довел меня до бессонницы, и врач выписал мне лошадиную дозу, чтобы я, не дай Бог, не вернулась. Бесплатная медицина не сильно заботиться о правилах безопасности. В переулке не было никого. Я пронзила его тело ножом 29 раз, он ни разу не шелохнулся, не издал ни звука.

Это было мое первое убийство, я даже не вздрогнула. Меня не накрыло сожаление, совесть не мучила. Удивительно, как спокойно я вытерла руки, выкинула нож далеко от этого места и ни разу не обернулась. В ту ночь я спала, как младенец.

Пока все хихикали, рассказывая о том, что счастливые часов не наблюдают, я молчала. Ни разу у меня не дернулся глаз, я не боялась, что меня вычислят, он никому не рассказывал о нашей связи. Я бы рассказала, но некому. Полиция позвонила начальству уже после обеда. Шок, сплетни, пересуды. Все расценили это как банальное ограбление, я доста-

точно умна, чтобы вытянуть его кошелек прежде, чем уйти. Он никогда не узнает, что это была я, никто не узнает. Кроме моих читателей.

После этих событий меня распирало, я так хотела поделиться с кем-то своим идеальным преступлением, что написала небольшой рассказ под ником Криро. Да, я не стала прятаться слишком сильно. Тщеславие сгубило ни одного рецидивиста. Я тоже отношу себя к ним, потому что после случившегося поняла, что сделаю это снова. Ради себя, ради этой власти решать кому жить, кому умирать, ради нового рассказа.

Перед тем как выставить свой шедевр на растерзание толпе, я сделала пометку «основано на реальных событиях». Потому что это была правда. В это не поверила ни одна живая душа и я это знала. Смеюсь в лицо толпе, которая думает, что знает, кто я.

А кто я? Обиженный ребенок, закомплексованная женщина, несчастное создание Творца? Я опасный убийца, который настолько циничен, что расписывает свои преступления на бумаге, позволяя людям просвещаться. Сейчас мне 30, за моей спиной 23 рассказа и предложение о издании целой книги. Но для такого формата моей выработанной схемы мало, да и людей, которые меня обидели не так много, всего 23. Их уже нет, новых не намечалось. Поэтому я решила перейти от частного к общему, то есть от своих счетов к мировым. В конце концов, жить станет намного лучше без

большинства людей. Так, на выданный издательством аванс, я сняла небольшой домик в лесной части Ивановской области. Никто не удивился, что чудаковатая московская писака захотела уединиться в глуши, чтобы встретить свое вдохновение. Грубо говоря, так и было. Мне нужен был объемный сюжет, свежие идеи. Я приготовила небольшой домик и приступила к поискам жертвы.

Полицейская база пестрила отбросами общества, теми, без кого мир стал бы лучше и чище, но я не торопилась. Не просто найти того, кому поломаешь судьбу, когда ты не испытываешь ненависти, неприязни. Лист за листом, список за списком, я потратила на это два дня и нашла то, что искала.

Александр Молчалин по кличке «Саша Топор», 40 лет, уроженец города Брянска. Не нужно описывать способы его работы, это итак понятно. Он один из выходцев 90-х и 00-х, которые считали себя в праве терроризировать людей, которые работали во все жилы. Был осужден трижды за разбой, нападение, вымогательство. Мозгов немного, судя по тому, сколько раз он попался и по каким ничтожным поводам. Но меня в нем зацепило кое-что.

Светлана Молчалина, жена товарища сверху, 39 лет, уроженка того же города. Похоже, пока муж, как это принято говорить, чалился, она взяла власть в свои руки и лихо управляла его ОПГ. Может быть, она специально позволяла ему глупить, чтобы он набирал авторитет среди заключенных, пока она подбивала дела на воле.

Эта парочка погубила столько судеб, столько жизней и ведь дышат спокойно. Сделались «бизнесменами» и счастливы. Но я решила растормошить их тихую гавань. А кто если не я?

Глава 2.

Если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам. Неудивительно, что я сама направились в Брянск за своими подопечными. Скажу честно, любой город для меня всего лишь сборище камней и людей. Я не буду описывать природу или что-то в этом роде. Меня привела сюда цель. Первым делом я разместились в отеле, который спонсирует чета Молчалиных. От сговорчивой администраторши я узнала, что они считаются примером любви и верности, все делают вместе. В том числе охотятся недалеко от города, в лесу. Такая удача не могла свалиться просто так, это был перст судьбы. Я поехала туда.

За годы своих преступлений я научилась многим хитростям, например, пользоваться своей внешностью. Хорошо подумайте, будете ли вы опасаться худую невысокую блондинку с миловидным лицом? Нет, конечно, что она вам делает? Тем более, если вы криминальный авторитет с выдающимися данными.

Я поехала в Брянский лес в маленьком легком платье и открытых босоножках: июнь жаркий. Проверим, такой ли он верный.

В этот день Светлана Молчалина покинула мужа, чтобы проверить дела в городе и вернуться в их деревянную избушку. Я встала на дороге возле охотничьих угодий и выкрутила

пару деталей из позаимствованной у одного олуха девятки.

— Извините, вы мне не поможете? Тут с машиной что-то, — мои голубые глаза казались яркими из-за черной подводки, я теперь не жалела денег на красоту. Он вылез из своей Нивы, похожий на медведя и осмотрел меня с макушки до пят.

— Ты чего тут забыла? Да еще в таком виде, — он был в спецовке, от него несло потом и кровью. Кажется, он хорошо поохотился.

— Я из Москвы приехала по делам. Вот решила напоследок осмотреть окрестности, взяла машину у знакомого, а тут такая беда. Даже не знаю, что делать, — редкий мужчина устроит от вида нагибающейся женщины. Я видела его сальные глаза, вроде понравилась. Он порылся под капотом минут пять, но так и не смог найти причину поломки, идиот. Я долго мялась на месте, думала, что делать. Напросилась в гости, мобильник разряжен, симку из айфона не вытащишь, нужна розетка. Он долго метался, но согласился.

В машине мы ехали молча, я стеснительно отдергивала юбку к коленям, он старался смотреть только на дорогу. Светлану предупредили, что я появилась, она была не против, предложила отставить на ночь. Я впервые видела такую наивную или самоуверенную женщину, но мне это понравилось.

Их домик отличался изобилием голов животных, которые красовались даже в туалете. Ужасная безвкусица окупалась квадратными метрами, место было слишком много, даже для

таких бахвалов.

Стоит отдать ему должное, он держался до самого вечера, не общался со мной, занимался чем-то важным в кабинете и громко говорил по телефону с женой. Я решила не тратить времени и сварганить ужин, эдакая заботливая девочка.

Запах прожаренного мяса и картошки привели его на кухню быстрее, чем мои голые ноги. Я улыбнулась и рассыпалась в извинениях. Мол, меня заберут завтра утром, а я такая голодная, не решалась отвлекать. Саша Топор погладил почти лысую голову и стал чуть менее серьезным. Арифметика проста: он много лет был женат на женщине-соратнике. Таких не бросают, но и не любят долго. Мужское эго слишком велико, им нужна власть над хрупким созданием, которое быстро надоедает, и они калечат их судьбу, выкидывая в мусор.

– У вас очень красивый дом и такой уютный! Я раньше не была в таких местах, – мне не верилось, что глава ОПГ может быть так примитивен. Он молча наблюдал за моими расписаниями, рассказами о тонкостях бухгалтерской работы и хлопаньем покрашенными ресницами. Он вытерпел весь ужин, но, когда я мыла посуду, подошел сзади и прижал к раковине, тяжело дыша в ухо. Я не сопротивлялась, издавая театральные вздохи. Какие же мужчины наивные.

Он навалился на меня в спальне, очень галантно было пустить проходимку на кровать, а не использовать для этого пол. Его традиционные движения были достаточно умелы-

ми. Мне нравились его большие руки и аккуратные толчки, я не часто получаю удовольствие от своих задумок, но тут было именно так.

После окончания он не остался. Так и должно было быть, такие мужья не позволяют женам узнать про случайные интрижки, я уважала в нем это. Как будто скрытый факт может отменить само действие.

Он уснул в своей комнате, не заходя ко мне и ничего не предлагая. Не знаю, мучила ли его совесть. Я не испытывала чувство вины за то, что для верности подмешала ему немного возбуждителя и снотворного в еду, отчего он проснется только днем.

Светлана приехала рано утром. Я не спала, выслеживая, чтобы за ней не приперся хвост.

– Доброе утро, – мои джинсы и широкая футболка смягчили ее взгляд. Сама она выглядела прилично для своего возраста: с подтянутыми формами и покрашенными корнями, на вид ей было не больше 35. – Большое спасибо вам за ночлег. Я просто не представляю, как так получилось.

– Доброе, – она показала на кухню. Там стоял кофе на вынос и пакет с какой-то едой. – Я взяла вам. Позавтракаем?

Мы сели рядом рука об руку. Ее внимательные глаза заставили меня сомневаться в том, что мой напиток пригоден для питья. Я выждала пару минут и вонзила укол ей в плечо. Света оказалась сильнее, чем я рассчитывала. Она повалила меня на пол и выдернула приличный клочок волос.

– Я тебя отравила, сучка. Закопаю твой труп в лесу и ни одна собака не найдет, – ее обезумевшее лицо смешило меня. Разводящих не разводят, как говорится. Я сразу почуяла что-то неладное. Силы покинули ее спустя пару ударов. Я сбросила с себя ее обмякшее тело и поднялась, чтобы вколоть ударную дозу Саше.

Вытащить их из дома оказалось совсем не просто. Тяжеленные туши я везла на тележке, часто ударяя их об углы. Но за сохранность боролась я не слишком.

Удивительные вещи творит маленькая девочка за рулем. Ни один гаишник не остановил меня, чтобы проверить документы или ПТС, несмотря на региональные номера. Я восхищаюсь стереотипным мышлением большинства людей.

Я ехала около восьми часов и несколько раз останавливалась, чтобы вколоть дополнительную дозу снотворного Молчалиным. В таком деле лучше переборщить, чем не доделать. Я представляла в какую ярость впадет Сашка Топор, когда осознает, кто затащил его в непроходимую глушь.

По приезду я первым делом растащила парочку по разным клеткам, заготовленным сзади участка. Конечно, их пришлось хорошо связать и заклеить рот, я любила рисковать, но все же тюрьма не лучшее место для таких, как я. Представители действительно разумной части человечества должны быть свободны, чтобы выполнять функцию волка: быть санитарами территории.

Забывшись сном, я очнулась только, когда на улице было

темно, а кто-то усердно долбил мне в дверь.

– Привет, ты тут новенькая. Я заехал спросить, не нужно ли чего, – это был высокий плечистый блондин с неистово черными глазами. Я удивленно вспоминала, накрыла ли клетки на заднем дворе. – Меня Денис зовут, я тут неподалеку живу. Вот номер мой, если понадобится помощь там, или скучно будет, – на вид ему было не больше 26. Что-то помешало мне закончить разговор на этом месте и навсегда избавиться от его визитов. За последние десять лет я ни разу не болтала с мужчиной просто так, без повода. А этот сельский паренек был совсем безобиден. Я предложила ему войти.

– Извини, ты меня разбудил, поэтому я немного шальная. Будешь кофе? – он кивнул, осматривая мой скромный домик, усыпанный диковинными штуковинами. Следуя за мной, он расположился на кухне, где я поставила турку на огонь и повернулась к нему. Денис смущенно отвернулся, он смотрел на мои голые ноги, я же была в коротеньких шортах, не ждала посетителей. Такая реакция всегда вызывала у меня умиление, тогда я решила, что в благодарность за чистое сердце позволю ему остаться. – Ты следил за мной?

– Нет, что ты! – его темные глаза расширились, он стал оправдываться. – Вся деревня гудит, что из Москвы приехала писательница и поселилась в глуши совсем одна.

– Тебе работа нужна? – я резала хлеб, чтобы сделать бутерброды, его урчащий желудок перебивал звуки закипающей воды.

– Нет, что ты! – он покраснел окончательно и задержал руками так, будто вот-вот лишиться чувств. Это было мило. – Я просто хотел проверить, как ты устроилась. Одной в лесу может быть страшно или одиноко.

– А ты, значит, составишь мне компанию? – я положила нож и подошла к нему вплотную. – Хочешь развлечься?

– Мне лучше уйти... – он сполз со стула и попятился в сторону выхода. – Извини... – его фигура пропала в дверях, а я хорошенько рассмеялась. Неужели он девственник?

Вечером я вышла проверить своих подопечных. Они крепко спали или притворялись такими, я не стала проверять удачу и совать руки в клетки. Мои сооружения были размером с человеческий рост и пару метров в ширину. Им будет комфортно тут.

Вернувшись в дом, я включила музыку на компе и задумалась: какой эксперимент будет интересен для книги? Что за историю я хочу показать? Мемуары – это не мое, о себе только краткие факты.

Прочесав все возможные варианты, я осознала, что двух человек мне будет мало, да и клетки не лучшая идея. Недалеко от моего дома остались заброшенные шахты. Их можно оборудовать и поместить туда человек 5-7. Все зависит от того, кто мне приглянется. А потом устроить игры на выживание. Среди них должен остаться один человек, который получит свободу в качестве приза. Итак, у меня есть криминальный элемент и его подружка, которая не гнушается пре-

ступлениями. Я открыла хорошо известную базу, благо у меня было припасено несколько вариантов на случай, если с этими что-то сорвется.

Я пошла к шахтам, потому что нужно было подготовить место перед тем как везти следующих кандидатов. Городские легенды оказались правдой, в лесу недалеко от меня были заметные дыры, ведущие глубоко вниз. Как же я ненавижу грязь! Внутри все оказалось хорошо оборудовано под заточение человека. Мне даже не пришлось вставлять дверь, можете себе представить? Там абсолютно все готово! Бери и пользуйся.

Я вернулась к дому, чтобы перетащить свою драгоценную парочку в подземелье. Они все еще были без сознания, но я не могла рисковать и вколола им немного снотворного, придется потерпеть. Их тела хоть и тяжело, но все же погрузились на тачки. Я протащила их к лесу и бросила вниз, все еще связанными, надеясь, что они живучие. Как можно скорее я должна была собрать свою команду мечты и приступить к действию, от аванса не осталось и следа, а дата первого просмотра дышала мне в спину. Я не написала даже строчки.

Ночью мне снился очередной кошмар, это мой привычный ритуал. Я проснулась, покрытая потом, жадно глотала воздух. Мне хотелось выплакаться. По-настоящему выплакаться: сесть и рыдать, рыдать, пока последние силы не покинут мою измученную душу, разрубив мертвые узлы на огромном камне, который тянет меня в самую суть бездны.

Я умылась ледяной водой и попыталась выгнать из головы сюжет, в котором я собственноручно душу свою мать в колыбели. В психологии наверняка есть этому объяснение, но это не чувство вины или ненависти к прародительнице. Мои сны всегда были разными, не повторялись и вызывали во мне чувство жути, которое еще долго не позволяло забыться. Ни одной ночи в своей жизни я не провела в покое.

Открыв ноутбук, я набросала список предполагаемых жертв. Их было семь, так как я боялась, что моя криминальная парочка не доживет до утра от переизбытка лекарств и отсутствия пропитания. Было три часа ночи, я не хотела возвращаться в кровать, поэтому поехала за очередной жертвой в Иваново.

Это была Ирина Васильева. Тридцатилетняя женщина со старомодно мелированными волосами и джинсами, едва прикрывавшими попу. Для проститутки она была полновата, хотя полусонные глаза мутного голубого цвета говорили об обратном. Я нашла ее в притоне одной из квартир многоэтажного дома, где за тысячу рублей меня напоили кофе и предоставили заляпанную простынь.

– Ну и чего желаем? – жвачка в ее неухоженном рту потеряла цвет. – Развлечемся как девочки или достать лучшую мужскую часть?

– Я бы хотела предложить вам двойную оплату, чтобы переместиться ко мне домой. Ни один приличный человек не ляжет на такие простыни, тем более, когда живет в загород-

ном доме в лесу, — она осмотрела мою хрупкую фигурку, оценивая риски. На вид Ира была больше меня раза в два и холоднокровнее, думаю, ей приходилось не раз отбиваться от надоедливых клиентов. Она кивнула головой и вышла, чтобы договориться. Я знаю, что у таких персон есть хозяин, поэтому требовалось усыпить ее бдительность. Мы заехали в магазин, чтобы купить вино и продукты, я намекнула на веселый девичник. По прибытию, Васильева набросилась на меня, изображая страсть, но я отодвинулась. — Мне это не нужно, я предпочитаю мужчин.

— Так какова хрена притащила меня в эту глушь? — в ее сумке был складной нож и перцовый баллончик, я не пошла бы на риск, имея ответственность за людей, которые мирно спали в катакомбах леса. Рассветало.

— Я писательница. Приехала из Москвы в поисках свежего сюжета, — я наполнила красивый бокал красной жидкостью и протянула ей, предварительно отпив. — Это, чтобы ты не думала, что я пытаюсь тебя отравить или еще что, — я опустилась на мягкий диван, ее рука в золотых кольцах все еще была в сумке. — Я подумала, что у тебя полно интересных историй для меня. Посидим, поедим, выпьем, поболтаем. Как только захочешь, я отвезу тебя обратно в город. Если останешься на ночь, я дам тебе десять тысяч, — две хрустящие купюры с изображением Хабаровска легли на стол. Блондинка тут же спрятала их в сумку и настороженно повернулась ко мне.

– О чем говорить-то? – ее звучное «о» забавляло меня куда сильнее криминальных единиц в лесу. Стоило лучше продумать план.

– О чем хочешь. Я не думаю, что тебе часто выпадает шанс высказаться, поэтому я не буду ограничивать тебя определенной темой. Я не знаю, что может мне пригодиться, – так и было. Правда, я не собиралась слушать ее рассказы слишком долго. Если только не учитывать факт, что ее судьба гораздо трагичнее моей.

Спустя пару бокалов Ира отодвинула сумку и воодушевленно говорила о своей первой школьной любви. Мне было скучно, но я мило кивала, потому что знала, что подсыпала снотворное в ее кусок торта, который она активно поедала. Удивительно, какие путаны болтливые. Вы знали, что их жизнь похожа на голливудский боевик в лучших традициях? Ее трижды ранили самыми разными способами, издевались, пытали. Но и сама она была не без греха.

– Мне было тринадцать, когда я забеременела в первый раз, – ее хмельные глаза скользили по старому домику в поисках опоры. – Подружка подсказала, кто возьмется за операцию без документов и родителей, пришлось покататься за город с парой ребят, чтобы собрать нужную сумму. Врач заверил, что теперь я бездетна, как пустыня. Толи с горя, толи с радости я пустилась во все тяжкие. О втором ребенке я узнала уже на четвертом месяце, мне было семнадцать. Хорошо, что мои родители пили так, что не заметили моего пу-

за. Я оставила ребенка в роддоме, не стала смотреть на него, чтобы потом не жалеть. Такой уж я человек: рублю с плеча. Но мне нравилось думать, что он станет большим и богатым, найдет меня и простит, вытащит из этой жопы. Я даже придумала слезливую историю, о том, как меня бросил любимый мужчина, как не могла с ним расстаться... — ее циничный смех напомнил мне, что есть люди гораздо страшнее меня. Да, я была убийцей. Но я не лишала жизни невинных, не оставляла детей, не продавала свое тело. Нет, я бы никогда не покинула крохотное создание. Я бы любила его, заботилась о нем. Мне вспомнился Игнат и то, как билось мое мертвое ныне сердце. Стало грустно. Может, стоило родить ребенка и быть простой женщиной с обычными проблемами? Еще не поздно все остановить, я смогу быть хорошей матерью, лучше, чем многие на этой маленькой планетке. — Но он умер через пару дней после рождения, так медсестры сказали. Может, соврали, чтобы я не лезла больше.

— Сколько еще аборт ты делала? — мне хотелось задуть ее, хотя это был слишком гуманный способ для детоубийцы. Люди считают вас монстром, когда вы лишаете жизни разумное создание. Ирину Васильеву можно прировнять к мухе, от которой в природе и то больше пользы. Ее существование не сделало благо никому. Но за ее смерть меня посадят. А вот то, что она сэкономила на презервативе и потом выскоблила результат своей халатности, преступлением не считается. Это просто небольшая женская операция. Но

скажите, разве не высшее проявление жестокости лишение жизни крохотного создания, которое не в силах оказать сопротивление? Эта девица могла бы не жадничать и не ехать в дремучий лес к странной женщине, а вот ее малыш не мог не оказаться в ее потасканной вагине, такова была его судьба.

– Много, так и не сосчитать. Все надеюсь, что стану бесплодной, но моя генетика настаивает на обратном.

– А не легче предотвращать такое, чем потом разгребать последствия? – ее тарелка опустела, но она держалась стойко, я думала, куда бы подмешать ей остатки таблеток.

– Это дорого и небезопасно. Я все равно забываю обо всех этих штучках... – ее полужакрытые глаза окончательно опустились, и я облегченно пнула ее ногой. Было уже светло и двое криминальных, наверное, проснулись, если все еще живы.

Я оттащила тело путаны в соседний люк, они не увидятся до начала игры. Кинула ей бутылку воды и буханку хлеба, проживет и на сух пайке. Мои подопечные Молчалины бились о дверь и что-то кричали. Я не сразу вспомнила, что развязала их. Кажется, мне нужно больше следить за своим питанием. Удивительно, как человеческая воля к жизни заставляет организм двигаться вопреки суровым обстоятельствам.

– Лапочки мои, какие же вы стойкие! – в ответ на мой смех раздался отборный мат и грубые проклятья. Я никогда не чуралась низших форм великого русского языка, но пред-

почитала не пользоваться ими до необходимости. – Первое правило, кто ругается, тот не ест. Получите свои порции тогда, когда научитесь уважать хозяйку, – они не поверили мне и обложили трехэтажным. Посмотрим, как быстро они усвоят урок.

У дома меня уже поджидал местный полицейский. Насмешливый юноша оценил мои физические возможности и погрузился оттого, что заветное повышение стало от него дальше, это дело так просто не раскрыть. Я хранила невозмутимость. На самом деле внутри меня ничего не трепетало, мне было абсолютно все равно.

– Так зачем вы привели в дом проститутку? – он желал услышать грязных подробностей, но я придерживалась одной лжи для всех, так легче не запутаться.

– Я писательница, мне нужно вдохновение, а у падших женщин всегда в запасе парочка историй. Правда, она быстро передумала ехать, можете посмотреть по камерам в магазине, я заходила туда одна, чтобы купить вино и еду.

– Пить в одиночестве, это алкоголизм. Вы в курсе? – он начал заигрывать со мной, скользя сальным взглядом по спине. Я ненавидела такие гнусности, хотела занести его в свой список жертв, но это бы сразу навело на мой след.

– Я пью, когда хочу. Мне не нужна компания не для каких дел, – мою феминистскую речь прервал стук в дверь. На пороге стоял высокий блондин, который заходил предложить свою помощь. Его черные глаза выглядели беспокойно

и шерстили у меня за спиной. – Что ты хотел?

– Серега, что тут произошло? – он позвал к себе лейтенанта. Тот был недоволен такой встречей, надеялся меня соблазнить, наглый мальчишка. Я пошла на кухню, чтобы сделать кофе, в душе была надежда, что они просто покинут мой дом. Мне нужно было найти следующего кандидата. Дверь закрылась, и я с облегчением села за стол, но чьи-то шаги послышались в коридоре. Черт побери. – Извини, что так во-рвался. Доброе утро, – он смущенно мялся в проеме. Свет-лые джинсы хорошо облегли мясистые бедра, он был вовсе не дурен.

– Ты тут первый парень на деревне, да? – я достала вторую чашку и жестом показала на стул. Раз уж пришел, поговорю с кем-то у кого еще есть в душе что-то прекрасное, светлое.

– Да нет, это у нас Володька Соловьев. Я не популярный парень, – он оценил мою радушную улыбку и уже нажевы-вал печеньки, которые я купила во время вчерашней миссии. Ему шел легкий загар и интерьер деревенского дома. Я по-думала о том, как нелепо он бы выглядел в клетке душного московского офиса. – Поверить не могу, что ты вчера была в публичном доме.

– Я бы сказала в публичной квартире, – я заметила ямочки на его щеках, когда он улыбается. Этот природный дефект всегда вызывал у меня непроизвольное умиление.

– Все писатели не от мира сего, – он аккуратно дул на ко-фе. – Меня Денис зовут. Не знаю, запомнила ли ты...

– Да, помню. Кристина, – я не могла воскресить в памяти ту встречу, но на всякий случай произнесла свое имя. – Зачем ты пришел?

– В деревне только и говорят, что о тебе. Ты самое яркое событие столетия. Я подумал, что тебе, возможно, страшно или одиноко. Приехал поддержать.

– А что односельчане скажут о твоём поведении? Разве можно общаться с плохими девочками? – не знаю, почему меня интересовал этот мальчишка. Он припарковал свой старый мопед у моего забора и его неожиданные визиты могли стать опасными для моей операции.

– Я живу с теткой, родители умерли в прошлом году. Собственно, все считают меня чудиком. Никто не удивился, – он опустил голову и надкусил бутерброд. Мой испытывающий взгляд способен выдержать не каждый, он не справился и минуты. Но мне не хотелось, чтобы ему было неудобно. Я чувствовала, как напряженно он пытается не смотреть на меня и отошла к окну с чашкой.

– Мне очень жаль твою семью. Я сама выросла в детдоме и уверена, что никто не способен восполнить эту утрату, – я отругала себя сразу же, как сказала это. Что за откровенность напала на меня среди леса? Мне не нужен никто. Ни любимый, ни друг. Я создана для одиночества, так было задумано природой.

– Я никого не пытаюсь заменить, не хочу ничего заполнить. Мне и так хорошо. А вот тебе надо быть осторожнее.

Нельзя привлекать к себе столько внимания. Добром не кончится, — он шумно пил кофе, я улыбнулась такой простоте. Дурачок, знал бы он, что пытается обезопасить хищника, который ест сырое мясо на обед. Знал бы он, что всего в километре от него глубоко под землей я оставила трех людей. Знал бы он, сколько раз я была полна спокойствия, забирая чью-то бесполезную жизнь. — О чем задумалась? — он оказался непривычно близко, я отпрянула. Близость тел была мне не в новинку, но секс и прикосновения — это не одно и то же. Я не позволяла никому трогать себя просто так, ради движения.

— Мне нужно съездить в город по делам, а тебе пора домой, — я не смотрела на него, взяла сумку и придержала дверь, чтобы запереть за ним. Он хотел мне что-то сказать, я чувствовала это всей кожей, но не дала ему шанса. — В следующий раз предупреждай о своих визитах. Я не люблю сюрпризов.

— Хорошо, я уже переписал твой номер, так что не отвертись. Сама настояла, чтобы я вернулся, — как ребенок он прыгнул на свой байк, показал мне язык и скрылся за густой листвой. Я улыбнулась, но быстро взяла себя в руки. Если он увидит, чем я занимаюсь, он сдаст меня. При любом раскладе мне придется его убить, а этого я не хочу. Значит, надо держаться от него подальше.

Глава 3.

Моей новой жертвой стал Василий Жуков, 25-летний талантливый химик, которому надоела нищая жизнь ученого, и он стал подрабатывать драгдилером. Оказалось, что смешивать недорогие лекарства, чтобы вывести дорогую наркотику, занятие прибыльное. Он быстро сменил обычную одежду на фирменную, маленькую съемную однушку на собственную, метро на машину. Но беда в том, что он все делал сам и тестировал новые препараты на себе. От этого его фигура стала еще худее, а карие глаза распустили вокруг ярко красную паутину. Он жил в ненавистном мне северном районе Москвы, в типичном муравейнике, которых понастроили немало в каждой дыре. Мне было удивительно, что он столько раз привлекался к ответственности, но ни разу не был осужден. Может, полиция тоже любит расслабляться?

– Пароль «енот», – дверь мне открыли не сразу. Кодовые слова были индивидуальны, мне мой предоставил старый знакомый, я тоже не святая. Мои ожидания по поводу туманной квартиры с кучей пробирок и хлама не оправдались: это было типичное жилье, которых миллионы в нашей стране. – Вася?

– Я здесь, – он сидел на кухне, поедая куриные крылышки из KFC. Его черные волосы были прилично пострижены и ничего, кроме глаз и зверского аппетита, не выдавало его

пагубного пристрастия. – Тебе что нужно? У меня есть любой редкий экземпляр, – мое ухо резанула его картавость. Я терпеть не могла дефекты речи, это сделало мою миссию просто невыносимой.

– Мне нужно немного того, что ты давал Эдику на прошлых выходных, – я не пробовала эту гадость много лет, боль давно не посещала мое сердце, поэтому я не чувствовала ничего, только скуку. – Сможешь дать? – он кивнул и скрылся в комнате. Я подсыпала ему приличную дозу снотворного в холодный чай, врач все еще верил в мою бессонницу.

– Вот, держи. Только осторожнее, не больше одной таблетки за раз, а то унесет насовсем, – он вернулся на свой стул и с удовольствием закатил глаза, обострившиеся вкусовые рецепторы подняли его на вершину удовольствия.

– Можно сходить в туалет? – я положила на стол те же купюры, которые еще недавно трогала проститутка. Они напомнили мне резину, которую можно тянуть очень долго. Василий кивнул и ткнул пальцем на деревянную дверь. Я зашла внутрь и задумалась: как мог наркоторговец стать таким беспечным? Все-таки безнаказанность расхолаживает. Какой же отвратительный тип. Он причина горя множества людей. Интересно, сколько глупых подростков никогда не вернется домой из-за его микстур? Сколько взрослых пустят себе кровь из-за депрессии, вызванной чертовыми снадобьями? Скольких людей обворуют и убьют из-за денег, которые

сделают богаче этого наркомана? Мороз по коже от таких людей.

Через десять минут я услышала, как он упал со стула. Мое лекарство подействовало быстрее на его хмельной организм. Я вышла и обшарила комнату, набралось не больше 20 тысяч плюс мои 10 и тысяч 5 мелочью в его кармане. Любая прибыль – прибыль. Он хранил большие деньги где-то в банке, судя по всему. Из-за этого я залезла к нему в телефон и нашла сообщения, которые он каждые полчаса посылал на один и тот же номер. Судя по всему, это был охранник или что-то в этом роде, а этот парень не спал больше суток. Значит, я еще и сделала доброе дело.

Его тело оказалось гораздо тяжелее, чем на вид. При свете дня вытащить его из дома оказалось проще простого. Соседи даже не повернули головы на его свисающую фигуру, которую я поддерживала и извинительно улыбалась. Хвала его репутации! Мне не составило труда бросить его на заднее сидение. Если остановят, наплету про то, что он мой брат, наркоман со стажем, и я везу его домой, откачивать. Его вены плюс экспертиза крови – никто не сможет доказать обратное.

В то время, как я ехала из Москвы в свой заброшенный коттедж, Молчалины перестали пытаться вынести дверь и, наконец, ослабли.

– Это ты во всем виноват. Притащил путану в дом, – Светлана дала разрешение на гостью мужу, чтобы, наконец, ули-

читать его в измене и отжать себе все его имущество, но молодой любовник Андрей задержал ее на всю ночь. Она любила своего Сашу, пока он не стал «Топором». В их скромной жизни было много прекрасных моментов, они много гуляли и говорили. Но потом одна ходка, вторая. Он пропадал ночами, бросал ее одну. За все время они так и не обзавелись детьми: на нервной почве у нее развилась болезнь, приведшая к бесплодию. После того, как она вышла от гинеколога с этим страшным диагнозом, было принято решение, что во всем виноват горе-муж. Молодая и привлекательная, она быстро нашла мальчишку, готового на все ради ее денег и ждала момента, чтобы обобрать ненавистного мужчину.

– Светик, у нас ничего не было! Ты же знаешь, как я тебя люблю, я просто хотел помочь ей, – это была правда. Он не хотел изменять ни в этот раз, ни в предыдущие. Все дело в том, что жена стала отдавать холодом очень давно, но он все еще чувствовал себя мальчишкой рядом с ней. Его это ублажали девчонки, которые с радостью бы остались на ночь, но он не хотел рядом никого другого. Вот бы она стала прежней, упертой, но заботливой, твердой, но нежной. Он каялся за каждую случайную связь, но повторял ошибку снова и снова, потому что не мог устоять перед кроткой натурой.

– Не манди мне тут! – блондинка жутко боялась подвальных помещений, а тут не было ни одного окна, слой земли наверху, потому что воздух до ужаса спертый. Зачем она вообще решила отравить его подстилку, чтобы засунуть его об-

ратно за решетку? Он бы итак отдал ей все, стоило ей только поймать его за руку. – Я пить хочу и есть. Сделай что-нибудь, мужик ты или нет?

– Что я сделаю. Тут никого, кроме нас! – почему всегда надо бить ниже пояса? Почему нельзя хоть раз побыть тихой женой? Кто бы мог знать, что эта мелкая окажется ма-
няком?

– Кто здесь? – хриплый голос заставил их замолчать. – Эй, люди! – Ирина была одна в каком-то сыром месте, но услышала разговор и оживилась. – Скажите что-нибудь!

– Жрать хочу, – Светлана посмеялась, они тут не единственные пленники. – Тебя тоже малявка пригвоздила?

– Облапошила как ребенка. Я же знала, что в жизни ничего просто так не бывает, поговорить она хочет, – девушка фыркнула своей наивности. – Мы что в подземной тюрьме?

– Типа того, – Саша уже изведal на ошупь близлежащее пространство. В его голове зрели сотни планов побега, но для этого девка должна открыть дверь и уже никто не сможет ее спасти. – Нам нужно поймать ее за руку. Я лично привяжу эту сучку здесь и оставлю на съедение крысам.

– Сиди уж! Если кто с ней и разберется, то это я, – Света знала, что ее муж жалостливый и бесхребетный. Все жесткие меры приходилось исполнять чужими руками. – Значит так, она должна поверить, что мы ее боимся, что совсем ослабли. Нужна вода и еда, я скоро руки поднять не смогу. Добудем пропитание. Как можно скорее заставим ее потерять

бдительность и нападём. А уж потом я не дам ей спокойной смерти, она будет умолять меня о пощаде снова и снова.

Я ничего не подозревала об этом заговоре, но даже если бы мне рассказали, эта мышьяная возня не стоит внимания. Все мои мысли были заняты приближением ночи. Скоро я снова должна буду заснуть, чтобы проснуться в поту от очередной дурной сказки, умоюсь ледяной водой и не смогу притронуться к кровати. Интересно, хоть раз в жизни я спала спокойно?

Машина затормозила в лесной чаще у тяжелых ворот. Я решила сразу перегрузить Васю в катакомбы, потому что клетки были разрушены, я очень осторожная женщина.

Моя спасительная тачка помогла в отгрузке тела, он все еще не проснулся и хвоста за нами не было. Я спустилась вниз, там было тихо. Эти наивные идиоты притаились, думают я совсем дура.

– Лапочки мои, я смогла вас, таких башковитых, затащить сюда и запереть. Неужели вы думаете, что я не знаю, когда вы должны проснуться? У вас должно быть хоть немного мозгов, ну пожалуйста, – тихий шорох у Молчалиных. Кажется, Топор оказался умнее остальных и понял, что к чему. – Саша, я принесу тебе еду, потому что ты оценил меня по достоинству.

Я вышла, чтобы вернуться с двумя бутылками воды, парой буханок и смачным куском сыра, который начал подгнивать, выкинуть было жалко. В доме почти не осталось еды,

и я подумала о том, что пришло время пополнить запасы, причем, когда моя лаборатория пополняется день ото дня. Они не знали, что я предусмотрела такую ситуацию и нашла дырку в потолках, может, там держали военных преступников или предателей Родины раньше? Мне не могло просто случайно повезти, все имеет высший смысл, я в это верю.

Сразу как подарки были розданы мужчинам, я рванула в сторону деревни, где был ближайший магазин в округе. Вечерело, я была уверена, что успею купить что-нибудь на ужин, но к моему большому разочарованию женщина, которая делилась небольшими припасами ушла в поле, и заветная дверь была закрыта. Я чертыхнулась и пнула зеленую траву, как же меня раздражала эта провинция.

– Можешь психовать сколько хочешь, но ближайший продуктовый в Иваново, а это значит, что тебе нужно ехать далеко и будет скучно одной, – светловолосый Денис был верхом на велосипеде, у меня сложилось мнение, что он следит за мной. Не могли мы столько раз сталкивать по велению судьбы. Хотя, он же сам приезжал ко мне. Ох, какой же назойливый мальчишка!

Я прыгнула в машину и поехала в сторону города. Мне не нужна компания, не нужен сопровождающий. Я сама себе хозяйка, я решаю, как и что будет. Никакого балласта, никаких привязанностей. В зеркале показалась его широкая фигура, он двигал педали так активно, как мог. Мое мертвое сердце сжалось, кажется, мне было жаль его красивые ноги.

Я нажала на тормоз и сдала назад.

– Ты чего прицепился ко мне? Спермотоксикоз? – я заметила, как порозовели его щеки, ему была неприятна моя грубость.

– Нет, но уже поздно. Опасно ехать одной, – он бросил велосипед в кусты и сел на переднее сидение, его губа все еще была обижено оттопырена.

– Опасно для кого? Тебе какое дело? Я могу за себя постоять и очень хорошо. Понятно? – нога сама нажала на газ, я не дала ему выйти, хоть и надеялась, что он так поступит.

– Тебе становится легче, когда ты оскорбляешь меня? – черные глаза смотрели на меня со всей серьезностью, что могла быть у 26-летнего парня, не покидавшего свою деревню ни разу в жизни. Я не знала, так ли это, поэтому молчала. – Почему ты так ведешь себя? Я тебя не обижал, был вежлив. Может, я излишне внимателен, но это потому, что ты новенькая в наших краях и еще ничего и никого не знаешь. Не все люди желают тебе добра, могут быть и те, кто сделает тебе больно.

– Мне рассказываешь? – перед глазами пронеслась череда людей, которые считали своим долгом унижить меня. Каким же надо быть нахалом, чтобы цеплять себе подобного? – Вы все считаете, что дети в детдоме живут, как братья и сестры и водят хороводы по вечерам, но этого не так. Знаешь, чем было наполнено мое детство? Жестокостью. Выживает тот, кто сильнее или хитрее. Я не обладала красотой, чтобы ка-

кие-нибудь бездетные простофили позарились на меня. Во мне было слишком много гордости, что ползать на коленях перед вышестоящими. Я брала то, что могла, мне никто ничего не давал, не дарил. Вот так бывает: ни друзей, ни подруг. Только книжки, чтобы вытащить себя из этого ада. Если ты другой, ты один. Мне не подходит общество, мне душно рядом с кем-то. Я считаю себя лучше тебя, умнее.

– Но так и есть, – Денис пробежал по корешкам тех книг, что лежали тут и там в моем доме. Я была поражена тому, как легко он признал это. Не стал строить из себя что-то, доказывать. Просто признал свою слабость без тени страдания на лице. – Что еще ты обо мне думаешь?

– Что ты не видел ничего, кроме пары улиц, – дорога была ухабистой, нас то и дело трясло.

– Это тоже правда, – легкая улыбка, снова эти ямочки. – Я никогда не ездил дальше Иваново. Хотел уехать учиться, но родителям нужна была помощь, пришлось остаться. Потом расхотелось. Знаешь, вот ты хорошее доказательство тому, что большой мир делает с маленьким человеком. Сломленная, запуганная, жесткая.

– А при чем тут то, где я живу? – нити его размышлений были мне понятны, но я хотела, чтобы он продолжал рассказ.

– Очень даже причем. Смотри, если бы ты провела детство среди скромных людей с крохотными потребностями, ты бы не рвалась на вершушку холма. Люди пытаются залезть как можно выше. Кто-то идет по чужим головам, кто-то раз-

мывает дорогу за собой, кто-то надрывается и разбивается. Но ведь никто не подумал, что внизу можно разбить лагерь, зажечь огонь и жить хорошо. Да, вы никогда не увидите того, что видят те, кто сидят на вершине горы, но и они не найдут крохотный ручеек у высокого дерева, правда? У меня нет страха, что кто-то отберет у меня богатство или власть, я их попросту не имею.

– Ты что хиппи? Будем жить, чем Бог пошлет?

– Нет, я верю в честный труд, который позволит жить хорошо или даже очень хорошо. Мазать хлеб маслом, свои маслом. Почему покупное варенье всегда хуже домашнего? Потому что плоды твоих трудов приносят удовольствие.

– Я никогда не закатывала варенье... – мне стало грустно от этого. Он был прав, не каждый должен быть начальником, не каждый хочет. Такой редкий человек без амбиций, в Москве его бы считали слабаком, неудачником.

Мы доехали до отголосков цивилизации в виде сетевого супермаркета посреди дороги. Мне вспомнился любимый маленький магазинчик продуктов у дома, я ненавидела такое большое и холодное пространство, которое навсегда решает не общаться с теми, кто ставит картошку на полки. Мне было приятно любезничать с тучной женщиной, которая своими пухленькими руками искала на белой полочке нужные мне макароны и потом долго рассказывала рецепт запеканки, которую я никогда не приготавливаю.

Мы зашли внутрь, взяли тележку. Оказывается, если вы

куда-то идете с мужчиной, это становится увлекательным приключением. Я с детства недоедала, поэтому относилась к покупкам равнодушно, мне бы хватило гречки и пары консервов на неделю, но мой спутник был как ребенок в Диснейленде: он хватался за цветные пачки, рассказывал с чем это есть и бросал в железную штуковину. Я наблюдала за ним со смехом, как можно быть таким забавным.

– Ты что никогда не пробовала чак-чак? Ты должна съесть его ради меня! – он прижимал к груди полупрозрачную упаковку и смотрел на меня так, как это делают малыши, рассказывая о своем новом открытии, будто они первые в мире узнали это. Он во многом был похож на детей, это мне нравилось, потому что я никогда не обладала такими чертами, я была рождена взрослой и несчастной.

– Я не любитель сладостей, – «мне больше по душе пытаться людей» – эта мысль промелькнула и исчезла. Я запретила себе думать о тех четырех, которых я заточила в катакомбах почти без еды. Живы ли они еще?

– А что любишь? Какое твое любимое блюдо?

– Я часто ем гречку и рыбные консервы, – это был мой основной рацион. Раньше это была необходимость, у меня почти не было денег. Но теперь они были, тогда почему я все еще пихаю в себя ненавистную еду?

– Значит, ты так любишь...

– Терпеть не могу. Просто привыкла. Но больше не хочу, – я выложила пакетики с крупой и железные банки. Хватит

уже этого мусора, я достойна большего. – Подай мне халву, – я видела ее в магазине, когда мне было 14. Я мечтала попробовать ее на вкус, но так и не сделала этого. Денис улыбался во все 32 зуба и довольно кинул зефир ко мне в тележку.

Он не дал мне расплатиться. Я была в шоке, отпихивала его снова и снова. То, что для меня копейки для него целое состояние, как я могла принять такую услугу? Да и с чего вдруг?

– Я хочу вернуть тебе деньги и не буду с тобой говорить, пока ты не возьмешь их обратно. Мне не нужны подачки, я хорошо зарабатываю, – я положила рыжую купюру на торпеду и завела машину.

– Не надо это так воспринимать. Мне захотелось сделать это, потому что я мужчина и не стану стоять рядом с женщиной, которая роется в кошельке. Это неприятно, – блондин развалился на сидении по-хозяйски, я начинала злиться. – Не надо корчить рожицу, я не возьму ни рубля. И, кстати, у меня хороший заработок от фермы. Ты думаешь, только столица жирует? – я ничего не ответила. Этот малолетка слишком многое начал позволять себе. Мужчина не мужчина, я всегда пользовалась только своим, чужого мне не надо. Тем более от него, нет, особенно от него.

Мы ехали под звуки радио, он подпевал почти каждой мелодии. Я сдерживала улыбку, это было первое караоке в моей никчемной жизни. У куста он попросил остановиться, там все еще лежал его велосипед. Велел поехать за ним, потому

что всякое может произойти по дороге к дому. Я знала, что он просто хочет затащить меня в койку и сдалась добровольно. Собственно, он уже заслужил то, чего добивается каждый мужчина от женщины.

Его дом был похож на загородную дачу депутата с умом. Достаточно большое двухэтажное строение из дерева с красивыми наличниками и пластиковыми окнами.

– Гном? Серьезно? – маленькая статуя встретила нас прямо у ворот, я не могла поверить в это. Он отмахнулся и потащил меня внутрь. Я сняла туфли и почти приготовилась к тому, как он сорвет с меня платье, как слышала женский голос с кухни. – Кто это?

– Его тетя, Кристиночка, – женщина неопределенного возраста, среднего роста со светлыми крашенными волосами и уродливой большой родинкой на щеке показалась в проеме. – Добрый вечер. Что-то вы задержались, – от удивления я не шевелилась и только кивнула. Как я могла забыть, что он живет не один? Хорошо хоть не стала устраивать стриптиз в коридоре, а ведь хотелось. Денис загадочно улыбнулся и закрыл мне рукой глаза. Я отпрянула, но совлала с собой, люди не должны думать, что я ненормальная. На кухне пахло ягодами, я сразу поняла, почему оказалась здесь, мне хотелось заплакать. – Будем варенье варить. Но сначала ужин. Я приготовила мясо по-французски и картошку по-деревенски. Все-таки у нас городская девушка в гостях, – ее рука в тоненьких золотых кольцах легла на объемную талию. Я не

стала ее разочаровывать и не призналась, что никогда такого не ела. Я вообще никогда не ела вне дома.

Пожалуй, это был самый приятный и вкусный ужин за всю историю моей ничтожной жизни.

Глава 4.

Каждый человек похож на книгу: некоторые давно истлели, покрылись пылью, некоторые еще пахнут печатным станком, но все, абсолютно все хранят свою собственную историю в надежде, что кого-то когда-то она заинтересует. Мы все хотим оставить след в истории, свидетельство своего существования, точку на карте вечности. Кто-то рождает детей, кто-то сочиняет стихи и музыку. Тысяча уникальных способов сделать свою маленькую жизнь значимой. Я выбрала тот, что обычные люди называют неправильным. Меня некому оправдать, потому что никто не узнает, сколько жизней я спасла своей авантюрой.

Ночью я опять проснулась от кошмара и задумалась над этим вопросом. Так появилась первая глава моей книги, я начала писать. Несмотря на 23 рассказа, вышедших из-под моего пера, я не осознавала насколько большое произведение отличается от маленького. Хаотичные мысли и голые факты, которые я с блеском расписывала на паре страниц, теперь нужно растягивать и разжевывать. Способна ли я объяснить свою философию и поймет ли кто-то, что эта книга – моя исповедь, попытка оправдать страшные преступления, которые легли могильной плитой на мою громогласную совесть?

К утру я закончила первую главу, в которой описала крат-

кие события из своего прошлого. Почему-то мне хотелось написать о Денисе и его тете. Хотелось описать этот вечер глазами человека, который не знает, что такое горе, который не истерзан этой жестокой планетой. Таким человеком, которым я никогда не была и никогда не буду, как бы мне этого не хотелось.

Следующей моей жертвой стала Юлия Власова. 20-летняя избалованная дочь колбасного короля. Ее пытались привлечь за кражу каких-то дешевых шмоток и аксессуаров, но стороны смогли договориться. Меня привлекло в ней не это. Она была настоящей представительницей высшего общества низшего интеллекта: разбазаривание чужих трудов и надутые губки на однотипном лице, прикрытом черными волосами до самых колен. Она разбила много сердец, но больше всего меня тронула история молодого официанта Володи, который влюбился в нее с первого взгляда на одном благотворительном вечере. Из-за скуки она ответила на его ухаживания, а потом высмеяла перед своими высокомерными подружками. Не буду повторять ее унижения, но бедный романтик бросился с моста в Москва-реку. Как вы считаете, достойна ли кары та, кто стала причиной смерти молодого человека, писавшего неплохие стихи? Он мог бы стать кем-то вроде Мандельштама или Есенина. Может, его бы заметили. Предки смогли бы оценить его строчки, учить их наизусть, читать барышням вечерами. Но теперь эти листочки валяются на грязной куче ненужного хлама, который никак

не могут утилизировать.

Ее было не так легко выцепить, она входила в касту привилегированных особ. Слава Богу, в моду вошло все простое и натуральное. Я нашла ее в земной кофейне с ценами на напитки в размере месячной студенческой стипендии. Мое лучшее платье хранилось в шкафу как раз для таких случаев. Я подсела к ней между делом, приглашая на обед с двумя иностранцами, якобы среди моих подруг нет достойных кандидатур. Лесть приманивает таких особ, как котов валерьянка. Это была легкая добыча: слишком рассеянная, чтобы заметить игру моих тонких пальчиков.

Мне не составило труда бросить ее в катакомбы. Мои птички умолкли с последнего визита. Голод хорошо влиял на их рассудок. Я бросила всем им еды, когда услышала шепот Василия: «У меня много денег, я заплачу за свое освобождение. Таким, как я, невыгодно обращаться в полицию.» Я рассмеялась, каким же идиотом надо быть, чтобы поверить, что я выпущу его. Но меня порадовало, что хоть кто-то пытается бороться за свое никчемное существование. Три женщины, двое мужчин. Гендерное превосходство, как и в реальности. Но я хотела запастись, чтобы больше никогда не таскать на себе тяжести.

Я вошла в дом и открыла халву, надо бы выработать себе режим дня, я никогда не придерживалась времени. Сладость оказалось приятной на вкус, и я уже не могла остановиться. Открывала одну коробку за другой, надкусывала и бежала

к следующей. Мои дремавшие вкусовые рецепторы взорвались, кажется, я никогда не испытывала такого чуда. В дверь постучали, когда я пыталась впихнуть в себя остаток круасана с шоколадным муссом, который уже начал засыхать. На пороге стоял Денис, он смеялся, я вытерла крошки с губ.

– Значит пробуешь новые блюда, – блондин прошел в дом, не дожидаясь моего приглашения. Пришло время обеда, но я уже еле двигалась. Солнце стояло высоко, я открыла все окна, чтобы стало прохладно. – Пойдем купаться на озеро?

Я не знала, что сказать. Мое лицо отражалось в его неестественно черных глазах, я потеряла ощущение действительности. Мой согласный кивок был спасательной шлюпкой из тоски, которая окружила меня так плотно, что я чувствовала, как немеют кончики моих волос.

– Раздевайся, – он отвернулся, стягивая старенькие шорты. Оказалось, что он был хорошо сложен и крепок. Меня обдала горячая волна, я не знала, что это, поэтому просто игнорировала свои чувства. Мой купальник был раздельным, самым обычным. Я не планировала никого соблазнять здесь, взяла его просто между делом и как удачно все получилось. Чтобы вы понимали, я выглядела также, как и в 19, носила все тот же размер, поэтому мне хватало вещей, купленных еще в студенчестве.

Земля была размытой и грязной, трава на берегу росла неравномерно. Я еле вступала, мне казалось, что эта жижа засосет меня и не отпустит. Денис, который уже стоял по по-

яс в воде, махал руками и зазывал меня присоединиться. Я все еще брела по краю.

– Ну что ты как ребенок. Прыгай же! – на его щеках показались ямочки, и я улыбнулась. Всего за пару шагов он оказался рядом, я не отпрыгнула, не убежала. Позволила ему взять себя на руки. Вода была ледяной, и я прижалась к нему ближе. По его спине пробежали мурашки, точь-в-точь, как и у меня. Мне это не понравилось, и я попросила спустить меня на землю, он с размаху бросил мое худое тело в воду. Невесомость, которую подарил полет, я начала понимать любителей высоты. Всего пара секунд беспредельной свободы и вот меня пронзают тысяча маленьких игл, я погрузилась. В голове не осталось мыслей, сомнений. Только я и всепоглощающая тишина, медленные движения и спокойствие. Я бы хотела остаться там навсегда. Что-то вытащило меня наружу, я с шумом схватила воздух. – С ума сошла? Не могла предупредить, что плавать не умеешь?

– Умею, – я убрала от себя его руки. В доказательство нырнула и направилась ближе к середине водоёма. Как же мне не хотелось объяснять все хитросплетения своей души. Я и сама не всегда с первого раза понимаю свое поведение.

Денис позволил мне насладиться одиночеством. Он не говорил, не прикасался, плавал неподалёку и внимательно осматривал каждое мое движение. Может, боялся, что я утоплюсь? Смешной мальчишка. Если бы я хотела убить себя, я бы сделала это оригинально и красиво с письменным

объявлением о вине всех окружающих. Не спорю, такие мысли посещали меня почти каждую ночь. Я до мелочей распи-сывала каждый жест, каждое слово. Как и что бы я сделала, какими путями, способами. Мне не нравится жизнь. Но я никогда не сделаю этого. Почему? Потому что я люблю ее такой, какая она есть: со всеми жестокостями и несправед-ливостями. Вот таким настоящим чувством, когда ты при-нимаешь что-то несмотря на недостатки, обиды, гнев. Разве я не в праве обижаться на Творца? Разве он не поставил ме-ня изначально в такие обстоятельства, где не могло выраст-ти что-то, кроме холодности и ненависти? Но я не злилась даже на тех, кто сидел в катакомбах в лесу, не чувствовала агрессию или удовлетворенности за возмездие. В моей про-гнившей душе ничего не происходило. Я просто решила, что так будет лучше и притворила свой план в жизнь. И мне ве-село, и людям спокойно. Вот такое проявление жестокости: абсолютное безразличие к преступлениям по совести. А вы задумайтесь, почему суд Линча никогда не осуждался тол-пой? Потому что люди хотят казнить насильников, манья-ков, убийц. Им не нужно их жалкое существование, они не хотят тратить на них свои деньги. Не уважаешь общество, в котором живешь, значит тебя истребляют. Не является ли это бесконечно справедливым исходом любого дела?

— Мне нужно домой, хочу перед сном съездить по делам, — с моих волос стекала вода, которая насквозь промочила всю одежду. Мы же не взяли полотенца.

– Можно мне с тобой? – он был такой светлый, лучи солнца играли на его белой коже, мне казалось, он спустился откуда-то, где горе – диковинный зверь.

– В другой раз, – я улыбнулась, но он все равно поник. Я видела, как тяжело ему давались эти еле заметные ухаживания, как он старался. Но как я могла показать ему свою темную сторону? Он не должен знать об эксперименте. Что угодно, только не это.

Как только за ним закрылась дверь, и мы договорились о встрече завтра, я почувствовала себя прежней. В ноутбуке остались два кандидата на роль моих затворников. Я решила, что должна привезти их обоих сегодня, потому что кататься туда-сюда становилось опасным.

Первой жертвой стал молодой чиновник Валентин Скорляк. У него была типичная русская внешность и в толпе вы бы ни за что не отличили его от соседа. Такие серые люди не редкость в наших краях, да и в любых других, но я не была там, поэтому судить не берусь.

Так вот, этот самый паренек с детства отличался особой жестокостью к животным и одноклассникам. Школьный психолог не раз бил тревогу, но кого это интересовало? Закончит и уйдет.

О семье известно совсем мало, он не любил, когда вспоминали, что его величество из типичного среднего класса. К 30 годам он добился невероятных высот: стал одним из немногих везунчиков, которые просиживают штаны в адми-

нистрации, ничего не делая. Как так вышло? Жестокость и беспринципность, за которые его должны были заточить в психушке, привели его на вершину холма, ведь он не чурался никаких способов и методов продвижения.

Вам интересно, как я нашла его? Одно загадочное журналистское расследование на его счет. Человек, который проводил его бесследно исчез, догадываюсь куда, а материалы были уничтожены. Но 21 век диктует свои правила. Интернет хранит в себе уйму информации, которую невозможно просто выкинуть в окно, она остается где-то далеко, в самых недрах, прячется на самых дальних ресурсах. Но кто ищет, тот всегда найдет. Я же нашла. Взятничество, воровство, подлость – этими характеристиками никого не удивишь. Но вот парочка историй изнасилований и убийств, это уже кое-что. Перст судьбы указал на него, кто я такая, чтобы сопротивляться этому?

Скорляк обитал в элитных клубах, где можно было повысить свой статус за счет общей сауны с мэром. Я в таких местах не бывала, да и попасть туда просто так не получится. И на старуху бывает проруха, я знала слабость Валентина: он любил кроватные извращения. Не ново, но всегда удивительно. Как я узнала об этом? Взломала его ноутбук, проще некуда. Так что вечером у нас было «свидание».

По указанному адресу я позвонила, стоя на высоченных каблуках, в чулках и комплекте белья черного цвета. В объемной сумке были игрушки. Мне открыл высоченный гро-

мила, я совсем не подумала, что у него будет охрана или что-то в этом роде. Хорошо, что контроль – мое второе я. Хорошо, что снотворное я прятала в лифчике.

Этот верзила был один, спасибо и на том, он одарил меня похотливым взглядом, в моей голове тут же появился план.

В роскошной квартире молодого депутата не было ничего поразительного. Как типичный человек из низов, он стремился показать каждой мелочью, что больше не часть рабочего класса. Все это было вычурно, избыточно. Скорляк сидел на кресле из потертой белой кожи. Его серое лицо не выражало ничего, кроме непроходимой скуки. Меня кольнуло внутри, потому что я понимала, каково это.

– Снимай трусы, – его безразличный голос был ровным и властным, кажется, сценарий этой пьесы давно отыгран, но я решила переписать свою роль.

– Сам снимай, – я хлопнула плетью по его ноге, отчего его безликое лицо исказилось. Он хотел накричать на меня, ударить, но столь яркая волна эмоций не накрывала его много лет. Я заметила улыбку на его лице, он подчинился. – На колени! – удар по спине, Валентин рассмеялся и выполнил указ.

Я развлекалась около часа, позволяя ему облизывать свои туфли и уничтожать свое властолюбие, пока не размешала в стакане воды нужное вещество и не приказала ему выпить. Такой хитрый, он поплыл, как мороженое на солнце и без труда подчинился.

Через десять минут его сморил сон, он не успел понять, что произошло. Я вышла во всей красе к охраннику, не прикрывая дверь.

— Твой оказался слаб, — моя маленькая фигурка призывно крутилась перед его глазами. — А я только разошлась. Поможешь? — когда у мужчины работает вождение, мозг отключается. Этот недалекий довольно закивал и радостно принял бокал шампанского из моих рук. Мне пришлось вытерпеть долгую прелюдию, прежде чем он отключился. Не скажу, что он был не умен, просто его руки на моем теле были мне так противны, так унижительны.

Я загрузила свою мышку в машину без особых проблем. Уборщики не зря возят каталки, они помогают таким, как я. Мне нравилось быть чем-то большим, нравилось карать. Нет, я не играла в Бога, но власть дает прекрасный пьянящий эффект, поэтому люди не могут от нее отказаться: она наркотик, намного тяжелее героина.

Так как я решила укомплектовать штат, я вколола Валентину дополнительную дозу и вошла в грязный подъезд многоэтажки, чтобы найти вишенку для торта. В любой компании должен быть псих, особенно сейчас, когда я буду создавать им трудности.

Петр Узич, 40-летний импотент, который приставал к маленьким мальчикам на детских площадках, не раз проходил лечение в психиатрических центрах. Разве я могла пройти мимо затворника, который растлил малолетних ради того,

чтобы голос, который он слышал везде и всюду, перестал насылать на него головные боли? Скажите, он же бессилен, как мужчина. Отвечу, да, но ведь не только орган может быть использован в таких целях. Для этого существует масса способов, о которых я не хочу говорить, потому что считаю это грязным. Сама не знаю, с чего вдруг.

С ним труда не было, я легко вколола ему нужный препарат, он не сопротивлялся. Его лысина на макушке и добрые голубые глаза заставили меня сомневаться.

– Почему ты так вел себя с детьми? Петя, ты слышишь меня? – его взгляд блуждал где-то далеко, я не знала, понимает ли он, что происходит.

– Потому что Голос этого хотел... Я не выдержал мук, но теперь смогу... Я терплю уже больше года, – его выпустили против его воли, он хотел остаться в лечебнице. Но, к сожалению, в нашей стране не положено держать людей в больнице дольше необходимого срока. Его отпустили и теперь этот загнанный жизнью звереныш боролся с силой, которая сводила его с ума снова и снова. Вы смеетесь? Думаете, это легко? Попробуйте в следующий раз, когда у вас заболит зуб не идти к стоматологу и не пить таблеток. Терпите и представляйте, что все может кончиться, если вы сделаете что-то ужасное. Иначе придется терпеть целую вечность, бесконечно. Первое время вы будете держаться, надеясь, что это шутка, что Провидение спасет вас. Но как только вы поймете, что выхода нет, вы сдадитесь. Или убьете себя. Петр был

слишком религиозен для второго варианта. Да, в рейтинге грехов самоубийство на первом месте, поэтому простите, извините.

Он сам сел в мою машину, снотворное действовало медленно, он ведь мог спать только с ним. Мне стало жаль его, потому что никто не выбирает, каким родиться. Узич не хотел быть психом, я не хотела быть убийцей. Но мы стали, мы все равно стали ими.

Мой маленький деревянный домик был на редкость уютным, мне показалось, что я могла бы найти здесь свое место, но кто-то сзади пошевелился. Петр не пытался навредить мне или сбежать, но ничто не могло заставить его отключиться, слишком много веществ пытались успокоить его буйную фантазию.

– Поможешь мне? – его взгляд всегда был где-то далеко, но мне так надоело тягать их, я хотела помощи. Мы шли по темному лесу, мне было легко дышать, мой псих тащил чиновника. Многие люди боятся темноты или диких зверей. Я не боялась ничего, кроме самой себя. В моей голове любое землетрясение или цунами было закономерным исходом. Мне не страшны неадекваты или пауки со змеями. Моя фобия – мой мозг, внутри которого происходит что-то, что я не могу контролировать. Пете диктовал условия голос, с которым он боролся, а что делать мне, если я сама и есть тот самый голос? Это я решаю, что делать и когда. Я заперла семь человек глубоко в недрах земли почти без еды и воды. Тако-

во было мое виденье мира. – Клади сюда, – тело Валентина с шумом упало на пол, за спиной я слышала, как остальные перешептываются. Хотелось ли мне улыбаться? Да, пока я не закрыла дверь за единственным персонажем, к которому испытывала подобие жалости. – Вот, возьми, – я оставила в его руках остывший суп и два шоколадных батончика с кофе. Это был мой запас на поздний ужин, но я просто не могла оставить его наравне с этими дикарями. Петя поблагодарил и сел на пол, отпивая из стакана. Я вернулась туда еще раз, чтобы раздать продовольствие.

– Что тебе нужно от нас? – Ира, чей голос солидно ослаб с нашей последней встречи едва сдерживала рыдания. Нравилось ли мне понимание, что меня боятся? – Отвечай мне!

– Для начала понизь тон. Не забывай, что я та, кто может лишить тебя еды, – мне не хотелось споров и пререканий. Они должны понимать, что здесь только один хозяин. Я.

– Еду? Слышали, ребят, она называет едой буханку хлеба и полторашку воды! Да пошла ты вместе со своим кормом. Мне насрать на тебя, поняла? – я не запомнила ту брань, которой она покрыла меня, это было неважно. Я оставила ее без той малости, которую даровала им. Теперь все были в сборе и пришло время начать игру.

Глава 5.

Маленькая девочка в легком сиреновом платье бежит по огромному зеленому лугу. В ее нежных ярких голубых глазах виднеется серое облако на кристальном небе. Ей так легко, так привольно.

Вдали виднеется небольшой деревянный домик. Ей уютно смотреть на него, ее ждут родители, которые уже собираются ужинать. Вечер не накрывает темнотой, так бывает в разгар лета. Она прибавляет шаг, но заветное место становится только дальше. Сердце екает, она начинает паниковать. Переходит на бег, но становится только дальше. Как же так? Кто-то растягивает дорогу? Луг расплывается и превращается в огромную массу, воздуха мало, у нее кружится голова.

Я проснулась от собственного крика. Это был самый безобидный из моих кошмаров и самый жуткий. Пот стекал по рукам, ногам, телу. Не знаю, как организм может делать это, когда из окон доносится холодный ветер. Я выпила заготовленную воду, всегда так делаю. Но провалиться обратно не получается. С каждой секундой все тяжелее держать глаза закрытыми. Я смирилась и просто лежала, обдумывая, что происходит в моей жизни. Не лучше бы было на аванс поехать куда-нибудь в Европу или к морю? Увидеть то, чего никогда не видела. Съесть то, чего никогда не пробовала. Почувствовать то, что никогда не чувствовала. Я могла бы

написать красивый роман о любовных отношениях пары из прошлого века. Или сочинить сказку для маленьких детей, где описала бы все возможные существа, питающиеся радугой и какающих бабочками. Можно было бы жить, придумывая истории из головы, не делая зла. Можно бы было.

Я не хотела так. Мои преступления не только ради написанных строчек. Я бы сказала, что рассказы были десертом от того, что я творила. Сумасшествие это или нет, мне нравилось основываться на реальных событиях. Как я могу писать о том, чего не испытывала? Это же ложь, жуткая неправда, от которой меня тошнит. Я хотела знать вес тела человека, которого ты усыпляешь, чтобы перетащить его в нужное место. Хотела понимать все сложности, которое влечет опасная игра. История не может быть плохой, если она правдива.

Мне редко помогает мыслить такая встряска. Каждую ночь я измучена кошмарами, удивительно, что я до сих пор в своем уме. Хотя бывает и похуже, посмотрите на Петю. Вот чего стоит бояться, так это того, что кто-то другой сломит твою волю, заставит делать то, что ты не хочешь. Быть рабом чужих стремлений – самая ужасная вещь на земле.

Я подчинялась только себе. Это были мои решения, мое мнение. Единственное, что я не могла контролировать – ужасные видения, которые мой мозг порождал стоило мне закрыть глаза.

От этих мыслей меня отвлек компьютер, который сигнализировал о необходимости зарядки. Я открыла светящий-

ся экран и залезла в интернет. Мне хотелось, чтобы первый этап игры был особенным.

Я спустилась в катакомбы, подбросив еды своим подопечным. Воздух там стал спертым и зловонным. Они заметно ослабли от заключения: Молчалины и Васильева больше не скандалили, Жуков не предлагал выкуп. Но вот те, кто присоединился позже были вне себя. Власова раздражающе хныкала и снова и снова спрашивала про цель своего похищения. Скорляк не мог управиться со своей агрессией, пытался выбить дверь и покрывал меня отборным матом. Только Узич вел себя тише воды, ниже травы. Он мирно сидел на том же полу, ничего не просил, не кричал, не ругался.

– Лапочки мои, вот первый этап нашего естественного отбора. Вы должны выбрать одного из вас, которого предадите красивому ритуальному убийству. Я оценю вашу работу и, если мне понравится, вы станете на одну ступень ближе к заветной свободе, – я знала, что первым они уничтожат Петю, поэтому добавила в его воду возбудителя. Это не поможет ему стать полноценным мужчиной, но даст шанс разбудить того, кого он боится, но того, кто поможет ему выжить. – В 6 утра двери ваших камер распахнуться. У вас будет время до 12, чтобы сделать то, о чем я говорю и вернуться назад. Если вы откажетесь, то я сама выберу жертву и ей может стать каждый из вас. Удачи!

Я вышла, улыбаясь. Да, я поставила камеры. Да, у меня был электронный замок на двери. Вот так бывает, если ты

продуман, если можешь.

Дома было пусто и холодно. Светало. Я заварила кофе, взяла коробку конфет и залезла под одеяло. Порой мне казалось, что я единственное живое существо в этом мире. Совсем одна без поддержки и участия. Никто не разделял со мной бледно розовые облака, окрашенные восходящим солнцем. Никто не брал меня за руку, когда я ждала результатов анализов. Никто не укачивал меня, когда ночные кошмары отбирали крупинки спокойствия.

Еще в детстве я точно знала, что нет на свете души способной понять меня. Это ведь так важно, иметь рядом кого-то, кто слышит то, что ты говоришь, кто способен посмотреть на мир под твоим углом. Я была лишена этого блага тогда, лишена и теперь. За мои 30 долгих лет вокруг меня крутилось так много людей, но никто не знал меня такой, какая я есть. Всегда маска, всегда роль. Я вела себя так, как мне требовалось. Это было весело, но так надоедало. Порой выбранный образ садился так плотно, что я отдирала его вместе с костями. Мне хотелось быть кем-то другим. Кем-то глупым, наивным, легким, чистым. Я жутко завидовала детям, которым не пришлось испытывать то, что испытала я.

Меня никогда не понимали. Эти страшные слова сводили с ума. Я сама не заметила, как слезы бессилия скатились по щекам. Что значит это бессилие? Почему мне так плохо от осознания своего одиночества? Я ведь всегда обходилась сама. Мне было неплохо, совсем неплохо. Правда же?

– Эта сука никогда не получит ничего! Дайте мне ее в руки и ей конец! – молодой чиновник в бешенстве метался по закрытой камере. Вода и хлеб так и остались на том месте, куда упали. Ему было противно поднимать с земли что-то, еще вчера он завтракал в дорогом французском ресторане и не был намерен понижать уровень из-за какой-то шкуры. Он клал на лопатки людей гораздо выше интеллектом и рангом, с чего вдруг изменять традициям? – Ее просто нужно обдурить.

– Что предлагаешь? – Молчалин, который заметно поник, воспрянул духом. Более молодой и агрессивный пацан готов взять чернуху на себя.

– Оставить ее подыхать в этом паршивом местечке! – Валентин был полон ненависти чуть больше обычного. Ему противен весь мир, каждый человек. – Вырубим камеру и не будем питаться. Как только она откроет двери, набросимся и сделаем все, как надо.

– Согласен, – Саша «Топор» обнял обессиленную жену. Ей было плохо с самого утра, она слаба на желудок, и хлебная диета быстро дала о себе знать. – Потерпи, родная, все будет хорошо.

– Вы просто разозлите зверя, глупые люди. Ничего не изменить, она всех нас убьет, – Петр чувствовал, как Голос внутри него становится сильнее и нашептывает все более ужасающие вещи. Он был рад, что попал сюда, что больше никому не причинит вреда. Люди знают лишь о неболь-

ших преступлениях, но большую часть он не помнит. Только кровь на одежде и руках по утрам, даже под гипнозом он не мог вспомнить, что творил. Ему хотелось бы помнить, чтобы со спокойной душой убить себя, без страха, без жалости.

Я знала, что они задумали. Шпион среди них докладывал о каждом шаге, каждом жесте. Такой наивный план, такие глупые идеи. Кто был стукачом? О, нет, я не скажу вам. В каждой книге должна быть интрига, не так ли?

Я спокойно дописала вторую главу своего произведения, где кратко описала, как притащила их. В моей душе не было ничего, кроме всепоглощающей скуки. Я теряла интерес к тому, что делала. Так бывало не раз, но сейчас мне хотелось завершить начатое. Слишком многое было отдано за это, слишком.

Мои лапочки прождали в засаде весь день. Вечером они получили от меня письмо. Содержимое гласило: «Так сладок мед, что, наконец, он горек. Избыток вкуса убивает вкус. Шекспир был прав, потому что мне надоело ваше скудоумие. Среди вас есть ложная жертва, поиграйте в Мафию, господа. Если к завтрашнему утру никто не умрет, мне придется самой убить одного. Я научу вас уважать правила.»

– Твою мать! Это кто тут крыса? – Валентин осматривал своих соседей. Персонаж из 90-х с женой, шлюха, богатенькая краля, нарик. Кого-то не хватало. – А где психопат, который говорил нам, что не прокатит? – он стучал в каждую дверь, ожидая ответа. – Эй, ненормальный! Где ты? Сдал нас

и прячешься?

– Я ничего не говорил, – Петр слушался эту женщину, потому что только это спасало его от самого себя. Срыв отступил, голова стала болеть не сильнее обычного, он попытался успокоиться. Одежда, которая пропахла потом, сальные редкие волосы – его не интересовало все это. Ему было важно находиться вдали от тех, кому он мог навредить. – Вы просто не понимаете ее. Я понимаю.

– Что же ты понимаешь, а?! Психопат недоделанный! – Скорляк бил кулаками в закрытую дверь, его злило, что ошибка природы считает себя умнее него. А ведь это было не так. Он был единственным, кто мог управлять государством, а эти ничтожества не способны ни на что. – Вы все меня бесите!

– Ты тоже не 100 долларов, – Саша «Топор» привык держать авторитет. Он хорошо знал, что такие беспредельщики не чтят традиций, но уважают силу. – Не наводи панику. И так все голодные и злые, – его могучий рост и крепкое телосложение наводило на определенные мысли, но чиновник и сам был не мелкий, поэтому как петух ожидал схватки.

– Хорош собачиться. Мы тут все повязли. Не хватало еще разборок. Лысый, у тебя вон жена на ладен дышит. Может, ею и пожертвуем? – Ирина была готова на все ради пары стопок и жаренных крыльев из закусочной у дома. – Надо найти слабое звено и избавиться от него. У психопата иммунитет, мы его не достанем.

– Выберем между нариком и брюнеточкой, – Валя подошел к молчаливой бледной паре. – Ну что, кто готов пожертвовать собой ради товарищей?

– Иди к черту! Меня на тот свет так просто не затащить, – Василий слабо ударил по серому лицу и тут же отошел. – Кто из вас хоть что-то знает про ритуалы? А? Я могу помочь!

– Вы меня что ли решили принести в жертву? Так нечестно! Я самая красивая, – Юля захлопала глазами, но мужчины были непреклонны. В моменты выживания они не думали стандартным местом, они нашли того, кто слабее, это было важнее всего. Ее судьба была решена тут, в этих грязных катакомбах. Ее найдут в мятом зеленом платье от Valentino, со спутанными волосами и с потекшим макияжем. Она будет выглядеть, как дворовая девка, как мусор. Все, кто ей завидовал теперь наденут элегантные черные платья на ее похороны. Она больше никогда не будет пихать в себя листья салата, которые ненавидит до скрипа в ушах. Никаких тусовок, никаких поклонников. Только не такая негa, ее жизнь не может закончиться!

Девушка схватила камень и, собрав все оставшиеся силы, ударила камнем по голове Светлану Молчалину. Женщина едва пошевелилась и закатила глаза. Ее муж, осипший от крика, бросился на убийцу, но Василий Жуков оглушил его чем-то тяжелым.

– Так будет лучше, – он обнял брюнетку, которая схватилась за него окровавленными руками. – Случилось то, что

случилось. Нам нужна одна жертва, мы должны играть по правилам, чтобы выжить.

Саша «Топор» прижимал к груди обмякшее тело жены. Кто бы подумал, что все закончится здесь, в вонючем подвале. Он не сможет ее похоронить, не сможет оплакать. Никто не поддержит его. Ее больше нет. Она была права, он не мужик, не смог ее защитить, не смог уберечь. Ее волосы были такие же светлые, как в день их первой встречи. Он так любил ее, так обожал. Светлана, сильная и независимая, бесила его своей властолюбивой натурой, но в глубине души он знал, что только она и способна была вытащить его на новые вершины. Эта маленькая фигурка бегала по их огромной квартире, ходила с ним на охоту и стреляла так, чтобы не попортить шкуру, потому что любила чучела. Больше он не услышит ее крик, ее призыв к действиям. Теперь это все станет историей: их любовь, их жизнь, их счастье. Разрушающая боль накрыла Молчалина с головой. Потеря, которую остро чувствует лишь тот, кто находится в зоне поражения, лишала его последних сил, не давала отомстить, даже несмотря на желание сделать это.

– Эй, ты не раскисай там, – Скорляк смотрел на него с ухмылкой. Это просто женщина, зачем так убиваться? К тому же, главное сейчас совершить ритуал, чтобы можно было пройти на следующий этап. – Давай отдадим наркоше труп, пусть сделает то, что нужно.

– Никто не дотронется до моей жены! Понятно? Никто! –

он вытянулся во весь свой могучий рост и был готов разорвать каждого. – Я вас всех прикончу, а эту сучку оставлю напоследок и буду пытаться так долго, как это позволит ее здоровье.

– Слушай, твоя все равно мертва. Зачем новые жертвы? Ты не должен злить ту, которая заперла нас. Мы вполне можем победить, наказать ее. Разве ты не хочешь отомстить? – Валентин знал, как поймать таких верзил. Это было не сложно. – Пожалуйста, подумай! Ее жизнь не спасти, но свою ты еще можешь. Она бы хотела крови, ты же ее знаешь, – он баюкал Молчалина, как дудка змею. Тот отпустил тело жены и уставился на него. – Брюнеточка следующей будет, обещаю. Ну же, Саша. У нас нет времени.

Мужчина протянул ему еще теплую руку Светланы и отошел назад. В своей жизни он делал много вещей, о которых жалел. То, за что его стоило посадить далеко и надолго, но этот поступок он никогда себе не простит. Света была отдана на растерзание, потому что так могло выжить шесть человек. Такова была цена спасения его шкуры. Да, он боялся умереть, страшился остаться в этом гнилом подвале без надежды на что-то большее, без вариантов. Даже его скорбь, его любовь, его страсть – ничто не могло быть сильнее этого. Он отвернулся к стене, чтобы не думать о том, что натворил. Позорное унижение останется в этих стенах, потому что он никому не позволит узнать о том, что случилось здесь.

– Так, нарик, быстро говори, что нам делать? Как эти все

жертвоприношения совершать? – Скорляк знал, что выйдет из этих дверей рано или поздно. Сейчас надо договориться со всеми.

– Язычество долгое время было религией древних славян. Они поклонялись растениям, животным, камням, стихиям. Невидимые духи, души предков и родичей, населяли весь окружающий мир древнего человека. Не сам предмет был объектом почитания, а тот, кто прятался внутри и имел влияние на ход событий и жизни людей...

– Придурок, мне лекция не нужна. Просто скажи, как ее расчленишь! – его серая внешность, так и не заиграла новыми красками. Он был безлик и жесток, идеальный убийца.

Сохраняя молчание, Василий Жуков взял камень и начал нацарапывать что-то на стене. Это был человек с длинной бородой, могучий и сердитый, из его рук вылетала молния.

– Это что, Зевс что ли? – Ирина тряхнула светлой головой. Один ее клиент любил татуировки и мифологию. Несмотря на воровское прошлое и бандитское настоящее, он верил, что только знания способны сделать из человека что-то стоящее. Он читал ей какого-то англичанина, который писал что-то про луну и мелочь, там была аристократия и какой-то знаменитый художник. На его волосатой груди красовался владыка небесного пьедестала – Зевс, грозный и сильный.

– Это Перун, – Вася прочертил детали и обернулся к кучке пока еще людей. – Кровавые жертвы приносились только верховным Богам, на капище.

– На кладбище? – Власова хлопала своими наращенными ресницами.

– Капище – это языческий храм. Поэтому я начертил изображения Бога грозы, нужен был идол. Жертву закалывали, но точно непонятно, были ли у славян человеческие приношения.

– Хорошо, – Валентин достал пруд и несколько раз проткнул бездыханное тело. – Что еще?

– Жертвенных животных съедали, на их костях гадали, а потом сжигали останки или выкидывали в реку, – Жуков опустил глаза, он не знал, как далеко готов зайти ради воли, ради новых ощущений. Сейчас он больше всего жалел, что принимал химикаты, от которых хотелось спать. В таком состоянии он был между двух миров, спокоен и расслаблен, все проблемы казались мелкими. Детство, которое он провел с родителями, не желавшими понимать, что ребенка необязательно бить, можно просто разговаривать. Юность, оставшуюся среди пробирок, потому что даже среди ботаников места ему не находилось. Он привык быть один, забывался в своих снадобьях и не раз думал о самоубийстве. Теперь есть хорошая возможность умереть благородно, не падая на дно. Но почему-то ему совсем не хотелось покоряться судьбе. Он хотел жить. Всеми своими тонкими костями он ощущал приближение косматой старухи и мечтал отсрочить момент.

– Ну уж нет! Я не позволю! – Саша, который терпеливо ждал окончания этого издевательства решил, что это слиш-

ком. Он не будет есть свою жену, свою любимую девочку. Никогда не будет. Ничто его не заставит.

– Значит ляжешь рядом с ней, ясно? – Скорляк не был настроен на долгую беседу. Он вырвет свой шанс на выживание у любого, так было раньше, будет и теперь.

– Да перестаньте бодаться! – Ира не раз разнимала агрессивных клиентов, которые путали время, не хотели уходить или платить. В отличие от фильмов и сериалов, их «крыша», бывший разбойник, не печалился за их жизнь или здоровье. В регионе хватало бедных женщин, которым надо как-то зарабатывать. На зарплату в 16 тысяч не прокормишь детей, не купишь вещи, не снимешь квартиру. – Мы должны сделать это. Чуть-чуть, просто для вида. Саша, нам нужно выйти отсюда! На хлебе и воде долго мы не протянем.

– Вопрос только чем отпилить, – Юлия стояла позади, в ее пустой голове бурлила удачная идея. – Можно камнем отбить мизинец и съесть каждому по кусочку.

– Закрой рот! Ты говоришь о моей жене! Убийца, – Молчалин хотел бы забить ее своими руками, но правила есть правила.

– Как будто ты святой! Тупой бандюган! – девушка спряталась за чиновником. Тот бы не подал ей руку, даже если бы она умирала, но сейчас она могла понадобиться в качестве следующей жертвы.

Так и решено было сделать: жертвенный пальчик и довольная маньячка. Саша «Топор» уже привычно отвернулся

к стене, список непрощенных грехов пополнился на один. Ужасные удары, хруст кости. Эта минута длилась целую вечность.

– Это твое, неженка, – Скорляк протянул ему маленький кровавый кусочек. Он не понимал, зачем так убиваться из-за того, кто мертв, тем более это просто баба. – Жри молча и покончим с этим.

Удивительно, как легко они превратились в каннибалов. Молча, без удовольствия, пять человек проглотили чужую плоть и поняли, что больше никогда не станут прежними. Они не сказали ни слова до 6 утра, тогда я открыла двери и позволила им вернуться в клетки. Они были на местах, только убедившись в этом, я кинула им привычный паек (Узичу досталась дополнительно пачка печенья и остатки колбасы).

– Значит пошли по дороге предков? – я смотрела на Перуна и улыбалась. Кто-то сказал, что на нас лишь тоненький слой человека, внутри мы гораздо опаснее зверей. Как жаль, что они это сделали, как бы мне хотелось, чтобы они так не поступали. Выпустила ли бы я их на свободу тогда? Нет, конечно. Но я бы поверила в силу человечности, в любовь. Люди легко перешагивают через то, что им дорого, когда речь заходит о них самих. – Хорошо, если будете продолжать в таком духе, скоро окажетесь на воле.

Я погрузило тело и атрибуты на тележку и вышла из душевого подвала. Там был невероятно тяжелый воздух и после того, как я его посещала, меня тошнило, хотелось закончить

это все.

Я боялась этого места, потому что там становилась другой: жестокой и ядовитой, без сочувствия, без тепла. Не испытывала ненависти к ним, но мучала, потому что эти существа мне отвратительны. Лучше бы я родилась животным или растением...

Дома было тихо, рассвет уже осветил мои небольшие комнаты, заваленные книгами. Я должна была отвезти тело, которое перебросила в багажник, но сил на это не было. В стакан-термос я навела крайне крепкий кофе и вышла на свежий воздух. От меня все еще пахло трупом, это раздражало.

В отличие от прошлых случаев я не получала удовольствие от смерти. Возможно потому, что в этом не было моей заслуги, а мои подопечные сильно разочаровали меня своим поведением. На душе было пусто, я так устало, мне все это надоело.

Я остановилась недалеко от поселения, но на достаточном расстоянии от своего дома. Пролесок был пуст, жители деревни еще не успели добраться до него своими натруженными руками.

Светлана Молчалина оказалась намного тяжелее, чем я помнила, но дело требовало завершения. Мне потребовался час, чтобы расставить все так, как нужно и поехать обратно. Мешки я оставила на остановке за пару километров от места. Боялась ли я, что меня могут заметить? Нет, мне было абсолютно все равно на то, что обо мне подумают. Если бы

меня схватили и посадили в клетку, я бы не стала умолять о прощении, не оправдывалась, и никогда бы не признала себя сумасшедшей. Потому что я высшее существо, я вершина эволюции, я лучшее, что могло случиться с этими людьми.

Глава 6.

Следователь Киров Иван Васильевич ненавидел утренние вызовы, тем более из главного офиса. Начальник позвонил ему еще до первой рабочей чашки кофе, чтобы рассказать, что на просторах столицы нашли тело молодой женщины, убитой странным образом. Как будто о нем бы вспомнили, если бы речь шла об очередной пьяной бытовухе. Как же ему надоело это все.

– Василич, – парнишка лет тридцати по имени Слава окликнул старого сыщика. Он был самым преданным его фанатом и помощником. – Дело нечистое, это я вам говорю, – Киров закатил глаза и откинулся на спинку стула. Ему нравился этот наивный человек, особенно за свою простоту. – У нее нет мизинца. Она истощена. Убили ее ударом по голове, а потом проткнули несколько раз чем-то острым.

– Что нашли рядом? – следователь уже построил план расследования. Его безразличие к объекту преступления не было проявлением жестокости. За долгие годы он научился отстраняться от боли и сострадания, так его психика защищалась. По такому же принципу психологов не волнуют проблемы близких, а патологоанатом ест свой обед рядом с разложившимся трупом. Человек привыкает ко всему, пытаясь выжить в беспощадности современного мира.

– Да, вот, – его молодая рука была покрыта выпирающими

венами. Ладонью он сжимал прозрачный пакет.

– Не дави так на улику, она может повредиться, – страсть молодой натуры часто мешает работе. Иван Васильевич взял в руки кусок камня с нацарапанным портретом и прищурился.

– Это Зевс, я вам говорю, – Слава с нетерпением смотрел через плечо наставника.

– Это Перун, – Киров повертел в руках находку и встал со стула.

– Вы куда? – молодой человек мялся на месте. Он не знал, возьмут ли его с собой, но очень хотел помочь.

– Идем к Эйзеру, – они направились в морг. Иосиф Михайлович как всегда пил кофе и что-то внимательно рассматривал на теле жертвы. К удивлению, всех окружающих, он ни разу не поставил неверного диагноза, не пролил ни капли черного напитка, хоть и махал кружкой, как ненормальный. Он был бесхитростным человеком, что поражало каждого, кто его знал. Корни же должны дать о себе знать.

– Опять ты, – седовласый мужчина хрупкого телосложения повернулся спиной к гостям и начал что-то печатать на выключенном компьютере. – Я занят, приходи после трех.

– После трех ты не работаешь, старый черт, – Киров подошел к столу со Светланой Молчалиной. Он знал, кто это. – Что скажешь?

– Плохое подобие ритуального убийства, – Эйзер повернулся, улыбаясь белоснежными винурами. – Знаешь, что за-

бавно? Смотри, – он подошел к старому приятелю. – Удар по голове был нанесен девушкой, думаю, молодой и тоже ослабленной. Спросишь почему?

– Почему? – Иван Васильевич точно знал, что этот старик расскажет все, это просто нужно выдержать. Сам он не любил лишние детали.

– Потому что убить кого-то таким слабым ударом невозможно. Это сделала худенькая девочка, или с испуга, или по приказу, – он вытащил коробку любимых конфет «Ассорти» из стола и предложил своим посетителям. Оба покачали головой, продолжая рассматривать труп. – Но при этом, ее сердце остановилось только после того, как ее проткнули. Потеря крови.

– Думаешь, кто-то подумал, что убил ее ударом, а потом изобразил такое?

– Ну ты и дурак, Василич! – Эйзер закатил глаза и вернулся к столу. – Тут же очевидно все! Жертва убила жертву. Их натравили друг на друга. Увидишь, будут и другие.

– Кто и зачем мог так поступить? – Слава работал в полиции уже пять лет, но все еще не привык к холодным людям, которые могут издеваться над себе подобными. За окном лил дождь, его знобило.

– Кто угодно. Ты, например, – Иосиф Михайлович часто ставил в тупик своими репликами. – Не надо так пугаться, юноша. Я сказал, например. Вы не вызываете моих подозрений. Слишком нежный. Из вас двоих я бы выбрал Василича.

Больно равнодушный.

Киров усмехнулся. Как мало о нем знают окружающие. Первые три года своей службы он не мог нормально спать, везде мерещились трупы и маньяки. Увидев, как его сынишка Андрюша боится вместе с ним, Иван Васильевич взял себя в руки и, как истинный мужчина, утопил горе в вине. Жена продержалась еще три года и съехала к маме в Иваново. Ребенка он видел только на каникулах, тогда было запрещено все алкогольное. Он целыми днями таскался с Андрюшей. Даже на работе все привыкли к любопытному мальчику. Сейчас он уехал учиться в Германию, появляется редко. Киров скучал по нему и тому времени, когда можно было привлечь его внимание просто достав пожарную машинку.

– Значит твое мнение: это одна из жертв серийного убийцы?

– Значит надо дослушать то, что говорит умный человек, – еще один шоколадный лепесток погрузился в его рот, он прикрыл глаза от удовольствия. – Буду краток, раз никому неинтересно. В Москву ее привезли, убили где-то в центральной полосе, недалеко. Держали в подвале неделю, может, меньше. Везли аккуратно, повреждений после смерти почти нет, как и отпечатков.

– Что скажешь об убийце?

– Наглый старый пень! Я патологоанатом, не психиатр! Вали давай! – Эйзер заканчивал так почти каждый свой разговор. Его раздражало, что люди считали, что он может все,

взглянув на тело. Того, что он рассказывал, было и так много, но каждый хотел большего. Никто не замечал громадного труда.

Киров и Слава покинули зловонное помещение и поднялись на третий этаж своего учреждения. Это серое здание было почти единственной постройкой в Москве, где все находилось в одном месте, под рукой. На этом настаивал начальник их отделения за что все ему были глубоко признательны. Это экономило время, которого всегда не хватало, потому что психопат мог активизироваться в любой момент.

– Мариночка, что там у нас по делу Молчалиной? – Киров подкрался сзади к тучной блондинке в модных черных очках. В свои 30 лет она все еще была одинока, и никто никогда не видел ее близко к мужчине или женщине. Это поражало, потому что не смотря на лишний вес, это была красивая и обаятельная девушка, хорошо одетая и приятно пахнувшая.

– Кроме того, что она с мужем пропала из охотничьего домика? – девушка искоса посмотрела на Славу и сразу отвернулась. Никто не должен был догадаться о том, как сильно он ей нравится. Поэтому она за обедом сватала его кадровичке Маше.

– Да, кроме скудных фактов, – он был доброжелателен с очень узким кругом лиц. Марина Разузнаева была в этом круге.

– Думаю, это либо слабый мужчина, либо женщина, – девушка как раз получила результаты экспертизы, этот труп

возили на телеге. – Маньяк бы нес сам жертву. Им нравится ощущать власть. Этот персонаж физически не способен на это. Так-то. К тому же, это делают не ради удовольствия, а из-за скуки.

– Скуки? – Слава Моряк не верил своим ушам. Как можно от тоски начать издеваться над живым существом?

– Именно, – она отдернула край юбки и пообещала себе пропустить ужин, чтобы брюхо больше не переваливало через пояс. – Думаю, изначально была какая-то задумка или план. Или решение обдумать это в будущем. Но все пошло крахом, может, в жизни кто-то появился.

– Влюбленный маньяк? Очень смешно, – брюнет дернул широкими плечами. Для него это светлое, чистое чувство не вязалось с мерзким созданием.

– Красавицу и чудовище не читал? – Марина решительно обернулась и изогнула бровь. – «В самом безрассудном сердце есть струны, коих нельзя коснуться, не заставив их трепетать. У людей самых отчаянных, готовых шутить с жизнью и смертью, есть нечто такое, над чем они не позволяют себе смеяться».

– Причем тут По и «Маска красной смерти»? Это просто какой-то неадекват, который гуляет по Подмоскovie, раскидывая трупы. Ничего более, – Славу впечатлила цитата, но он не хотел марать ее об отвратительное происшествие.

– Я думаю по-другому. Это одинокое создание, которое показывает миру, что не все бывает черно-белым. Ты вот жа-

леешь эту женщину, правда? – парень кивнул головой, блондинка продолжила. – А она глава ОПГ. Точнее, ее пропавший муж, но все знают, что он красивая картинка, а она действительно у власти. Как думаешь, сколько людей умерло по ее вине?

– Это не имеет значения. Никто не в праве распоряжаться чужой жизнью, – он хотел рассказать ей про высший суд и принципы Божьей воли, но Киров не одобрял религию, и Слава почтительно молчал об этом в его присутствии.

– Не верю, что такое могла сделать женщина. Они жестокие, конечно, но не такие продуманные.

Следователи покинули комнату, чтобы проанализировать информацию по делу, а Марина потерялась в мечтах, как читает очередной рассказ По вслух для Славы, который поглаживает ее ноги, чудесным образом излеченные от капиллярной сетки.

Александр Молчалин сидел в темной камере, доедая хлеб, который начала пожирать плесень. В этом темном месте воняло покруче, чем в тюрьме. Тут никто не убирал за ними, да и он сам не мылся целую вечность. Как легко потерять человеческий облик. В его голове всплыла Прага. Они ездили туда со Светланой через два года после свадьбы. Дождь лил целую неделю. Ему пришлось нести ее на руках, иначе конец замшевым туфлям от какого-то дядьки. Когда же они утратили эту ниточку?

– Не грусти, брат. Ей все равно не спастись было. Хоть не

мучилась, – Скорляк был за стеной. Он точно знал к кому стоит примкнуть. – Тяжело конечно, но она уж точно сейчас в лучшем месте.

– Я не должен был... Это преступление против брака... – Саша «Топор» чувствовал такое раскаяние сразу как заканчивал половой акт с очередной молоденькой вертихвосткой. Страсть уходила, а любовь оставалась. Теперь было слишком поздно. Его жена мертва, и он никогда не загладит свою вину за все то, что сделал.

– Вся наша чертова жизнь – одно сплошное мерзкое преступление. Вот смотри, была Земля, красивая планета с животными и растениями. Бог решил дополнить картину, пустил людишек и что началось? Мы загадили все, что могли. Абсолютно все. Каждый кто пытается выбраться из положенной колеи – будет убит. Каждый, кто попытается приблизить нас к замыслу Творца – будет убит. Все лучшее в мире будет убито. Твоя любовь тому подтверждение. И ты сможешь замолить свои грехи еженедельными походами в церковь, благотворительными пожертвованиями или волонтерством. Но сейчас ты обязан взять себя в руки и выбраться из этого подземелья, – Валентин ненавидел утешать кого-то, тем более мужчин. По его мнению, сильный пол не плачет и не тоскует. Для них сердце является позорной слабостью, непредусмотренной функцией. По-другому и быть не могло.

– Значит, главное выбраться, а как уже не важно? Хорошая политика, подонок, – Василий Жуков слушал все это с

мерзким чувством надувательства внутри. – Ему нужен союзник, а ты самый сильный физически. Не забывай, что он не сочувствовал тебе.

– Ты смотри как расчувствовался, – чиновник мечтал забить насмерть каждого жителя этих поганных камер.

– Я не хотел ничьей жертвы. Я воспользовался ситуацией, потому что очередная смерть ничего бы не решила. Но мне искренне жаль, что так вышло, – ему и правда было горько. Сейчас бы принять небольшой пузырек и послушать Коэна, а не вот это вот все.

– Я прошу прощения. Я испугалась. Как представила, что моя жизнь кончится здесь, в этом помещении. А она была самой легкой жертвой, – все знали, что Юлия будет следующей, и она лишь отсрочила свой уход.

– Они все равно убьют тебя, дура тупая, – Ирина сидела на каменном полу и кидала круглые шарики из хлеба об стену. – Потом будет псих, нарик и я. Руку на отсечение, что если кто-то и спасется из этой дыры, это будет Скорляк.

Все замолчали. Никто не хотел продолжать рассуждения итак очевидные. В этих условиях все решает сила и жестокость. И того, и другого у чиновника в избытке.

– Я не хочу умирать. Я еще молода, – Власова подумала о 20 бесполезных годах. Она так и не стала врачом, как мечтала. Университет видел ее лишь на посвящении, дальше папины деньги сдавали экзамены. Папа... Она не видела его с Рождества. Удивительно, они не разговаривали по душам

лет пять. Мама, которая каталась из одной точки Земли в другую, вообще забыла, как выглядит дочь. Так ли нужно ей выжить? Стоило ли это того, что она сделала с женщиной?

– Раз не хочешь, не умрешь, – брюнет в соседней камере тяжело вздохнул. Его очищенные легкие больше не казались тяжелыми, но от этого не было легче. Он понимал, какую роль ему уготовили и против Скорняка шансы не велики, но хуже всего, что ему не хотелось терять избалованную девочку за стеной. – Что тебе нравится больше всего на свете?

– Совы, – девушка улыбнулась и вспомнила тематическое кафе в центре Москвы. – Они милые и пушистые.

– А еще? – ему нравилось говорить с ней так, будто это ничего не значило, будто они на обычном свидании в кофейне.

– Еще мне нравятся лилии и дождь. Запах сигар от каждой папиной рубашки и французский рэп, – слышались далекие хихиканья. – Не смейся!

– Я все думал, кто эти чокнутые, кто слушает эту муть. Вот и встретил отбившегося от стаи, – впервые за много лет Вася смеялся от души. – Мне старый рок ничего не заменит.

– А ты, братец, мечтатель, – Петр Узич почти всегда молчал. Ему было противно в обществе этих людей, но хуже всего, что с каждой секундой и пропущенной таблеткой, зверь, который нашептывал ему ужасные вещи, становился громче. Головные боли снова усилились, ему было страшно, он хотел остаться в этой камере навечно. – Я тоже был таким в юности. Стихи писал даже, – так было до того, как он проснул-

ся однажды ночью от крика, который исходил из его головы. Этот страшный день стал началом.

— А я вот думаю, что ты шпион, — Скорляка уже тошнило от лирических разговоров соседей. — Какой-то ты неприятный.

— А ты само Очарование, — Вася усмехнулся. — Она специально нас стравливает. Наверняка у нее есть камера или что-то в этом роде. Ничего не бывает просто так, господа.

Я не слышала, что они говорили. Пару минут назад мне написала моя бывшая лучшая подруга и я отдалась во власть ностальгии. Ее звали Виктория. Мы познакомились сразу после моей неудачной любви и, пожалуй, она единственная была близка к тому, чтобы знать меня настоящую.

Мы не были похожи. У нее были плавные формы против моих костей, густые черные волосы, а не три светлых пера, но самое главное: за ее спиной было сытое и счастливое детство. Я завидовала ей, ее семье, ее счастью. Не по-плохому, по-хорошему, если такое чувство вообще имеет оттенки. Вы поймете меня, если видели по-настоящему счастливых людей, когда сами были глубоко несчастны.

Мы далеки друг от друга также, как Эйфелева башня далека от статуи Свободы. Нас разделяет океан и бесчисленное количество чужих земель, неясных и непонятных. Чья бы рука не сотворила из нас шедевры, мы всегда будем разными галактиками, непостижимыми и близкими, сотворенными Богом, чтобы развеять вечно счастливой конец глупой

сказки.

«Мы беременны. Можешь представить?» – это сообщение заставило прыгать на месте так, будто меня освободили от цепей, которые сковали сухие запястья. Я была несказанно рада за нее, рада, что она не знает, в кого я теперь превратилась. Стук в дверь заставил меня спуститься с небес. Денис, которого я не видела целую вечность красовался в дверях.

– Я вовремя? – его бархатный голос заставил меня поверить, что я тоже могу быть счастлива. Недолго думая, я прыгнула к нему на руки и поцеловала прямо в губы. Всего на секунду он отстранился и посмотрел в мои лучистые глаза. – Ты... – не знаю, что он хотел спросить. Я не хотела слушать. Мне нужен был контакт с живым человеком, нужно было участить сердцебиение. Я прижалась к нему всем телом, он сдался. В этот день я впервые поняла, что значит заниматься любовью. Не один мужчина не относился ко мне с такой осторожностью и заботой. Но самое главное, мы уснули вместе со следами своего грехопадения, растрепанные и уставшие, мы обнялись и уснули. Вместе.

Утром я встала пораньше. Впервые мне не снился кошмар, я не вскакивала в темноте и испуге. Его светлое лицо казалось почти ангельским, я не разрешила себе выбраться из постели.

– Как мило, что ты наблюдаешь за тем, как я сплю, – его невероятно черные глаза посмотрели на меня так неожиданно, что я отвернулась в смущении. – Тебе идут розовые щеч-

ки.

Он поцеловал меня, и мы продолжили на том месте, где остановились. Я впервые чувствовала себя желанной женщиной. Знаете, как важно знать, что кто-то улыбается, глядя на тебя? У вас-то есть такой человек?

Завтрак я готовила сама. На улице был полдень, я бегала босиком по мохнатому коврику, а он пытался поймать меня.

– Тебе нужно поесть, – я хихикала и уворачивалась от его объятий.

– Я могу целую неделю прожить на твоих поцелуях. Вот увидишь, – его крупные руки сгребли меня в охапку и прижали к себе. – Я побуду твоей липучкой, а ты готовь то, что хочешь.

– Так неудобно, – его небритая щека была самым приятным из всего, что мне доводилось трогать. – Лучше достань молоко для кофе. Я поставлю чайник, – он нехотя отошел к холодильнику и рассмеялся. – Что такое?

– Хлеб и вода? К войне готовишься? – Денис держал в руках корзину, в которой я носила еду своим заключенным. Кажется, фундамент моего дома начал плавиться, я теряла равновесие. Его такое смешливое лицо окрасилось непониманием. – Ты чего? – здесь и сейчас я осознала, что совсем забыла про шестерку в катакомбах. Я была тем вором, на котором горела шапка, но ничего поделать с собой не могла. Взять себя в руки не получалось. – Кристина...

Он подошел ко мне ближе, чтобы взять за безжизненную

руку и утешить. Я не могла позволить, чтобы он испачкался о мою мерзость, поэтому попросила его уйти. Он не сопротивлялся, думаю, понимал, что я должна побыть наедине с собой, должна подумать.

Как только дверь закрылась, слезы намочили мои щеки. Я не любила хэппи энды, потому что жизнь не оставляла недосказанности. Все во мне либо горело огнем, либо не трогало вовсе.

С чего вдруг я решила, что монстр может жить долго и счастливо? На мне ответственность за оставшуюся часть жизни шести людей, а я играю в любовь.

Выждав полчаса для верности, я взяла корзину и вышла в лес. Положенная еда упала вниз, для Петра я принесла ванильные сухари. Почти десять минут я уговаривала себя спуститься вниз. Мне хотелось бросить их здесь и бежать за широкоплечим блондином, который унес мое сердце с собой. Их останки найдут через много лет, никто не догадается, что это я. На мне все еще был его запах, который я считала богохульным нести в этот чертов подвал с отбросами общества.

Я все же спустилась. Стены давили сильнее обычного, запах испражнений и немытого тела заставил меня поморщиться.

– Светлана упокоиться с миром совсем скоро. Ее уже нашли. Как только я уйду, двери откроются. Ваша религиозное убийство прошло хорошо, хоть и не с первого раза. Теперь я хочу, чтобы вы расчленили труп следующей жертвы. Мне не

важно, кто это будет, но по частям вынести его будет проще. У вас есть время до завтрашнего утра, – я оставила им топор посередине коридора. Выломать входную дверь бункера им было невозможно, но для разделки хватит. Ужасно болела голова, хотелось спать. Я вернулась в дом и укуталась в одеяло, которое все еще пахло его телом. Как бы мне хотелось, чтобы он был рядом.

Пять человек покинули камеры. Петр Узич все еще старался держаться подальше от людей, которым мог навредить вопреки своей воли. Они осмотрели оружие и своих сокамерников.

– Никто не тронет топор, пока мы не решим, кто следующий... – Василий не успел договорить, как получил удар по голове от Скорляка. Тот не любил рассуждений и разговоров, его единственной целью было выживание и каждый хотел оказаться рядом с ним.

– Ты обещал, что девка будет следующей, – Молчалин был недоволен выбором, но после ухода Светланы потерял боевые навыки и превратился в типичную массивную мямлю.

– Этот нарик мне надоел. Он был слишком умен. Теперь можете отвернуться, чтобы плохой парень сделал оставшуюся работу, – Валентин опасался таких, как Жуков. Они были идейными и хитрыми, он мог найти пути и обойти его план спасения. Поэтому он убил его прежде, чем тот обзавелся союзниками.

– Ты не человек! Ты животное, – Юлия залилась слезами. В

этих условиях на краю жизни ей попался тот единственный, с которым можно было поговорить и теперь его убило это чудовище. Ее никто не сможет защитить.

– Вот именно, – Скорляк подошел ближе к брюнетке, она дрожала. – Хорошо запомни то, что сказала. Я животное, поэтому я не позволю тебе ударить меня исподтишка, спасая свое жалкое существование. Поняла?

Все разошлись по своим местам, все еще доносились всхлипывания напуганной Власовой. Чиновник, залитый кровью, раскидывал куски молодого парня, который отравил ни одну жизнь, о котором никто не будет плакать, но который хотел жить.

Кирова разбудили рано утром, он не успел умыться. Новое тело, как и предвещала Мариночка. На этот раз это была расчлененка. Он, как и любой нормальный человек, ненавидел свою работу и мечтал ничего не делать где-то на французском винограднике, а приходится снова и снова искать психопатов, которым не живется спокойно. Нацепив светло серый костюм и голубую рубашку, Иван Васильевич вышел из многоквартирного дома и подошел к старенькой Хонде синего цвета. Он слишком устал от этой жизни.

– Думаешь, один и тот же человек? – он смотрел на Эйзера, заспанный Слава зевал в углу.

– Тут бил мужчина, крепкий, но ослабленный. Так что мой вывод тот же: их принуждают к жестокости. Хотя такой удар говорил не о безысходности, скорее расчет.

– Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, – Киров вспомнил о деле пятилетней давности. Тогда они нашли ма-
ньяка средних лет, который устраивал бои без правил в под-
вале собственного дома. Шесть человек, ослабшие и уста-
лые, дрались на смерть. Вот такой чемпионат. – Дело Петро-
ва похоже, конечно...

– Милый мой, колесо давно изобрели и даже в преступном
мире ничего нового сделать не удастся, – Иосиф Михайло-
вич откусил конфетку и хлебнул остывший кофе. – Я не ве-
рю, что ты не видишь совпадений. И вот еще: ты охотишься
на женщину, – в доказательство своих слов Эйзер бросил на
стол две папки. – Она хаотична и непредсказуема.

– Это может быть невротик или маменькин сынок... –
Иван Васильевич перебирал листы и все больше убеждался
в правдивости друга.

– Или женщина! – старик прищипнул языком и посмотрел
на Моряка, который восторженно следил за начальником. –
А ты что думаешь, дитятко?

– Ему еще рано думать. Пусть сначала усвоит мой опыт, а
уж потом нарабатывает свой, – его усталые серые глаза с неж-
ностью обогнули парня в углу. Он был так молод, так наив-
ен. Похож на сына, которого он не видел так долго. Юность
эгоистична, Андрей думает, что родители вечны. Как жаль,
как жаль!

Я лежала дома, обернувшись зимним одеялом. Если бы
мне сказали, что в этот самый момент моя фигура начала

приобретать очертания для сыщиков, я бы улыбнулась. Нужны свидетели нашего существования. Каждому из нас нужны свидетели нашего существования. Мы многогранный отпечаток вселенной, неповторимый и неузнанный. Сильные и слабые, добрые и злые. Делим себя на категории, игнорируя радужную палитру характера. Мы актеры, и чем лучше играем роль, тем больше зрителей смотрят.

Глава 7.

– Кристина, больше так не делай. Я серьезно испугался за тебя, – Денис иступлено гладил мои костлявые руки. Я не смогла остаться в стороне от него. Позвонила, как только солнце стало невыносимо жарким. Мы шли по тенистому лесу, свежий воздух ласкал мою кожу. Я решительно забыла о том, кто прятался в глубинах этой земли, отпустила себя и просто осталась девушкой, которую ведет под руку симпатичный блондин.

– Извини, – я хлопала ресницами, как это делают неиспорченные девицы. – Ты напомнил мне про ту главу моей жизни, о которой я хотела бы забыть. Теперь все хорошо, я успокоилась, – мне казалось, что он не верит ни одному моему слову, но делает вид, что попался.

Этот пейзаж, подол моей длинной юбки и вытоптанные тропы показывали другой мир, которого я никогда не видела. Это была не просто прогулка. Я чувствовала себя в прошлом веке, когда касание руки уже было чем-то серьезным.

– Если бы родились на сто лет раньше, кем бы ты был? – в далеке показалась развалившаяся усадьба графского дома.

– Думаю, крестьянином, как и сейчас, – ямочки на его щеках снова показались, мое сердце таяло как мороженое в июле. – Почему ты задумалась об этом?

– Я думаю, справедливости ради, ты должен был быть раз-

бойником, — да, мне хотелось, чтобы не только я была все-
ленным злом. Пусть хоть в прошлой жизни он был хуже ме-
ня. — А я стала бы дочерью влиятельного купца или что-то
вроде того.

— Так, значит ты влюбилась бы в хулигана, а потом я бы
спас тебя от золотой клетки, в которой ты провела свое дет-
ство? — он был далек от грязи, которая покрывала каждый
сантиметр моего тела. Я не знала, почему стала такой без-
вольной, почему врала ему. Мне было тяжело признаться,
что я дорожу этим мужчиной сильнее, чем кем бы то ни бы-
ло. Поэтому я отсрочивала неизбежное: мое истинное лицо,
притаившееся за маской, закрепленной на мне шуруповер-
том.

— Ты и так спас меня, — хотя бы на те мгновения, когда
кошмары отступали и со мной рядом не оказывалось ничего,
кроме его ровного, спокойного дыхания.

Следователь Киров сидел в куче бумаг. Его помощник
Слава просматривал видеокамеры, но никаких зацепок не
было. Морщинистая рука переворачивала одну страницу за
другой. Отчеты, отчеты, отчеты... Почему нельзя просто
сказать: там ничего. Ах да! Тогда никто не будет ничего де-
лать.

— Василич, это бесполезно. Все магазины слишком дале-
ко. Мы не найдем улик, — брюнет закрыл глаза, их засыпало
песком.

— Я знаю, — он отвлек паренька, потому что не мог рабо-

тать, когда над ним кто-то висит. — Это простая формальность. Бывает, что нужно находиться там, где не ждешь, — связь между женой уголовника и наркоманом проста: они не были типичными горожанами. Тем более, украсть их не так просто. В крови Светланы обнаружено не мало следов снотворного. У наркомана тоже. Вероятность того, что маньяк — женщина, становится все выше.

— Что мы будем делать дальше?

— Искать, Слава, искать...

Саша «Топор» еле переставлял ноги. Его небольшую камеру наполнял смрад. Жена не выходила у него из головы не на секунду, но все чаще чувство вины заглушал страх предстоящей расправы. Последний раз он был так напуган в 97, когда ему предстояло пристрелить одного из своих ребят. Бандиты часто практиковали публичные казни, в назидание другим. Молчалин долго избегал таких особенностей работы, но ситуация была крайняя, сейчас нельзя было отказаться. И вот он стоит в лесу, перед ним парень, которого он знал больше 10 лет, с которым начинал, которого уважал. Он смотрит ему прямо в глаза, не коситься на ружье в чужих руках, не просит помощи или пощады. Он спокоен. «Топор» еле сдерживал дрожь в коленях, оттянуть момент не удастся. Все почтенно молчат, ждут, когда глава группировки омоет руки кровью. Он заряжает ружье, поднимает ствол и нажимает на курок. Паренек падает, истекая кровью. Вокруг ни звука, капли на деревьях, листиках. Они опозорили природу

своим появлением.

– Странная она какая-то, – Скорляк до смерти устал от напряжения, в котором прибывал все свое заключение. Два убийства, две ступени к свободе. Их осталось пятеро. – Посадила семь злобных монстров в подземелье, заставляет избавляться друг от друга, а сама как будто и не интересуется этим вовсе.

– Да конечно! У нее наверняка тут камеры повсюду. Смотрит и наслаждается, сучка, – Васильева гладила свои грязные ноги. Впервые за много лет ей хотелось простого секса с кем угодно. То ли ее организм привык к ежедневным вторжениям, то ли это психология, но против фактов не попрешь.

– Думаете, она нас отпустит? – Юлия все еще надеялась еще раз слетать на Гоа.

– Что значит «нас»? Выйдет один, и это явно не ты, – Ира не верила даже в свою кандидатуру. Ей бы хотелось, но здравый смысл, здравый смысл.

– Да и не ты, – Молчалин отковыривал остатки краски от стен. – Она оберегает психа, наверняка его и спасет. Шпион.

– Что вы понимаете в душе? – Петр, который все это время провел в молитвах о своем успокоении, усмехнулся рассуждениям. – Я не буду оправдываться. Не перед вами. И судить меня не вам.

– Возомнил себя праведником? Ну иди сюда! – чиновник бился о железную дверь. Его настроение менялось часто, в этом не было ничего нового и удивительного.

– Нет, я не был святым никогда. Но я был хорошим человеком, пока моя болезнь не взяла вверх, – Узич содрогнулся от мыслей из прошлого. Уже давно ему так не хотелось крови. – За каждый свой грех я плачу нескончаемыми страданиями. Знаешь каково это? Конечно, нет. Для тебя не важно ничего, кроме своего собственного эго. Такие как ты всегда у власти, но никогда не любимы. Ты сам подписал себе приговор на одиночество.

– Сейчас расплачусь, – Скорляк усмехнулся наивности этого человека. Ему нравилось быть одному, нравилось не зависеть не от кого, не быть привязанным. Это давало полную истинную свободу, потому что только ничего не имея можно быть вольным. Никаких сдерживающих факторов, никаких ограничений.

– Можешь сколько угодно выпендриваться, но факт в том, что нам всем нужен близкий человек, мы не умеем жить сами по себе, – Ира хорошо знала, о чем говорила. Три года она жила с Валерой и была близка к тихому счастью, если бы не его наркотическая зависимость.

– Говори за себя, матушка, – Валентин смотрел на свои грязные руки и не испытывал угрызений совести. – Я верю в романтичность проституток, но позволь заметить, ты продаешь свое тело, потому что это просто и прибыльно. Без этого ты могла бы найти работу в магазине на углу своего дома. Быть продавщицей, вести честный образ жизни. Но тебе это не понравилось, так ведь?

– Это не твое собачье дело! – ворюга не будет рассказывать ей про то, как нужно работать. – Ты всего лишь паразит на теле народа!

– Да, это так. Но скажи мне, разве ты не мечтала оказаться на моем месте и пить ту же кровь с того же животного? Ну, не молчи, – он прижал ухо к двери и довольно улыбнулся тишине. – Хорошо, что ты не стала врать. Все хотят быть паразитами, но не все могут.

– Я никогда не хотел, – Молчалин вмешался в затухающий диалог. Ему нужен был разговор, чтобы взять себя в руки.

– Потому что ты пижон, брат мой. Тебе нравится красоваться, – Скорляк вздохнул, месяц назад он в Ницце смотрел на лица горожан, которым никогда не ездить на его машине. Как же это было прекрасно. – Думаю, ты воображаешь себя Сашей Белым из «Бригады». Только вот никто не предупреждал тебя о темной стороне такой работы. Ты не способен на жестокость, не получаешь от нее кайфа.

– Зато ты получаешь. Тебе не составляет труда убить человека, – Юлия все еще с нежностью вспоминала Василия.

– Это так. Я не боюсь испачкаться и у меня нет принципов. Поэтому я взлетел так высоко.

– Зато ты не получаешь удовольствия от работы. Ты не оставишь после себя ничего, кроме груды костей.

– Какая же ты глупая! – он рассмеялся. – Ты думаешь, мне не нравится властвовать и командовать? Да это лучшее чувство на свете! Я в свободном графике и режиме. Мне ни-

кто не указ. Кто из вас может похвастаться таким? А про наследие скажу так: мне насрать, что будет после моей смерти. Пусть хоть ядерный взрыв накроет эту крошечную планетку.

Они замолчали, тяжело дыша. Сырость и вонь сводили с ума. На сухом пайке каждый почувствовал себя ослабшим. Им было страшно, они знали, что дальше будут новые преступления. Узич, который чувствовал, как зверь внутри становиться сильнее, не поддавался панике. Он все еще верил, что сможет обуздать кровожадное создание.

Мы с Дарьей Викторовной резали салат. Ее светлые волосы были заколоты огромным крабом, который я всегда считала провинциальной роскошью. Денис жарил мясо во дворе то и дело разглядывая нас в окно. Я хихикала от умиления, он за меня волновался.

– Кристюш, помидорки потоньше надо, – она одарила меня ласковым взглядом. Любой другой человек взбесил бы меня такими нравоучениями, но этой женщине я могла позволить многое. Она напоминала мне мать, которой у меня никогда не было: ее округлые плечи, звяканье слишком массивных сережек, цветастые майки с рынка. Мне бы хотелось родиться в такой семье, хотелось бы встретить ее раньше.

– Так пойдет? – я кивнула на деревянную доску. – Вам надо обучить меня готовке. Я не сильна в этом.

– У тебя свои таланты, Кристюш, – она не замечала, как я улыбаюсь каждый раз, когда она так коверкает мое имя. – Быть писателем очень сложно. Придумать сюжет, персона-

жей.

– А если писать на реальных событиях? – я решила, что утаивать и врать не одно и то же. Поэтому за людей в лесу больше не волновалась и позволила себе расслабиться. – Знаете, документальная литература очень популярна.

– Если это не историческая повесть или биография, я бы предпочла вымысел, – Дарья Викторовна шинковала редиску так, как это делают ведущие кулинарных шоу. Это выглядело впечатляюще. – Мне кажется это какой халтурой. Писатель делиться своим воображением, пускает в мир своих иллюзий. В этом и есть его сверхспособность. А вот найти слова-связки для сборища фактов – это не дар, это просто копирайторство.

Сказать, что она удивила меня своими рассуждениями, ничего не сказать. Я никогда не смотрела на свое творчество с такой стороны. А ведь действительно, моя дорога была легкой и беспрепятственной. Совершила преступление, описала его, выложила. Мозг не работает, ничего выдумывать не нужно.

– О чем вы тут шепчетесь? – Денис появился в дверях с тарелкой. Запах мяса на углях просто свел меня с ума. Разве может еда быть такой привлекательной?

Киров лежал на грязной пыльной дороге, где не так давно нашли тело Василия Жукова. Солнце было в самом расцвете, люди проходили, оборачивались и переговаривались. В Москве нет ничего нового в эксцентричных соотечествен-

никах, но русский человек так и не смог до конца принять свободу, которую ему даровал распад Советского Союза.

– Василич, вы выглядите странно, это я вам говорю. Люди же смотрят! – Моряк извиняющееся осматривал каждого прохожего. Рожденный в маленьком приморском городке, он считал, что общественное мнение чуть ли не выше Божьего суда. – Встаньте уже!

– Не командуй мне тут! – следовательно все еще не оторвался от земли. Ему не было дела до светло голубой рубашки, которая покроется пылью. В его шкафу таких сто штук, еще со времен брака. – Я пытаюсь понять, как его сюда принесли, где могут быть хоть какие-то зацепки, – по своему опыту он был уверен, что даже самый опытный рецидивист оставляет мелочи. Время прошло достаточно, чтобы она заскучала: ее не могут найти. Всеми ненормальными управляет эго. Если его не усладить, тоска вернется. Мужчина сел.

– У вас труп жучка на лопатке, – парень скорчил рожицу и двумя пальцами снял его с начальника. – Уже все.

Им нужны были улики против меня, но все было бесполезно. Я не обладала выше сказанным эго, потому что не была ненормальной. Я обычная женщина с кучей тараканов, которым дала волю на некоторое время. Собиралась ли я бросить свое незаконное увлечение? Хотела ли завязать?

У меня нет ответов на эти вопросы. Я перерождалась рядом с этими людьми. Словно не было моего неудачного детства, разбитых первым мужчиной надежд. Будто я не неудач-

но созданное существо, а настоящий человек со светлым будущем. Мы сидели на веранде, попивали чай из настоящего самовара на дровах и говорили о политической ситуации в мире так, между делом. Никого из нас по-настоящему не трогала данная тема, но было так приятно рассуждать о чем-то высоком.

– Кристюш, это все пустое. Воровали, воруют и будут воровать, – Дарья Викторовна зацепила вилкой соленый огурчик. – Ты мне лучше расскажи, о чем твой роман?

Я задумалась. О чем он? О моих убийствах? Об одинокой маньячке? О жизни? О чем эта чертова рукопись?

– Думаю, он о любви, как и все созданное человеком, – рука Дениса легла на мое колено, я вздрогнула. В очередной раз умолчав, что имею ввиду любовь к насилию над живым существом, которое многие считают священным.

– Да, в конце концов только она и имеет смысл, – женщина уперлась глазами в утихающее солнце. Она бы никогда и никому не рассказала, что это чувство живо в ее сердце, как и в тот день, когда она впервые увидела своего Сергея. Бравый офицер и душа компании, он погиб в Афганистане. Она носила траур, когда прошел положенный год. Она носила траур, когда вышла замуж ее последняя подруга. Она носила траур, когда его мать благословила ее на счастье с другим. Она носила траур, когда ей поставили бесплодие. Она носила траур каждую секунду после того, как ей прочли телеграмму. Она носит траур, попивая чай с Денисом и Кри-

стиной.

– Я никогда не понимал, почему ты не вышла замуж. Тебя мужчины любили, – он вспомнил, сколько сердец нехотя погубила его тетя. Она не была сказочно красивой или соблазнительно манящей. Ей просто не было нужно мужское внимание.

Дарья Викторовна оставила этот вопрос риторическим. Она была замужем за Сергеем. Это было ее решение, она уважала его и была с ним счастлива. Гитара, которая всегда сопровождала посиделки на веранде, была при ней. Еле касаясь, она перебирала длинными тяжелыми пальцами струны, наигрывая мотив песни, которую считала своей правдой.

– Твоя тетя играет Металлику? – я слышала этот мотив в 00-ых. Она была популярна и звучала из каждого утюга.

– Nothing else matters, – Денис положил руку мне на плечи и прикрыл глаза. – Она обожает этих ребят, – а я-то думала, что уже все поняла про людей и их сущность.

Скорляк ходил из стороны в сторону. Он не понимал, почему я не пришла, не принесла еду. Они выполнили условие.

– Эй, может, ее поймала полиция? – он бросил клич по соседям, здесь время тянулось вечно, компания была необходима.

– А еще, может, она попала в аварию и разбилась, а мы теперь останемся тут навечно, – Власова жутко устала от антигигиены. Ей хотелось выпить сельдереевый фреш, принять душистую ванну с ароматом иланг-иланга и потанцевать на

вечеринке у Валеры.

– Ты в любом случае останешься тут, не переживай, – Васильева посчитала, что это самый долгий период без выпивки в ее жизни. Так можно и трезвенником стать. – Она просто забыла о нас. Это мы сидим и ждем ее целыми днями, а там, снаружи, кипит жизнь.

– Прямо как собаки, – Молчалин был счастливым обладателем двух ротвейлеров, жена настояла, сам он животных не любил. – Что делать будем? Сбежать отсюда пока нереально. Но выход должен же быть.

– Выход есть всегда, – Ира встала, ноги затекли и болели, голова кружилась. – В окно, например. Но здесь такого нет.

– Какая умная проститутка! Я поражен, госпожа! – Валентин пытался снять с петель дверь, но все было бесполезно. Бетонный пол не оставлял шанса на подкоп, непрошибаемые стены и давление, которое он чувствовал сверху. Они под землей, глубоко. Но эта труба, через которую падает еда, может стать их шансом на свободу. Одному ему не справиться, но эти могут помочь. Он расправится с ними, как только вдохнет свежий воздух. Как позволить ходить свидетелям своих преступлений? Они, конечно, поклянутся, что никому не расскажут, а через неделю будут бегать по реалити-шоу со своей слезливой историей. Нет, так дело не пойдет. – Слушайте, у нас есть эти штуки для подачек. Это единственное место, которое выходит наружу. Дверь не в счет, ее нереально выбить. А эта сука установила электронный замок, и сама

не заходит сюда.

– Почему ты такой агрессивный? Никогда не слышал про семинары по управлению гневом? – сама Юля до заточения активно посещала ораторские курсы. Прогресс был на лицо: она могла уверенно нести бред со сложенными волной руками, говорить «естественно» и носить красный нос в ресторане, потому что стеснение не для оратора. Думаю, Аристотель зря пренебрегал этими хитростями.

– Это праведный гнев, девочка. В этом мире по-другому никак, вокруг хаос, все ждут второго пришествия, платят батюшкам за то, чтобы осветить имущество, нажитое на крови. Юмор в том, что и святые отцы, и грешники знают, что это позерство. Богу незачем брать взятки.

– Впервые ты сказал что-то правильное, чиновник. Был у меня один клиент из их братии...

– Избавь нас от подробностей, – Саша «Топор» не был религиозным фанатиком, но серебристый крест на груди внушал какое-то странное спокойствие. – Должна же быть грань. Вы говорите о церкви!

– Да, я открыто осуждаю церковь, точнее ее продажную часть. А почему тебя это задевает? Думаешь, Богу нравятся такие наместники? Посмотри, что твориться с погодой. МЧС пишет мне чаще, чем банк. Высшие силы посылают нам шторм за штормом, чтобы мы поняли, что стали лишними тут.

– А еще появился рак... – Юля любила глубокие темы,

хоть и мало что в них понимала.

– Ну до него была холера, чума, СПИД. Тут все равно, – Скорляк еще раз осмотрел хитрое сооружение в потолке. – В следующий раз, когда она будет приносить еду, постарайтесь рассмотреть, как низко нас затолкали. Объем большой. Мы попытаемся вытащить железо и раскопать стенки так, чтобы туда мог пролезть человек.

– Большому бандиту придется худеть. Как на счет безуглеводной диеты? – пока Юля не произнесла это, шутка была смешной. От хлеба и воды ее чувство юмора совсем истощало.

– А ты и правда тупая, – хоть Ира и была человеком с не самой благородной профессией, она обладала смекалкой. Такие напыщенные фифы раздражали ее. Богатенькие сучки с большим эго и родительскими деньгами. – Думаешь, раз есть бабло, напрягаться вообще не к чему?

– Не надо завидовать! Меня избранной сделали с рождения. Это не я так решила, – даже если она умрет в этих катакомбах, она всегда будет выше большинства людей. В конечном итоге яркая жизнь, которую она пробовала на вкус, в которой выросла, для многих – недоступная роскошь. Как приятно чувствовать себя не такой, как все. – Я лучше тебя, я была создана для того, чтобы быть лучше тебя!

– А вы все тыкали на мое высокомерие, – Скорляк слышал как за дверью посыпался отборный мат и ответное визжание Власовой. Ему было все равно, он пытался побороть

слабость, которая заполняла его конечности. Двигаться становилось все сложнее, а другие казались бодрыми. Он не показал бы своего состояния даже под страхом смерти. Мир жесток, выживет сильнейший и он заставит себя быть таким.

Иван Васильевич сидел в комнате психолога и со страхом ждал прихода жены. Он провел в реабилитационной клинике месяц, теперь врач решил позвать близких, новый этап лечения. Как только Киров сел составлять список, он осознал, что кроме имени Раисы и сына Андрея писать нечего. Теперь он жалел, что вписал их.

– Здравствуйте, – пухловатая женщина в очках неуверенно мяла пакет в руках. – Можно войти?

– Да, да, добрый день, – Игорь Степанович встал, чтобы помочь даме войти. На ее руках был несвежий маникюр, вообще, она выглядела старше, чем могла бы.

Дальше была долгая вводная часть с представлением и рассказом о себе, все, чтобы расслабить ее. К основному блюду психолог приступил незаметно, спустя 20 минут беседы.

– Итак, когда вы узнали, что у вас рак, что вы сделали в первую очередь, Раиса?

– Позвонила Ване.

– Вы рассказали ему о своем диагнозе?

– Нет. Он был в Сибири на охоте. Я не смогла дозвониться.

– Вы разозлились на него?

– Это случилось гораздо раньше. У нашего сына Андрея был день рождения в эти дни, а он приходит с работы, пьяный как всегда и говорит, что едет на весь отпуск стрелять медведей. Неважно, что он знает, как я ненавижу излишнюю жестокость. Это его желание, а мы просто должны принять это, как факт. Я даже не спросила добрался ли он до места, так зла была. Когда ребенок подбегает к вам с вопросами, где папа, и вам приходится врать, это ужасно.

– Не сомневаюсь, – Игорь Степанович делал пометки в блокноте и поглядывал на Кировых, которые не поднимали глаз друг на друга. – Но вы все же позвонили мужу, когда вышли от врача.

– Да, мне было так страшно, так обидно. Я даже не вспомнила о том, что разделяло нас все последние годы, мне просто хотелось его поддержки, его плеча, – Раиса держала себя в руках, как могла. Курс химии, который она проходила сильно ослабил ее тело, но не характер.

– Он не взял трубку. Что было дальше?

– Я пришла домой, закрылось в ванной. Подумала, как хорошо, что ему все равно, что со мной, как я. Он не будет мучиться, когда меня не станет, не будет скучать, – она загнулась, но продолжила. Ее удивительно морщинистые руки перебирали ручку пакета, которая уже начинала рваться. – Знаете, я всегда знала, что не стану бороться со смертельной болезнью. Не хотела боли, страданий. Раз Бог решил пытать меня, я избегу этого. Убью себя и все закончится. Поэтому

я и пришла в ванну, решила, что оттуда мое тело доставать удобно будет и не попорчу ковер...

– Ты пыталась убить себя?! Рая, твою мать! – Киров вскочил на ноги и начал затапывать пол.

– Вы мне мешаете. Если хотите продолжить сеанс – сядьте и молчите. Ей не легко говорить об этом, – Игорь Степанович был не примерим в вопросах правил, поэтому Василич опустил на стул и отвернулся к стене.

– Продолжайте, пожалуйста. Нам важна каждая мелочь.

– Я уже сидела в ванной в любимом платье, приготовила лезвие и прощальную записку. Меня спугнул шум за дверью. Мама привела Андрея, потому что я уже должна была вернуться. И тут я услышала топотание малюсеньких ножек и как сын зовет меня. Представляете? Меня как молнией ударило. Кто позаботится о моем ребенке? Пьяница-муж, который даже с ходу не вспомнит сколько ему лет? Престарелые родители? Как я могла быть такой эгоисткой?

– Вы начали курс лечения. Как ваш муж узнал об этом?

– Он вернулся, когда я уже начала проходить подготовку. Шансы у меня 50 на 50, но я выбрала войну с той заразой, что схватила меня за горло. И вот он заходит в дом с двухнедельной попойки, и я говорю ему о раке. А он смеется мне в лицо.

– Я считал, что ты манипулируешь мной! Я был невменяемым в те дни! – Киров пытался оправдаться, но не перед теми, кто сидел напротив, а перед тем, кто грыз его изнутри.

Создание, которое шептало: «Смотри, что ты наделал. Смотри, как ты заставил ее страдать.»

– Ты бросил меня одну! Не в это время, гораздо раньше. Бутылка стала тебе важнее семьи, ты просто игнорировал наше существование, – она не заметила, как из глаз брызнула соленая жидкость.

– Неправда!

– Правда! – дыхание стало частым и прерывистым, истерика подступила совсем незаметно. – Я доверила тебе свою жизнь. Я вышла за тебя замуж! – голос становился тише. – Знаешь, каково приходится женщине? Ты завязываешь себе глаза, подходишь к краю обрыва и поворачиваешь спиной. А потом протягиваешь руки мужчине и делаешь шаг назад. Вот так на весу и существуешь.

– Вы считаете, ваш муж отпустил ваши руки?

– Он не просто отпустил их, он еще и пнул меня, чтобы летелось веселее. Когда Константин Семенович, его тогдашний начальник, сказал ему про меня, хотел пристыдить, знаете, что он сделал?

– Я напился, – Василич посмотрел в глаза жене. Он чувствовал стыд, но важнее было показать, что несмотря на то, как он обижал эту красивую женщину, он никогда не хотел делать ей больно. – Потому что мне было страшно. Страшно, что с тобой что-то случится. И мерзко от того, как я вел себя все это время. Я не знал другого способа, я трусил и спрятался.

– Но вы все-таки пришли сюда, добровольно лечиться, – молодой человек радостно подмечал прогресс у своего подопечного. Они вскрыли давно гноившуюся рану, но это было необходимо, он должен принять реальность.

– Я его заставила, – Раиса смотрела на любовь всей своей жизни и ей хотелось кричать от того, сколько горя принес ей этот брак. – Сговорила с начальником, чтобы тот поставил вопрос ребром и подала документы на лишении его родительских прав. Только тогда он согласился.

– Я не знал...

– Вы многого не знаете, доктор. Я вам так скажу, он, может, не хочет жить по-другому. Но если я умру, я хочу быть уверена, что у моего сына есть опора в жизни. Поэтому я заставляю его бросить пить, заставляю уделять время ребенку.

– Нельзя заставить человека делать то, что вы хотите. В конечном итоге он все равно сделает по-своему, Раиса.

Киров проснулся, оказывается, он задремал на столе в куче бумаг. Самые неприятные, страшные воспоминания. Груз вины за то, кем он был. Слава не уходил домой раньше начальника. Неважно, кто его ждал, что было необходимо успеть. В свои 30 лет он страдал от полного отсутствия личной жизни, но сам не подозревал об этом. Все, что его волновало, это работа, в которой он отчаянно пытался преуспеть, отираясь рядом с профессионалом высокого уровня.

– Вы в порядке? Выглядите хреново, это я вам говорю, – Моряк держал в руках круглый диск. Начальник отмахнулся

от него, он никогда не делился своими мыслями, переживаниями. Это было не по-мужски.

– Что там у тебя?

– Дамочка наша засветилась на одной камере, – брюнет поставил диск и ткнул на размытое пятно. – Вот видите, очертания женские. Плюс она невысокая, худая. Машина седан. Не густо конечно, но лучше, чем ничего.

– Почему так уверен, что это она?

– Потому что что-то вытаскивала из подъезда Василия Жукова. Явно не пенопласт. Ее почти не видно там, но очертания фигуры те же, это я вам говорю. Видите, какие острые плечи? Такое редко бывает.

– Ты считаешь, что такая девчонка могла вынести на себе здорового взрослого мужика? Судя по тому, что первой была Светлана Молчалина, ее муж остался там же. Видел его фотки? Он не меньше ста кило.

– Ну, во-первых, никто не отменял приспособления типа телег и всяких штучек на колесиках, а во-вторых, женщины тоже могут быть сильными физически.

– По-твоему, девушка с телегой и огромным мешком в ней ни у кого не вызовет подозрений? В городе, в мегаполисе, Слава! С телегой, Слава!

– Хотя бы рассмотрите эту версию! От вас не убудет. Мне кажется, мы на верном пути.

– Я не могу представить в суде улику, основанную на твоём мнении! Мне нужны голые факты, а не предположения,

это ясно?! – его все еще колотило от реального сна. Прошрое
важнее всего, оно не отпускает тогда, когда хочется.

Киров пришел домой, открыл бутылку водки и выпил 100
грамм для храбрости. Вот для чего нужны свадебные альбо-
мы, чтобы можно было сидеть одинокими вечерами и рас-
сматривать, каким ты был молодым и наивным. Раисе всегда
шел белый, но в этом снежном платье... Он с трудом дышал
всю свадьбу. Еще 100 грамм.

Дорогие дамы! Можно предать того, кого любишь. Мож-
но.

Глава 8.

Я осталась в доме Дениса. Сказать, что не было ночи лучше в моей жизни – ничего не сказать. Его тетя расположилась в другом крыле, мы не заметили, что она слушала винил до самого рассвета, погруженная в воспоминания о том, что больше никогда не приблизиться к реальности.

Утром мы плотно позавтракали все вместе. Я сослалась на необходимость написания очередной главы и позволила увезти себя домой. Еще полчаса потребовалось на то, чтобы заставить моего возлюбленного оторваться от меня, я не испытывала ощущения лучше.

В моем доме было пусто и тихо, часы били полдень. Я залезла в корзины, хлеб покрылся плесенью, и был слишком жестким. Было ли мне жалко людей, которых я оставила без воды и пропитания? Нет, я сочувствовала себе, потому что была вынуждена спуститься из рая в этот грязный ад, который я сама себе выстроила. Ничего не поделать, редактор звонил уже трижды, хочет увидеть начало, хотя бы первые 70 страниц. У меня было всего 20. Скучно по любым меркам. Чтобы продолжать этот образ жизни мне требовались убийства. Эта книга будет последней, основанной на реальных событиях. Я завяжу. Перееду в деревню, буду печь пироги, выйду за Дениса и рожу детей. Как только опубликую эту рукопись и получу успех смогу делать, что захочу. Мой

талант – это же не просто повествование жестких историй, я писатель, наверное. А значит, у меня есть воображение. Напишу что-нибудь очень романтическое, о встрече двух разных людей в большом городе. Где-нибудь в Париже. На берегу Сены. Она будет любоваться пейзажем, а он не сможет пройти мимо. Такое должны писать женщины. Любовные романы, красивые истории, сказки.

В морозилке были запасы блинов с мясом, и я решила побаловать своих заключенных, до магазина было не дойти, я могла пересечься с Дарьей Викторовной, которой я не хотела врать.

На всю готовку у меня ушло полчаса. Я почувствовала себя Красной Шапочкой, собирающейся к больной бабушке. Неизвестно живы ли мои подчиненные. Я такая безответственная и такая влюбленная. Конечно, если бы они умерли, это облегчило мой переход к новой жизни. Но если я не допишу книгу – влезу в долги. Денис бы разобрался с этим, но я ненавидела что-то недоделывать. Все скучные повести, которые причиняли мне бесконечное страдание каждым словом, были дочитаны до последней страницы. Каждый нудный фильм, под который хочется уснуть, был просмотрен мною до последнего кадра. Я была из тех людей, кто не останавливался на половине пути. Если эта рукопись получит хорошие отзывы, я смогу писать, о чем угодно, хотя бы попробовать.

Пока жарились блины, я написала письмо со следующим

шагом. Пора было оставить четверых. У меня не так много времени, завтра мы с Денисом едем в Иваново, под предлогом покупки нового постельного белья. На самом деле, я хотела погулять по городу, посмотреть его так, как следует. Хорошо провести время. Быть женщиной мне нравилось больше, чем власть над людскими судьбами.

Я гуляла по лесу, вдыхая свежий аромат летних цветов. Мой шаг был нетороплив, все меньше хотелось проводить время с теми, кого я приговорила к близости с моим миром. Теперь это все казалось пятном на белой рубашке наших отношений с Денисом. Вдали виднелись грибники. Мне стало не по себе. Кто знает, как часто они там и как далеко заходят? Почему никто из людей не показался здесь до того, как я оборудовала пыточную.

– Эй! Прошу прощения! – я сделала самый доброжелательный вид, который у меня был в запасе. Лишняя агрессия ни к чему. Мне нужна была только информация. У двух старичков был потерянный вид. Кажется, не местные. – Здесь обычно не бывает людей. Вы потерялись?

– Да! Эти леса все как один. Вышли на грибную полянку и не заметили, как очутились тут. Хорошо, ты попалась! Как к шоссе выйти? – я прокричала им все указания и седые головы скрылись вдали, рассыпаясь благодарностями. От ка-
такомб они были далеки, но я впервые осознала, что моя затея крайне опасна. Кто угодно может наткнуться и полюбопытничать. И тогда я окажусь на скамье подсудимых, Денис

никогда не захочет даже взглянуть на меня и снова одиночество и бесцельное существование. При таком раскладе мне не светит меньше пожизненного. Вот же вляпалась.

Люки от труб порядочно заржавели. Ночью шли еле заметные дожди, но на старом железе сказалось. Внизу не было ничего, кроме темноты, но я чувствовала всем своим существом, как за мной наблюдают. Сомнений не было, они пытаются найти выход и это их единственный шанс. Я знала, что Скорляк надумил их, с ним требовалась особая осторожность. Для меня эти попытки к спасению были мышинной возней. Я была теперь далека от того жестокого мира, к которому меня определили с рождения. Теперь я поняла, что могу был желанной просто так. Никогда бы не подумала, что довериться мужчине для меня будет так просто. Говорят, что так происходит, когда встречаешь своего человека, судьбу. Все становится на свои места, все правильно. В моей блондинистой голове не всплыл ни один случай из прошлого. Меня накрыло одеялом его любви, и я не хотела знать, что происходит вне этого пухового рая.

Как только я отворила железную массивную дверь, до меня донесся контраст запаха. Смердело потом, отходами и умершим воздухом. Мне было противно, что меня касаются эти нечистоты. Я бросила письмо, не заходя внутрь и вышла вон. Мне придется вернуться сюда, но видит Бог, я бы с радостью забыла о существовании этого места.

Камеры отворились, позволив пленникам увидеть друг

друга. Каждый из них озирался по сторонам, лелея надежды, что хоть кто-то тут будет похож на человека. Нет, все они были бледными, ослабшими тенями в руках одного кукловода.

— Вот уж кого не ожидали увидеть! — Скорляк ткнул пальцем на Петра Узича, который впервые вышел на свет. Тусклое освещение, озарявшее это помещение так редко, обрисовало банку у него в руках. — Что там у тебя?

— Варенье, — я положила ему вкусное, как и всегда, как своему особенному заключенному, своему любимцу. — Откроем?

Ирина Васильевна выхватила предложенный деликатес и одним рывком сорвала резиновую крышку. Всю жизнь она ненавидела засахаренные ягоды, ей казалось, что это деревенские закидоны, не более. Но проведя столько времени на хлебе и воде, ей хотелось почувствовать на языке что-то еще, не мои подгорелые замороженные блины. Это была черная смородина, точно такая же, как делала ее бабушка. Женщина сползла по стене и заплакала. Она больше не могла находиться здесь. У нее не было сил терпеть этот позор, эту жизнь, которую она загубила своими же руками. Разве кто-то мешал ей выбирать другой путь? Почему проституция? Как из маленькой миловидной девочки она превратилась в эту потасканную уродину?

— Значит мы сидим на всякой гадости, а тебе сладкое таскают. С чего вдруг? Может, ты просто помогаешь ей следить за нашей небольшой компанией? — Валентин подошел вплот-

ную к неуверенному мужчине, но быстро отпрянул. Его пыл остудила интуиция, что-то внутри говорило о том, что этот парень не так прост и с ним лучше не шутить.

– Я уже говорил, что не шпион. Честно, мне все равно, что вы подумаете. Я отдаю вам, потому что это добро. Настоящее добро. Я голодный, хочу съесть это варенье, но делюсь, потому что так побеждаю свои потребности. А ты так умеешь? – Узич вернулся в камеру. Головные боли вышли на новый уровень и потихоньку сводили его с ума. Они не прекращались ни днем, ни ночью. Как будто единственное, что было в этом мире – неприятная пульсация висков и противный голос, который обещал прекратить, как только ему дадут волю. Он сел на подобие кровати и закрыл глаза. Всего раз позволить этому демону выйти, значит отпустить его навсегда. С таким трудом он взял вверх. Сдаваться нельзя.

Письмо, которое лежало в темном углу осталось незамеченным до тех пор, пока Власова не подумала, что пришло время действовать. Она была следующей жертвой, это понимал каждый. Молчалин, который остался верен своей фамилии, мялся у стены, но ему достаточно будет 5 минут, чтобы переломить ее шею своими огромными ручищами.

«Мои дорогие,

Вы уже попробовали человеческую плоть, быстрее, чем я ожидала, надо признаться. Теперь я хочу, чтобы вы не стеснялись и у следующей жертвы изъяли все органы, годные к употреблению. У вас есть несколько часов, я вернусь днем.»

Значит, сейчас утро. Юля не стала вытирать слезы, которые омыли ее шелушащиеся щеки. Впервые за Бог знает сколько дней, она точно уверена во времени. Кто бы мог подумать, что это такое счастье?

Девушка сжала письмо в руках и осмотрелась. Остальные спорили о каких-то глупостях, а она все думала, кого из них приговорить. Единственная здравая мысль – молча убить кого-то и выиграть еще день. Может, два. Шаг за шагом свобода будет ближе. В конце концов, она вернет себе свою жизнь или сделает все возможное. Только не здесь, если уж и умирать, то не здесь, не так.

Ирина все еще смотрела на черные ягодки внизу банки. В этом месте ее больше не было. Она унеслась по волнам воспоминаний куда-то далеко-далеко в детство. Молодые годы не были беззаботными, ее семья была самой обычной, рабочей. Они жили от зарплаты до зарплаты, как и большинство россиян. Поездки в Москву в радость, мороженое из Макдональдса, как награда за труды и папины усы. Да, все это было простым, но это принадлежало ей. Ее тело, ее разум принадлежал ей.

Теперь даже осознание собственной никчемности было изобилием. Больше 10 лет она даже не задумывалась о том, что делает, как выглядит. Пара стопок, пара клиентов, безвкусная еда из магазина напротив, еще две стопки и два клиента, бар, рюмки, еще рюмки, закрыла глаза, сон, пока все спешат на работу. Днем все начнется сначала, схема всегда

одна. Как-то незаметно время пронесло мимо все ее планы. По началу она надеялась, что это временно, что она просто заработает денег, легких денег, как тогда казалось, и забудет об этом. Она уедет в Москву, устроиться в большую компанию, где ходить в сапогах непринято. Потом ее заметит босс, большой начальник, молодой и романтичный. Так она станет женой, мамой. Ей не придется зарабатывать, и она больше никогда не вспомнит о грязной комнате, в которой снова и снова отдавала свое усталое тело в аренду. Какая красивая была мечта, как будто еще вчера она обещала это себе перед сном.

Смирение, как и любая другая зависимость, поглощает незаметно, но надежно. Ира не заметила, как перестала думать, как нашла успокоение в связи с наркоманом, как стала той, кто она есть теперь.

Слишком резкий голос Скорняка не трогал ее более, как и тишина Молчалина и Власовой. Под громогласные рассуждения о покинувшем коридор Узиче, она еле-еле ударила банку о пол, отчего та покрылась паутиной, я никогда не любила толстое стекло.

Пара порезов вдоль вен, чтобы не оставить себе шансов. Никто не попытался спасти ее, никто не удивился. Каждый вздохнул с облегчением, кроме Петра, который чуял запах крови сквозь стены и сходил с ума от жадных мыслей искупаться в красном озере. Валентин, как всегда, освободил ее от долгой смерти, она не истекала кровью. Органы вытащил

он, молча заметив, что ее печень была на грани.

– Спасибо, – Юлия знала, что эта женщина прожила бесполезную жизнь, никто не вспомнит о ней, не заплачет на похоронах, не кинется на гроб, который нужно погрузить в землю. Мир не заметит потери бойца. Но она сделала выбор, который снял необходимость убийства с четырех людей, которых закрыла в катакомбах одна женщина.

Я. Идущая в это время по тропинке полной цветов. Лето – удивительная пора. Природа кишит своим изобилием. Я люблю Россию за богатые погодные условия. Четыре сезона, четыре настроения. Через месяц вся эта зелень начнет увядать, ее жизнь подойдет к закату, а через полгода все здесь покроет непримиримый лед. Но на смену придет весна, всегда приходит.

Теперь я знала это также четко, как то, что умру. Денис озарил мою душу мартовским солнцем и все многолетние снега поддались природе и начали таять, позволив цветам заполнить голую землю. Таким был для меня наш роман, так я его видела.

Четыре человека под землей проводили самый прекрасный месяц лета не так, как хотели и, конечно, не с теми. Тронуло ли кого-то самоубийство Иры? Нет. Никаких рассуждений о непорядочной жизни, никаких сожалений. Они разошлись по комнатам, чтобы подумать о чем-то более важном: их стало меньше, а значит свобода была ближе.

Юлия Власова, изнеженная брюнетка в истрепанном пла-

ть, представляла себя на ток-шоу центрального канала. Все захотят узнать историю выжившей, ее разорвут на интервью.

Как будет сладко закрутить роман с важным футболистом, а потом бросить его ради боксера и все это под надзором миллионов подписчиков. О том, что было тут никто никогда не узнает, она останется одна. Никаких свидетелей, никаких преступлений. Красивая и печальная девушка в дорожном наряде оказалась выше судьбы и маньяка. Вот такой конец.

Александр Молчалин не грезил о большом экране. Он думал, что более ничего в его жизни не будет прежним. Он позволил растерзать тело любимой жены. Без этой женщины он не удержится долго во главе своего ОПГ. Она руководила всем, создавала имидж. А что он может сам? Бахвалиться.

Холодная стена и ноги, которые болели, потому что он уже давно не мазал колени обезболивающей мазью. В его голове вертелась мягкая постель, потом горячий кофе, зажаренная утка, которую он подстрелил бы в лесу у охотничьего домика. Это могло бы спасти его жизнь.

Скорляк расстался с надеждами на скорое возвращение домой. Он четко понимал, что люки, на которые он рассчитывал слишком малы и далеки. Он не сможет проползти там, да и Шпион, который так и остался засекречен, контролировал каждый их шаг, следил.

Его мечтой была жизнь, которую у него забрала эта паршивая сука. Ничего большего, ничего меньшего, только то, что положено ему усилиями воли, позволившие залезть так

высоко.

Петр Узич отличался от других, как и раньше. Он не желал удобств или излишеств. Для его бедного существа значение имел только самоконтроль, без которого все вокруг обернется прахом. Эти ничтожные люди были намного хуже тех, в чей крови он успел искупаться, но они все были живыми.

Мужчина обнял свои ноги, его знобило.

– Ты такой скупной, – голос в голове давно обрел четкие формы. – Мы бы уже были на свободе, если бы ты слушал меня, – Петр игнорировал происходящее. Уже больше пяти лет он не отвечал своему внутреннему демону. Психиатр, который работал с ним в лечебнице, назначил хорошие препараты, от которых все монологи были просто легким шумом, небольшим дискомфортом. Но не теперь, не теперь. – Можешь молчать, мне есть, что сказать. Ты держишь себя в руках, чтобы не причинять вреда? Хорошо. Я смирился с тем, как ты рушишь свою природу. Но сейчас нам просто нужно выжить, понимаешь? Ты можешь помочь другим больным. Подумай, чем больше знают о тебе, тем больше тебе подобных убьют в зародыше. Если бы твоя несчастная мать отвела тебя в лечебницу раньше, сколько бы преступлений ты не совершил? Твои жертвы бы выжили. А теперь их даже не похоронили по-человечески. Тебя не наказали за содеянное. Их просто ищут, хотя не найдут. Ты как Аль Капоне, который попался на налогах будучи главой мафии, – приступ

головной боли. Зверь хотел, чтобы Узич начал диалог. Он чувствовал, что тот близок к этому. – Тебе не жалко детей, которые будут напуганы такими существами, как я? Они будут говорить с ними, убеждать. Потом Вася Иванов станет вторым Петром Узичем. Будет разрушать то, что не строил, уничтожать и вытаптывать. А потом приходить в себя и мучится угрызениями совести снова и снова, снова и снова.

– Что тебе нужно? – крик разрубил пространство. Петр, который больше был не в состоянии выносить пытки, начал сдаваться.

– Цена всегда одна: кровь...

Я вернулась к месту так быстро, как могла. Мне хотелось закончить с этим, интерес, который я испытывала к этой игре, угас и сменился диким раздражением. Так происходит, когда ты разлюбил того, кто рядом и милые мелочи, которые доводили тебя до экстаза становятся мухой в 30 градусную жару.

Камеры были плотно закрыты, как и люки. Я знала, что Васильева убила себя. В моих мечтах оставшиеся делают тоже самое и я спокойно строю новую, интересную жизнь. Скорляк оставил органы рядом с трупом, мне они были не нужны, я просто разнообразила тела, которые найдут сыщики. Моя тележка без труда погрузила Васильеву. В камере Узича слышались непонятные шорохи. Кажется, его демон берет вверх, это заставило меня улыбнуться. Я спрятала конверт с новым посланием за кирпич, чтобы не ходить сю-

да снова. Воды им хватит, а еда... Голод сделает их слабее и сговорчивее. Возможно, кто-то умрет и не заставит меня приходить сюда еще раз.

Средь бело дня я спрятала в сарае проститутку и выбежала на улицу, чтобы помечтать о Денисе прежде, чем сяду за очередную главу. Своими обагренными руками я касалась его подзагорелой кожи и мысленно просила прощения за очередное осквернение. Это будет моя последняя игра, клянусь, клянусь.

Глава 9.

Иван Васильевич стоял возле тела Ирины Васильевой, попивая крепкий черный кофе. На часах было четыре часа, самое лучшее время дня, когда спадает жара, но солнце все еще виднеется над горизонтом. Облака уже начали розоветь, непривычно рано для августа. Киров вспомнил свой охотничий домик во Владимирской области, где он не был целую вечность. По молодости они с сыном часто устраивали там мужские посиделки. Кругом только лес, и они двое. Это был маленький мирок, где можно говорить открыто, рядом нет женщин, прохожих. Счастье было так близко.

– Василич, я вам говорю, что-то тут нечисто, – Слава как всегда был нетактичен и восхищен. – Все органы изъяты. Но не похоже на торговцев.

– Потому что это наша психопатка, – он мог бы поклясться на Библии, что это так. Снова истощенное тело, снова по-мойка рядом. Непонятно чем вырезаны внутренности, но это не скальпель или нож. Никто не заботился о целости добычи. Так что шоу чистой воды и постановка так себе. – Мне нужны улики. Делайте все, она должна проколоться.

Я в это время весело мчала в сторону своего дома. То, как я обвела вокруг пальца полицию и общественность больше не вызывало восторга или утоления чувства справедливости. Теперь это были лишь легкие круги на поверхности воды.

Ветер беспощадно трепал мои волосы, я уносила по раскаленному асфальту все дальше от места, где оставила след своих старых грехов. Если у Оззи Осборна есть возможность забыть о своем бурном прошлом и стать примерным семьянином, почему я не могу сделать тоже самое? Их осталось четверо. Всего четыре раза проявить осторожность и все, что я сотворила будет лишь частью истории.

Главной проблемой оставалась моя неспособность писать. Как натура увлекающаяся, я не смогла заставить себя сделать что-то больше одного бездарного вымученного абзаца. Мой редактор, на чьи звонки я не отвечала, писал смс за смс с требованием предоставить материал.

Желание все бросить и окунуться в теплую волну внимания Дениса было высоко, но я заботилась о себе 30 лет и справлялась неплохо. Всегда одна, всегда сама с собою. Сейчас ничего не изменилось, я все та же сильная и независимая девушка, просто нашелся мужчина, которому я доверяю. Почему? Да просто так.

Я подумала, что могла бы начать любовный роман, но издательство это не одобрит. Я стала популярна, будучи Кристо, беспощадный и безэмоциональный человек, описывающий свои убийства без лишних соплей. Никаких психологических рассуждений, никакого трудного детства. С книгой все оказалось гораздо сложнее. Было два пути: убить сотню людей или начать рассказывать подробнее. Сил и желания на первое у меня не было. Я думала, что забавы ради поиграю в

Джона Крамера из Пилы, но получилось скверно. Мне было тоскливо и вдохновение пошло своей дорогой.

Вернувшись в дом, я поставила кофе и включила ноутбук. Моцарт как никто успокаивал мои нервы, остужал голову. Передо мной был листок под номером 21, и я не могла напечатать даже букву. Солнце уже село, две чашки стали грязными, но все внутри меня протестовало. Я нашла двести срочных дел: протереть стол, ответить Денису, найти картинку для заставки. Все что угодно, лишь бы не возвращаться в этот плохо пахнувший подвал. Не в силах бороться с ленью, я бросилась к телефону.

– Здравствуйте, Людмила, – из трубки донесся недовольный крик. Она искала меня слишком долго и так и не получила желаемого. – Да, да, прошу прощения, – я закатила глаза и положила телефон на стол, чтобы дать возможность ей выпустить пар. Как только звуки стихли, я преступила к разговору. – Знаете, книга у меня совсем не идет. Я подумала, что стоит сменить концепцию. Может, что-то легкое, романтическое. Или более магическое, что-то из ряда фантастики. Как считаете? – стоило попытаться повернуть ход истории.

– Как здорово вы придумали, – ее язвительная интонация вывела меня из себя. – Бросим идею, которая сделала вас звездой интернет пространства и начнем что-нибудь с нуля. Вы не успели издать даже одну книгу, а уже позволяете себе творческий кризис? Знаете, что? Мне все это надоело! Я не ваша нянька, не должна искать вас по всей Москве, – я

пыталась отвечать, но она не дала мне шанса. — Если до конца недели у меня на почте не будет первых 70 страниц, я передаю дело юристам и крутитесь, как хотите. Ах да, размер неустойки за несоблюдение условий контракта составит два миллиона. До свиданья.

Короткие гудки. Я была в ярости. Да кто она такая, чтобы так говорить со мной? Я выбежала из дома, забыв закрыть дверь. Это просто невозможно, я убью ее. Телефон остался в доме, звонки Дениса прошли мимо. Я мчала так быстро, как позволяла мне машина. Светофор заставил меня прийти в себя. Я ударила по тормозам и съехала на обочину под ругань водителей. Что я творю? Я же собиралась завязать!

По возвращению домой меня страшно лихорадило. То жарко, то холодно. Я не понимала, что происходит с моим телом, но с ним точно что-то происходило. Я открыла все окна, впустила воздух и села за все еще горящий ноутбук. Строчка за строчкой, абзац за абзацем. Мой воспаленный и раздосадованный разум выдавал все, что я испытывала, когда решала чью-то судьбу. Власть пьянила меня, но настоящий контроль я отдала в руки мужчины, которого толком и не знаю. В прошлый раз это закончилось бедой. Почему-то я верила, что в этот раз так не будет. Но кто может знать насколько опасно мое настроение? Я не могла понять, как вышла из дома, уехала. Не было ничего, кроме ярости, которая пульсировала внутри и повторяла: «Убей! Убей!»

В таком состоянии я написала 20 страниц. На большее ме-

ня не хватило, я упала в забытие.

Марина Разузнаева то и дело поправляла очки. Уже не один час она провела за материалами, чтобы найти какие-то факты. Слава сидел возле нее, причмокивая кисло-сладким соусом лапши в коробочке.

– Ты всегда питаешься едой на вынос? Нельзя что ли сварить себе суп? – девушка не отрывала глаз от монитора, отчеты лаборатории выдавали почву, которой пестрит вся центральная часть России. Ничего примечательного, кроме явных смятений и растерянности Хозяйки.

– Когда мне кашеварить? – брюнет почесал голову. – Что там у тебя?

– У Хозяйки все под контролем. Я имею ввиду, к ней не подобраться по следам или веществам. Но она не в состоянии совладать со своими чувствами. Интерес, который разжигал в ней желание убивать, погас. Она разочарована и хочет закончить, как можно скорее. Есть некий сдерживающий фактор, который не позволяет просто бросить все. Поэтому скоро начнутся всплески агрессии и как следствие – ошибки. Нам укажут путь.

– Ты это все узнала как? – молодой человек был впечатлен. Впервые он посмотрел на Марину, как на профессионала высочайшего уровня.

– Такова моя работа, – нежная улыбка и она повернулась лицом к тому, кому бы никогда не призналась в симпатии. – Я принесу для тебя суп завтра. На таком пойке ты долго не

проживешь...

Киров застал эту милую сцену в дверях и почувствовал раздражение. На работе необходимо соблюдать официальный тон, ну или хотя бы приличия. Каждый день умирают люди, оставшееся сидят и ждут своего часа. Это не время для интриг или флирта. Укор пропитал его взгляд, отчего ребята засмутились и начали плести чушь о всевозможных вариантах развития событий.

– Мне не интересно ваше мнение, я просил факты. Они у вас есть? – Иван Васильевич знал, что эти люди делают все возможное, но сытый не поймет голодного. Влюбленные были для него осами, летающими над вареньем. К сожалению, если ты чего-то лишен, ты не можешь смириться с наличием этого у других. – Я так и думал. Что остается?

– Она что-то не просчитает, вот увидите. Если только уже это не сделала, – Марина пыталась оправдаться за свой будущий служебный роман.

– Да, когда умрет еще один человек. Отличный план, – он хлопнул дверью, уверенный, что напьется виски и все это станет ему безразлично.

Юля Власова сидела на подобие койки и вновь перебирала варианты своего спасения. Их было четверо. Она последняя женщина. Теперь от гибели ее отделял только Узич, но если падет и он, ей ничего не останется, кроме смерти. Молчалин и Скорляк были сильнее ее, жестче. А еще они были мужчинами, а здесь солидарность была выше похоти. Хуже всего,

что ни с кем не поговорить наедине, ничего не спланировать так, чтобы об этом не было известно остальным. Один сюжет фильма за другим, хоть где-то должна быть польза, какой-нибудь план, небольшая надежда.

В это время Петр Узич, которого все сбросили со счетов, как самого недееспособного, позволил Зверю внутри сделать небольшой лом из части кровати и выламывать закодированную дверь снова и снова. Не слишком умно, но делать было нечего. Вся камера была покрыта металлом, никаких зацепок.

– Ничего, ничего, не Боги горшки обжигали, – голос внутри был самодовольным и уверенным. – Даже если механизм не замкнет, мы придумаем что-то еще. Завтра утром ты будешь не здесь, ты будешь свободен.

Александр Молчалин, который заметил изменения в соседней камере, напрягся. Что Власова будет следующей, а за ней Петр, он не сомневался. Но дальше они останутся вдвоем и шансы не на его стороне. Конечно, Саша «Топор» занимался боксом по молодости, но очень посредственно. Его не раз нокаутировали те, кто ниже ростом и меньше весом, такой вот позор. А чиновник был кровожаден и силен, сразу видно. А еще, он хотел выжить любым путем. Что делало его присутствие крайне опасным. Он еще раз вспомнил жену, которую позволил растерзать ради спасения других. Да нет, ради своего спасения. Эгоистичный мальчишка, мыльный пузырь, который подкреплён был лишь рукой своенрав-

ной женщины. Теперь все как на ладони, не получится быть в стороне и поучаствовать лишь в раздаче регалий. Ему нужно сражаться и за его спиной только страх смерти.

Валентин Скорляк, который был негласно признан самый явным победителем моей игры, ждал следующего задания с особым трепетом. Груз совести был для него чем-то диким. Это позволяло освободить достаточно места в мозгу для полезной информации. Правда сейчас все это казалось бесполезным. Хорошо продуманная, ветхая камера с современными замками и недоступными люками. Как отсюда сбежать? Нет, его не страшило убийство трех оставшихся человек. Ожидание момента, когда он проломит голову сучке, которая затащила его в это помойку. Она не позволит ему уйти, но он и не спросит. Сделает то, что считает правильным – отомстит. Так было всегда, так будет и теперь.

Я проспала час. Слишком мало, чтобы выспаться, слишком много, чтобы уснуть опять. На улице было жарко и мне показалось, что в комнате пахнет органами Васильевой, которые я оставила в катакомбах. Ужасное чувство мокрого белья заставило меня подняться. Я дошла до кухни, автоматически поставила кофе и заметила горящий экран ноутбука. Я написала 40 страниц, но не стала читать их. Я никогда не перечитывала написанное, считала это лишним. Или боялась посмотреть в лицо правде. Кристина Романова, 30 лет, серийный убийца. Такова моя суть, от которой я пыталась отмыться Денисом. Вот только его любовь не делает меня дру-

гим человеком, даже если я хочу этого больше всего на свете.

Сделав бутерброд из почти сухого хлеба, я села за комп и продолжила историю. Свобода, которую подарили мне мои убийства, в итоге сковали меня сильнее общественных норм. Вот и скажите, что расплаты не бывает.

– Что-то в ней меня настораживает, – Дарья Викторовна домывала посуду и чувствовала, как черные глаза племянника буравят ее спину.

– Что ты имеешь ввиду? – Денис крутил в руках телефон, ожидая моего сообщения. – Думаешь, она позарилась на мое небольшое имущество?

– Не надо сарказма, – женщина повернулась. Она знала, что интуиция всегда была ей верна, но в глубине души надеялась, что это всего лишь волнение. Я ей нравилась, но моя темная суть не могла остаться незамеченной для опытной женщины. Бедная, ей и не снилось, какие вещи я успела натворить. – Просто что-то есть подозрительное. Не знаю, как объяснить, но ты меня понял.

– Да, но мне все равно, кто она, откуда. Готовит она или нет, кого любила или ненавидела. Для меня важно только сейчас, только это.

– Я тебя услышала, – Дарья Викторовна закончила разговор, но они оба понимали, что тема на этом не закончена. Более того, Денис был уверен, что его тетя начнет действовать, как только сможет получить в руки телефон. Он не сказал мне об этом, потому что был уверен, что нет ничего

непоправимого в моем прошлом или настоящем. Как же он ошибался.

Слава Моряк рассматривал Марину, пока та перебирала волосы, вчитываясь в очередной отчет. Ложью было бы утверждать, что он не видел женщины красивее или сексуальнее. На его широкие плечи вешались самые разные барышни, любых классов и форм. Но было в этой Разузнаевой что-то такое, что его притягивало. Блестящий ум или легкое покраснение на щеках, когда она видит его. Может даже неуклюжесть, из-за которой каждый поход в столовую заканчивался стиркой в туалете.

– Ты замужем? – простой по натуре, как кирпич, Слава не думал, уместны ли его вопросы и высказывания.

– Нет. А что? – сердце замерло. А вдруг он сейчас предложит что-то такое, отчего нельзя отказаться влюбленной.

– Хотел пригласить тебя на свидание. Не знаю, сегодня по-другому взглянул на тебя. Может, что-то дельное выйдет, – Слава видел, как вытянулось лицо девушки. – Что?

– Ты хоть имеешь представление о том, что такое флирт?

– Не, это не мое. Если нравлюсь, соглашайся. Нет, все равно соглашайся, я не отстану просто так. Что скажешь?

– Скажу, что мне не помешает кофе и еда.

Они вышли на притихшую улицу. Тусклые зеленые фонари создавали магическую темноту. Марина старалась быть как можно грациозней, но выходило плохо. Напряженное молчание никто не решался нарушить. Кофейня им. Оскара

Дюрана была одним из самых популярных мест на Мясницкой улице. Небольшое заведение с духом Франции и обаятельными сотрудниками.

Ни одна девушка не съест на первом свидании столько, сколько хочет. Особенно, если у нее есть лишний вес. Разузнаева хотела ограничиться кофе и сэндвичем, но Слава заказал ей десерт на свой вкус. Спорить она не стала, но мысленно порадовалась. Сладкое помогало ей сосредоточиться, а сейчас важно было найти какую-нибудь зацепку.

– Что у нас с Хозяйкой? – Моряк пил черный кофе не потому, что любил. Скорее из-за антуража и Кирова, который заменял воду этим горьким напитком.

– Ничего нового. Пытаюсь найти хоть что-то полезное, – Марина старалась есть как можно медленнее и аккуратнее. – Иван Васильевич прав, мы просто ждем, пока умрет кто-то еще. Ничего полезного не сделали, не нашли. Ну, женщина. А дальше что? В центральной полосе полно женщин с нервными отклонениями. За помощью почти никто не обращается. В России после визита к психиатру только бомжом станешь, все отрекутся. А психологов все заменяют бутылкой водки. Как будто это решит проблему.

– Я не заменяю, – парня обидело такое определение русского менталитета. Да, психологические проблемы считались придуманными. Их лечили работой или посиделками с друзьями. Но так лучше, чем как в Америке глотать таблетки и сходить с ума от них.

– Честно говоря, мне кажется нет лучшего лекарства от душевных тревог, чем самоанализ. Каждый человек должен сам достичь гармонии. Такие специалисты, как я, могут лишь указать путь. Но двигаться придется самому.

– Ты практиковала? – он был большим любителем ужасиков, поэтому разговор о болезнях мозга мог заинтересовать его сильнее Хозяйки. – В смысле, в психушке или еще где.

– Да, я была психологом в закрытой гимназии в Питере. Всего год, – как же не хотелось вспоминать свое прошлое и тот страшный период.

– Почему ушла? Местечко-то не пыльное. Сиди себе в интернете, иногда ругай хулиганье и получай хорошую зарплату. Как можно было бросить это ради непонятных маньяков? Знаешь сколько случаев, когда психологов преследуют преступники?

– Меня взяли туда сразу после университета. Вроде как со штатным возникли проблемы. Ситуация была сложная, вокруг царил паника. В первый же день у моего кабинета стояла очередь до самой лестницы. Дело в том, что из школы пропали три девочки, две были найдены мертвыми неподалеку, там, где курили старшеклассники.

– Ничего себе, – Слава был впечатлен криминальной историей Питера. – И ты решила ловить их сама? Благородно.

– Нет, не так, – ее сэндвич все еще лежал на своей тарелке. Даже она не стала бы есть во время такого рассказа. – Полиция занималась поисками, я успокаивала учеников. Не

самое приятное, но дело правда не пыльное. Но когда его нашли... – ее голос сорвался. Будто сейчас она снова в кабинете директора на совещании. – В общем, им оказался ученик из 10 класса. Он был у меня два раза, и я не заметила ничего подозрительного. Просто ничего!

– Значит ты не смогла смириться с этим и ушла?

– Нет, – Марина улыбнулась. Ей нравилось, что он так топорно мыслил о чистоте ее помыслов. – Меня уволили раньше, чем я смогла вымолвить хоть слово в свое оправдание. Укор со стороны всего преподавательского состава был таким сильным, я бы просто не смогла противостоять. Тем более при желании они бы легко выгнали меня по статье о профессиональной непригодности. Это была моя работа увидеть его, узнать.

– Поэтому уехала из Питера? – на его лице не было осуждения, он сам завалил первое дело, потому что не смог выстрелить в преступника. Его напарник был ранен по этой причине и этого он никогда не сможет себе простить.

– Да, хотелось забыть все. Написать историю снова, чтоб хоть что-то в ней было по-другому, – Марина не призналась, что боится опять оказаться бесполезной. Уже какая жертва по счету, а у нее никаких координат Хозяйки. Киров прав: одни догадки, никаких фактов. История всегда повторяется.

Ему хотелось поцеловать ее, если бы не люди, он бы сделал. Моральные принципы никогда не позволят простому парню проявлять нежность вне домашних стен. Они верну-

лись на работу, ничего не изменилось, кроме того, что Слава Моряк решил заботиться об этой девушке.

Утро застало мою кровать мокрой от пота. Ночь была жаркой, меня то и дело бросало из одного кошмара в другой. Я чувствовала, что произойдет что-то по-настоящему ужасное, что-то, чего я совсем не ожидаю. Денис приехал на завтрак, и я забыла обо всем. Он казался беспокойным.

– Что с тобой? – я ела шоколадный эклер, из коробки, которую он привез. Мне хотелось казаться спокойной, но внутри бушевала буря. Я то и дело представляла, как он бросает меня. Я не самая красивая девушка в мире, не самая интересная. Я могла ему надоест. Да и это гребанное предчувствие сводило меня с ума. Как его удержать? Совру, что я беременна. Он не сможет оставить ребенка. Я осуждала себя за примитивность мышления, но это был верный способ.

– Мне нужно уехать в Казахстан, закупить корма для животных. Поставщик пытается обмануть меня, я знаю. Придется проверить все, – не знаю, увидел ли он страх в моих глазах или ему просто стало не по себе, но он тут же добавил: «Это всего на неделю».

– Да, езжай конечно, – я хотела закричать ему в лицо, что он не смеет так со мной поступать, что я самое важное и дорогое, что есть в его мелкой сельской жизни, и он должен тратить свое время только на меня. Я не собиралась делить его ни с тетушкой, ни с бизнесом. Реальная жизнь закончится на нашей кухне, где мы будем удовлетворять физический

голод. Весь остальной мир – кровать, где нет никого и ничего, кроме нас двоих. Он был мне так нужен, что я была на грани того, чтобы заточить его в катакомбах и не выпускать никуда. Он только мой, мой, мой.

Денис уехал несколько часов спустя, было около 11. Я разбила несколько тарелок, лампу и телефон. Ярость, которая пришла от осознания того, что он может без меня, что я не так ему необходима, как он мне, наполнила мою душу, и я пошла в сторону катакомб. Денис не должен был знать о моей темной стороне, но эти четверо вполне могли остудить мою голову от ненужных мыслей. В лесу было холодно, роса все еще оставалась на голых лодыжках. Что-то чесалось внутри, несмотря на письмо в руках и предчувствие скорого убийства. Я ненавидела свою доверчивость, свою покорность мужчине, который предал меня также, как и остальные.

Прелый запах ударил в нос, и я услышала признаки жизни за дверью Узича. Он был активен, как никогда, что-то внутри уже тогда говорило мне о надвигающейся грозе, но я проигнорировала это из-за Орлова. Гнев, который привел меня сюда, столкнулся с реальностью и отступил в ужасе. Неужели я никогда не смогу измениться? Почему всегда один и тот же исход?

Я оставила послание и выскочила наружу. Все это должно было стать прошлым, чем-то далеким и незнакомым. Я снова вернулась сюда, какая же дура! Он не бросал меня, не бросал! Я сумасшедшая, я не могу привязать человека. Лю-

бому нужна свобода. Я просто сумасшедшая.

Не знаю, где я оставила босоножку, домой я вернулась нервной с перепачканной ногой. Я винила себя, винила его, винила Бога, который создал меня. Я была опять недостойной, с этими мыслями я зарылась под одеяла, пытаюсь привести мысли в порядок.

Жизнь представлялась мне бушующим океаном, в темных водах которого блуждал мой одинокий корабль. Он, будущий любимый человек, показался словно маяк среди всего этого беспросветного мрака. Это было то единственное, что заставляло меня вставать на правильный курс, куда бы жизнь меня не бросала.

В это время отворились двери в темных катакомбах глубоко в лесу Ивановской области. Александр Молчалин, Юлия Власова, Валентин Скорляк. Эти люди переступили порог своих камер, зная, что кто-то умрет, и они станут ближе к своей свободе. Ни один из них не подозревал, что Петр Узич оберегал их столько дней от того, чему они позволили освободиться.

Через десять минут из ржавого люка вышел сорокалетний невысокий мужчина с голубыми глазами. Его старая одежда была пропитана кровью. Он закрыл за собой железную крышку, оставив внутри три бесчувственных трупа.

– Ох, Петя, как же свежо на воле! – Зверь был бодр и весел. Он знал, что ничто не вернет его назад в бездну. Это было его время, его настоящее. – Я говорил тебе, что нам

нужно объединиться, но ты чертовски упертый.

– Ты убил их, всех убил... – слабый голос еще надежной совести пробился на поверхность.

– Ой, ладно! Чего начинаешь? Кто они в сущности такие? Преступники, мрази, конченные сволочи. Я санитар леса, можно сказать. Я сделал этот мир лучше. Тебе не стоит осуждать меня, – его лысеющая голова повернулась в сторону небольшого водоема на горизонте. – Петя, нам стоит привести себя в порядок. Не пойми неправильно, ты хорош собой, но если кто-то увидит нас в таком виде, нам обеспечены проблемы.

– Как ты разблокировал дверь? Как смог вытащить нас?

– Дорогой мой! Для сверхчеловека нет ничего невозможного. Знаешь поговорку: «Одна голова хорошо, а две лучше»? Так вот, я самое прямое тому доказательство. Я не просто хорошее дополнение, я кладезь знаний, которые добывал много лет в то время, как ты был в небытие. Ты думаешь обо мне скверно. Кричишь, что я убийца. Но разве не я показал тебе, что электроники веры нет? Точнее так, эта девица верит в то, что блокировку двери нельзя обойти. Ха! Если аккуратно положить камушек в угол и сдвинуть нужные провода, система покажет, что все ок. А еще можно легко обмануть камеру слежения, которую она называла Шпионом, если просчитать геометрию предложенного пространства. Слепая зона есть везде.

Он зашел в холодную воду, отчего волосы на теле встали

дыбом, кажется, стоило хоть как-то подготовиться к этому. Зато такой градус помогает без проблем смыть кровь. Летом одежда высыхает за считанные часы, поэтому Петр ел дикие ягоды и улыбался. В его голове все еще всплывали картины того, как он вскрывает горло каждому своему товарищу по несчастью осколком банки из-под моего варения.

– Она еще долго не заметит нашего исчезновения. Ее короткие визиты говорят о том, что мы стали ей неинтересны. Женщины! – он закатил глаза и цокнул языком. – Система не даст сбоя. Я просчитал это, когда взламывал провода. Но вот, что я думаю. Из всех, кого мы встречали, она наиболее интересный персонаж. К тому же, я всегда плачу по счетам. Что если нам навестить ее? – Зверь рассмеялся слабому протесту. Свобода была недостаточной наградой. Так легко, так примитивно. Надо показать ей игру мастера, он должен.

Глава 10.

– Доброе утро, – Денис Орлов, запыхавшийся и потный с дороги, стоял на хорошо знакомом крыльце и смотрел на невысокого лысеющего мужчину. Кристина уже три дня как не брала трубки, он не знал, что и думать. А тут в ее доме какой-то неизвестный тип. – Мне нужна...

– Кристина? Я в курсе, конечно. Вы Денис? Она много говорила о вас, – блондин был недоверчив и напряжен, но Зверь подготовил все. Столько звонков, было очевидно, что он заявится. История становилась все более удивительной. Петр отошел на два шага назад и пропустил молодого человека в дом. – Видите ли, все Романовы очень порывисты. А уж моя племянница и подавно. Писатели – тонкие натуры. Я приехал дней пять назад, навестил. Она не давала о себе знать слишком долго. Мы заперезживали.

– Мы? Кто вы? – Денис отчетливо помнил, что его Кристина – сирота. Никаких дядь у нее нет. Но ее вещи все еще тут, значит и она сама. При помощи полиции ничего не добиться, этот хмырь споет им ту же песню. Сейчас только он может ей помочь и любящее сердце било тревогу. Он знал, что она рядом и что единственной ниточкой в этом деле будет этот странный тип.

– Я ее дядя Слава. Она вам не говорила обо мне, наверное. Конечно, ведь мы не такие уж и близкие. Только недавно на-

чали общаться. Моя жена не знала о ее существовании. Такая трагедия! – Узич видел, что парень ему не доверяет, поэтому решил быть осторожнее и внимательнее. Правда этот ребенок никогда не сможет его перехитрить. Он вегетарианец, не хищник. Не то, что его подружка. Все-таки женщины всегда остаются женщинами. Затеяла такое дело, все продумала и потекла из-за сельского красавца.

– Странно, она вас не упоминала совсем. Хотя мы знакомы не так давно, – Денис хотел казаться естественным, насколько это возможно в такой ситуации. Этот человек был ему неприятен, но возможно сейчас Кристина в его сетях и пытается стать немного ближе к свободе. Где же она? Где же она?

Я проснулась с металлическим вкусом во рту в подполе. Голова жутко болела и кружилась, было темно. Я с детства ненавидела подземелья и мрак, теперь сидела и пыталась бороться чувство паники, которое сковывало мое горло. Хотелось кричать, но сухой язык, заклеенный липучкой, шевелился с трудом. Последнее, что осталось в моей памяти – я стою на кухне, варю кофе. Кто-то схватил меня сзади, и я провалилась в темноту. Мое итак худое тело было истощенно и обездвижено. Что-то жгучее на запястьях и лодыжках. Ощущение, что я проспала вечность. Похоже, я уперлась локтём куда-то, сгиб болел нестерпимо. Я сделала усилие, чтобы позвать на помощь, но вышло еле слышное мычание. Мне казалось, что Денис близко, что он ищет меня.

От этого сердце озаряла надежда. Я не знала, где я и в чьих руках. Но была уверена в том, что Любовь Всей Моей Жизни спасет меня из этого ада. Я не могу тут умереть, только не сейчас, не так. Мы умрем в один день, совсем старыми, в его чудесной деревянном доме, на двуспальной кровати. Я рожу ему много детей, мы будем засыпать и просыпаться, глядя друг в другу глаза. Я больше никогда не стану истерить или убегать. Искуплю свои грехи. Замолю, заслужу прощение. Стану Орловой. Буду другим человеком. Ради Дениса.

Это упоительное чувство – вдыхать свой воздух чужими легкими. Жадность, власть, желание собственности, которые дарит любовь. Ты проваливаешься под лед, знаешь, что тонешь, но расслабляешься под ударами тысячи морозных игл. Делаешь последний рывок к свободе, чтобы с радостью сдаться в рабство стихии. Неизбежность подчинения. Счастье – ставить чьи-то приоритеты выше своих. Отдаться порыву и навсегда потерять свою личность в бездонном местоположении «мы». Понять, что в этом и заключается Божественный замысел.

Можно ли назвать кармой мою ситуацию? Еще недавно я была тем, кто держит в плену, лишает воли. Теперь я жертва и не знаю, какой план у моего властителя. Что он приготовил для меня? Кто он? Что будет с моими ребятами в катакомбах? Что будет с Денисом? Столько вопросов и ни одного ответа.

Иван Васильевич пил очередную чашку черного кофе и

смотрел на папки с кодовой подписью «Хозяйка». Расследование зашло в тупик, трупов больше не было, следов тоже. Он отправил Славу в архив, а сам долго слушал музыку, чтобы вдохновиться на еще одну бессонную ночь. Шутка ли, но в темное время суток ему работалось спокойнее. Стук в дверь. Он проигнорировал, крикнул что-то о том, что занят и снова зарылся в свои мысли. Сколько еще людей она держит в плену? Почему больше не показывается? Может, прямо сейчас она готовит новых жертв к смерти, может, это станет кто-то близкий ему, а он сидит и ничего не может сделать. Ничего. Снова стук.

– Да какого черта! – Киров повернул ключ и увидел перед собой Иосифа Михайловича с такими хитрющими глазами, что злость покинула его. Старикан явно принес новость. – Эйзер, что у тебя?

– У меня радикулит и близорукость, поэтому, как бы я не старался, мне приходится надевать очки тайком и проводить исследования тел в одиночку, – седовласый мужчина поставил кружку около кофемашины. Не подумайте, он хорошо знал, как ей пользоваться. Не делал этого принципиально, чтобы получить заботу от старого друга, который ни разу не одарило его добрым словом. – Черный с молоком и двумя ложечками сахара. Не забудь размешать.

– Наглый хрен, – мужчина ненавидел всей душой, когда его друг оттягивал момент истины. Они оба знают, что у Эйзера есть что-то полезное и оба знают, что он не расскажет

это раньше того, как посчитает нужным.

Он сделал чашку кофе с молоком и сахаром, аккуратно размешал, чтобы не запачкать края, иначе эта развалина не будет пить. Поставив все перед его носом, он вернулся на свое место и внимательно посмотрел на еврея.

– Как твои дела, Ваня? – маленький глоток, он достал из кармана несколько конфет и улыбнулся.

– Как тебе сказать, Ёся. Я тут пытаюсь поймать психичку, которая в этот самый момент наносит вред очередному человеку. Но ты пей свой кофе, не думай об этом, – призыв к совести мог воскресить кого угодно, кроме упрямого Эйзера. – А как твои дела?

– Я хорошо. Ездил с женой на дачу в эти выходные. Съездил на пруд, поймал пару карасей. Потом пил чай со свежими булочками, яблоки в этом году такие сладкие! А внуки все твердили, что хотят оборудовать чердак под свою комнату. Ну знаешь, как в этих американских фильмах, черт бы их побрал, – он отпил из чашки и съел очередную конфету в форме лепестка. – Так вот, я упорствовать не стал. Спустил вниз свой архив и отдал помещение им на растерзание.

– Очаровательная история, – Василич хмыкнул и отвернулся. Как можно так бездарно тратить драгоценное время. Если старикан не скажет ничего полезного, он вцепиться в его горло и будет душить, пока тот не обмякнет.

– Да, это так, – Иосиф Михайлович достал несколько листов из кармана и положил на стол перед другом. – Ты же

знаешь, как я люблю все контролировать. Перебирал старые дела, смотрел что и как. Вот это нашел и задумался.

– О чем? – Киров перебирал отчет о вскрытие неизвестных людей. Нельзя же все убийства вешать на одного человека. Это смешно. – Тут нет ни стилия, ни дат. Хаос, хаос, хаос. Причем она доводит людей до истощения и травит между собой. Этих убили сильной рукой.

– Ох, Ваня, – Эйзер набрал Мариночке, которая уже приготовила нужную информацию. Он любил все делать красиво, другие считали это пафосом, излишним в таком деле. – Ты считаешь себя умнее всех, но я докажу тебе, что твои помощники не глупы.

Разузнаева вошла в кабинет вместе со Славой, мямлемся как ребенок, которому подарили щенка.

– Василич, я вам говорю, все лежало на поверхности, – парень положил перед лицом начальника ноутбук с открытой вкладкой. Готический сайт предлагал ознакомиться с рассказами некого Кристо.

– Что это? – Киров непонимающе открыл первую историю и взял в руки листок, на который кивал Эйзер. Через два абзаца сомнений не осталось – это писал убийца. Слишком много деталей, а дела не предавались огласке. Слишком незначительные. В таком городе как Москва люди мрут как мухи. Никто не уделяет особого внимания каждому случаю отдельно. – Так, Кристо убил этих людей...

– Убила, – блондинка улыбнулась и вышла вперед. – Это

написала женщина, просто поверьте мне на слово.

– Ты так уверена?

– Циничная, конечно. Обиженная. Черствая. Но женщина. Посмотрите на построение предложений. Мужчина бы не окрашивал сухие факты. А она стала, потому что не может по-другому. Хоть и сама не замечает этого.

– То есть, ты хочешь сказать, что наша Хозяйка еще и писака? Интернет звезда? – Иван Васильевич не доверял коллегам, но чувствовал, что они подошли очень близко к правде.

– Нет, теперь она пишет книгу, – Моряк положил пачку листов перед начальником. – Ее редактор отдал нам. Там один в один все те трупы, которые мы нашли. Их осталось четверо, и они где-то в Ивановской области.

У Кирова сердце упало в пятки. Его жена, которая называла его бывшим мужем, живет рядом с убийцей. Там, где опасно. Он схватил телефон и набрал хорошо знакомый номер. Даже если бы он потерял память, не смог бы выбить из себя эти 11 цифр.

– Раиса? Ты где? – его напуганные глаза блуждали по комнате, он ходил-туда-сюда слишком быстро.

– Я у мамы, Ваня. Что случилось? Ты в порядке? – беспокойный голос супруги заставил его встать на месте и выдохнуть.

– Слушай меня очень внимательно. Где-то в ваших краях орудует маньячка. Не выходи из дома одна и не позволяй

подругам. Я пришлю к тебе ребят, пусть покараулят, пока я не поймаю эту тварь, – он дождался ее утвердительного ответа. Она никому не расскажет и никогда не послушается его слова. Эта была та женщина, которую можно считать своей опорой, стеной, тылом. – Я приеду завтра.

– Хорошо, я постелю в комнате Андрея. Что приготовить? – будто они не в разводе столько лет. Будто он не предал ее. Будто она простила.

– Щи из кислой капусты, если не трудно, – ему было неудобно. Он как никто знал, что прошлое его поведение всегда будет между ними огромной пропастью. – И лимонный пирог...

– Да, да. Котлеты с пюре и купить кофе. Могла бы и не спрашивать, – она попрощалась и повесила трубку. Таких разговоров они не вели уже давно, но как легко все снова встало на свои места.

Нелегальная аренда домов не была чем-то необычным. Никто не хотел платить налоги, поэтому все это тщательно скрывалось. Но у полиции достаточно путей найти девушку, которая в открытую говорит о своих преступлениях и не скрывает местонахождения. По телефону и компьютеру сейчас можно вычислить кого угодно. Они устроили засаду. Чем больше фактов, тем меньше вероятность, что адвокат сможет спасти ее шкуру.

Слава с Мариной поехали с Кировым на захват. Они никогда не были в Иваново и их начинающийся роман набирал

обороты. Несмотря на не типичность ситуации, общая поездка всегда идет на пользу влюбленным. Иван Васильевич и слышать не хотел о гостиницах. Он привел их в дом к жене.

– Добрый вечер, – ни удивления, ни шока. Она даже бровью не повела. А ведь к ней в дом появился бывший муж в компании двух неизвестных. – Проходите в ванную, умойтесь с дороги. Я пока приготавливаю вам комнату.

Они не стали протестовать. В обществе таких людей чувство комфорта само собой разумеющееся.

Ужинали под рассказы о планах сыщика. Целый патруль направили к дому подозреваемой. Ее схватят и доставят в Москву. Он выпросит ей пожизненный срок, это точно. Бригада ищет неподалеку, еще четыре человека ждут помощи, может, больше.

– Это напоминает мне 2000, когда объявился Измайловский лесоруб. Ты помнишь? – Киров был как никогда весел и ел уже четвертую котлету, то и дело поглядывая на жену. Марина со Славой уже обсудили какой уютный дом у Раисы Владимировны. Но интереснее было то, что на каждой стене красовался портрет их счастливой семьи. Да и сам следователь предстал в новом свете. Улыбчивый с сияющими глазами, он бросал влюбленные взгляды на супругу.

– Конечно помню! Ты искал его два месяца, я боялась, что умрешь от истощения. Андрюше не было и 2 месяцев, мы прятали фото с мест преступлений на верхние полки.

– Не мы, а ты. Я всегда наводил беспорядок, а эта свя-

тая женщина все приводила в норму, – Иван Васильевич по-мрачнел. Он вспомнил, как его жена молча убирала бутылки, а потом кормила его супом и умоляла дать возможность помочь ему. Он разрушил все хорошее, что было в жизни.

Они пошли спать рано, так как операция по взятию Хозяйки планировалась на 4 часа утра. Киров долго ворочился в кровати сына, там было много фотографий из прошлого. Как странно, столько мужчин страдают от нехватки поддержки, от того, что их не любят и пият. Ему досталась идеальная спутница жизни и он сделал все, чтобы она никогда не взглянула на него более. Уничтожил любовь, уважение, доверие. По делу заявился к ней в дом, а она приняла его также, как до свадьбы, не обделила его гостей. Никто не увидел бы огрехи в ее маске, но он знал, чего ей стоит вот так беззаботно рассуждать о годах, когда он не видел ничего, кроме работы и алкоголя. Ни разу не поддержал ее, не помог, не обнял. Бросил одну с сыном на руках.

Иван Васильевич встал на ноги и выглянул в окно. Раиса сидела в беседке, пила чай, ела печенье и что-то увлеченно читала. Кажется, это был ее любимый Дюма.

Он вышел во двор. На улице было свежо, но Киров знал, где его жена хранила пледы. Так уж вышло, что эта упорядоченная женщина всегда все ставила на свои места.

– Накинь, – Раиса обернулась, ее не удивило появление бывшего мужа.

– Не спится? – она положила закладку между страниц. Ее

сердце все еще билось сильнее при виде этого человека, но она была уверена, что не простит его никогда. – Не волнуйся, ты ее поймаешь.

– Да, всегда ловлю, – Киров откинулся на кресле-качалке и усмехнулся. – Я заботился обо всех, кроме тебя. Всем помогал, всех выручал. Друга, приятеля, прохожего, весь мир. Но самого любимого человека оставил в одиночестве. Поэтому не сплю. Откуда такая жестокость во мне?

– Это не жестокость, Иван. Это безразличие к ближнему. И это намного страшнее, потому что быть рядом – это самое большее, что мы можем сделать друг для друга. Ты не становишься от этого плохим человеком. Посмотри, сколько жизней ты спас.

– И похоронил наш брак...

– Мы это построили, и мы это развалили. Виноваты всегда оба. Я слишком долго молчала. Надеялась, что ты сам почувствуешь, осознаешь. Не знаю, это было очень давно. А то, что прошло, прошло. Забудь и иди вперед. У нас чудесный сын. Он вырос настоящим мужчиной.

– Да, я очень горжусь им. Хотя его воспитание – твоя заслуга, – Киров зажевал печенье, чтобы унять дрожь в голосе и желание обнять самую святую женщину. Если бы можно было все исправить...

– Не глупи. Вы закрывались в своем маленьком мире достаточно часто. Я очень ценю, что ты не пил в это время. Это было важно, – она поднялась и улыбнулась. – Я замерзла,

пойду, пожалуй. Не засиживайся и не вини себя. Из песни слов не выкинешь, как говорится.

Раиса легко коснулась плеча бывшего мужа и пошла в сторону дома. Этот человек был ей дороже всех на свете, но она не могла быть с ним рядом, потому что хотела уважать себя. Выскочив замуж девчонкой, она была уверена, что Иван защитит ее от всех невзгод, от любых бед. Кто мог подумать, что он сам станет главной трагедией в ее жизни. Она служила ему безвольно, не прося взамен ничего. Но чем больше она заботилась, тем сильнее он плевал на нее. Она бы терпела все, но когда женщина становится матерью, ребенок встает выше любых чувств и приоритетов, выше всего. Андрюша заставил ее выкинуть из жизни нерадивого мужа. Теперь все это позади. Их сын вырос, они постарели. Она все еще носила фамилию Кирова и формально, они все еще были в браке, хотя об этом не знал никто, кроме них самих.

В это время Петр Узич во всю смеялся над «незаметной» слежкой. Полицейские глупы не только в фильмах и сериалах. Такой «неяркий» камуфляж, такие «не сверкающие» бинокли. Как наивно. Он знал, что они нашли девчонку и хотят схватить ее на рассвете. Им нужны факты, они прочесывают лес. Но вот беда, кто-то уже прибрал остатки чужого пребывания. Трупы сожжены, а прах развеян над рекой. С камерами было сложнее, но убрать их труда не составило. Пришлось рискнуть, вырвав все провода, но удача любит смелых. Зверь был уверен, что Кристина уже отпустила

ситуацию и контроль ослаб. Он оказался прав. Никому не удастся найти ничего. Парадокс в том, что девушка, которую они выслеживают, сейчас сидит в подполе, обездвиженная, накаченная лекарствами и изголодавшаяся.

Это была самая долгая ночь за всю историю моей убогой жизни. Я смертельно хотела воды. Все бы отдала за глоток. Тело меня не слушалось, я не могла пошевелиться. Каждая клеточка болела. Я не могла перестать думать о человеке, который сделал со мной это. Единственным подозреваемым был Денис. Наверное, он вернулся раньше и увидел, что твориться в лесу. Или нашел записи, раздобыл рассказы Кристо. Все, что угодно, но теперь он укрощает меня. В полицию не пошел. Может, мои подопечные умерли? А он не решится никак на предательство. Сдаст ли полиции свою возлюбленную, ту, что делила с ним ложе? Как поступит? В любом случае, он связал ее и бросил в подпол. Хоть и жестко, но зато я знаю, что мы одного поля ягоды. Он моей породы. Денис и я. Вместе мы сможем быть свободными. Я научу его выпускать демонов, покажу, как стирать следы, как их контролировать. Мы сможем быть вместе, препятствий этому больше нет, и эта мысль спасала меня.

Петр открыл дверь дома ровно в четыре утра. Он был одет как обычный рыбак. Коробочка со снастями и удочка, которую он заблаговременно отчистил от остатков старости. Навистывая какую-то песню времен СССР, он прошел к маленькому сараю, чтобы достать надувную лодку. Как же ему

хотелось увидеть сейчас лица оперативников, притаившихся по близости. Они в смятении, захват отменяется, девушки нет. Не понимая, зачем они высиживали тут всю ночь, и кто этот дядька, молодые ребята начнут нервно ерзать на месте и попытаются связаться с начальством, как только Узич скроется в лесу.

Я была всего в нескольких метрах от них, но кого это волновало? Руководство решило отложить операцию до выяснения обстоятельств. Но одного все же приставили к Петру. Он не смог бы ничего выяснить. Ему было 20 лет, он больше интересовался Инстаграмом своей пассии, чем спасением жизни. Узич хорошо понимал, кому достанется роль его стражника, поэтому не сильно заморачивался. Вел себя слишком чисто и очевидно, ничего лишнего, ни шага в сторону. Пару часов неумелой рыбалки, пустое ведро и долгожданный стук в дверь.

– Добрый день. Меня зовут Иван, я новенький в поселке. Не подскажете, где найти брусничную поляну? – Киров оделся так, как и полагалось обычному деревенскому жителю. Он использовал такой прием много лет подряд. Каждый психопат начинает нервничать в присутствии постороннего. Но этот тип выглядел абсолютно нормально, никаких признаков волнения.

– Добрый день. Если честно, я сам в этих краях пару дней. Племянница пригласила последить за домом, пока не закончится срок аренды, – мужчина дружелюбно пригласил незна-

комца войти. Он осмотрел Иван Васильевича с головы до ног. Хорошая спортивная форма, хоть и запущенная. Сразу было видно, что спортом он занимался много лет и почти профессионально. Во всяком случае упорнее, чем Узич, который страдал рыхлым строением тела и ленью. – Чаю?

– Кофе, – что-то в этом доме его жутко настораживало. Как будто это сплошной фарс. Руководство уже пробивало документы и возможные пути. Машину Хозяйки нашли в Москве, брошенную на стоянке, сама она исчезла. Несмотря на то, что всю опер группу было решено перевезти обратно в столицу, Киров считал это ошибкой. Неожиданный приезд дяди и вот она уже бросает все и уезжает в город. Нет, нет, нет. – А ваша племянница...?

– Ох, совсем недавно я узнал о ее существовании. Моя жена искала родственников. Ее сестра, некогда больная женщина, перед смертью в психиатрической клинике, призналась, что оставила младенца у дверей приюта или где-то там еще. Я не жаловал эту женщину и раньше. Все эти отклонения, голоса, которые мерещились ей повсюду. Мне кажется, это бред. Но одно дело губить свою жизнь, и совсем другое бросить малыша непонятно где. Свою кровь и плоть.

– Да, не каждый способен на такое, – Иван Васильевич отпил из предложенной чашки, невольно оценив ее тонкость. Хозяин не предложил закуску. Это говорит о том, что он не держит запасов, возможно, собирается уехать. Но это не делает его убийцей.

– Поверьте мне, каждый, – его тонкие губы еле касались расписанных кружев. Такая щепетильность столь неуклюжего и тучного человека казалась неестественной. – Но открыто об этом никто не скажет, конечно. Проще строить из себя Иисуса, чтобы все восхваляли твою добродетель. А еще лучше, сказать, что доброта – твой главный недостаток. Или всепрощение, к примеру. Люди обожают такие вещи.

– Вы предпочитаете честность? – Киров смотрел внимательно на своего собеседника. Однозначно, интересный персонаж.

– Нет. Я за интересную игру, – капелька сомнения в голову умницы-детектива. – Мне было десять, когда я стал членом шахматного клуба. Нравилась ли мне эта игра? Нет, меня от нее тошнило. Примитивно и неинтересно. Но так я мог манипулировать своими одноклассниками. Видите ли, мы делали ставки. Я выигрывал и получал призы. Как правило, что-то нематериальное, но унижающее. Стоит ли говорить, как быстро я начал перепродавать долги? – смех и еще один чопорный глоток чая. Узич считал кофе напитком африканских рабов. Точнее Зверь так считал. Оснований для этого не было, рядовая аксиома.

– Для нашего мира хитрость – это большая привилегия. А в совокупности с отсутствием моральных принципов, она может гарантировать успех.

– О, нет. Я не тщеславен. Порочен, как и все. Чуть более, чуть менее.

– Да, все мы далеки от совершенства, – Киров вспомнил о своем алкоголизме. Чувство вины приходило следом, это отвлекало от сути. – Так что ваша жена?

– Ах, да! – Петр мягко улыбнулся и в его голубых глазах на секунду проскользнула боль того человека, которого теперь заперли где-то внутри, где-то очень глубоко. – Моя жена нашла след девочки по каким-то слухам, разговорам. Я приехал сюда в надежде пообщаться с ней, подготовить. Но вы же знаете, молодые женщины слишком эмоциональны. Психанула девчонка.

– Уехала? – вполне логично, что сначала он назвал это приглашением.

– Только колеса свистели. Сказала, оставайтесь здесь, я сама разберусь. Ну а я женат 20 лет. Как быстро я согласился?

Они еще долго говорили о политике и экономике. Киров не расслаблялся, следил за каждым шагом и жестом своего собеседника. Никаких нервных смешков, напряжения. Этот человек был уверен в себе, купался во внимании. Такое ощущение, что он молчал бесконечно долго и теперь пытается наверстать упущенное, рассказать кому-то о мире, который он бережет внутри себя.

– Извините, я как-то упустил ваше имя, – Иван Васильевич точно помнил, как представился, но этот гражданин пожелал остаться неизвестным.

– Это потому, что я не говорил его. Вячеслав Назарецкий,

член РАН и философ, – смешок от осознания, как легко он стал другим человеком. Стоило только взломать пару баз и опубликовать несколько скаченных трактатов. И тот, кто был никем, стал всем. – Не смотрите на меня осуждающе. Я и сам знаю, что общественность думает про философию и ее последователей.

– И что же?

– Беспольные приживалы. Выдаем очевидные факты за науку. Что там еще говорят? – его чашка была пуста, но он все еще автоматически отпивал из нее.

– Я считаю, что каждый должен заниматься своим делом. Вот и все. Хотите быть философом? Да ради Бога! Лишь бы зла не делали.

– А если делать зло, это тоже предназначение? Почему смерть животного в лесу от лап другого животного считают естественной, а человеческий конец называют гибелью? Чем мы лучше?

– Животные убивают, потому что голодные, потому что защищают потомство или территорию...

– Ваш ответ предсказуем, к сожалению. Возьмем для примера, нас с вами. Если сейчас я убью вас, потому что вы на моей территории, будете ли вы считать это жестоким? – Узич увидел смятение в серых глазах сыщика. Безусловно, его соперник был умен и подозревал его. Но не так хитер, чтобы одержать победу. Это против природы. Даже самый сильный заяц не убьет лису. В крови травоядного нет необходимой

жестокости. То ли дело нынешняя пленница. – Не отвечайте. Это будет лишним. Не хотели бы вы прогуляться до магазина? У меня в холодильнике совсем пусто.

– Нет, спасибо. Я загляну к вам в другой раз, – Киров встал со стула, тяжело вздохнув. Романтическая посиделка на веранде привела к застуженной пояснице. Теперь он с трудом шевелился, но сдаваться не собирался. Ему было необходимо проверить бумаги на этого философа.

Петр Узич любезно проводил сыщика к выходу и покачал головой. Его надежды не оправдались, этот человек был предсказуем. Правда, в подвале его ждала очень интересная персона. Может быть.

Я все еще лежала там, под досками и пылью. Ждала ли помощи? Да. Не так часто мое разбитое сердце посещает надежда, но Денис Орлов пропитал меня верой в любовь. В сыром подвале мне еще сильнее не хватало его рук, губ. Ловкими движениями этот человек подчинил мое беспутное существо. Я никогда не узнаю, что могло бы случиться, если бы я не затеяла эту историю с пленниками. Если бы я простила, а не отомстила, смогла ли бы я быть счастлива? Или если бы я не взяла на борт н? Может тогда? У истории нет сослательного наклонения. Все происходит здесь и сейчас, в этот момент, в эту минуту.

Тело предательски ныло снова и снова. Я могла перетерпеть любую боль. Несчастное животное, вынужденное бороться со всеми несправедливостями этого мира. Сколько

раз я вот так закрывала глаза и терпела.

Мне хотелось осмотреться. Но как в такой темноте увидеть хоть что-то? Можно ли это сделать?

Денис Орлов сидел у компьютера и не находил покоя. Каждая клеточка шептала ему о том, что он нужен Кристине, что он должен помочь ей, но с осторожностью. Его тетя уехала в Краснодар к подруге. Было еще достаточно тепло для прогулок в кофте с длинным рукавом, что он себе и позволил. Ему казалось отличным планом дружба с возможным мучителем. Если войти в круг доверия этого психа, можно как-то узнать, где его суженная. Опоить, накачать наркотой. Что угодно, лишь бы не было поздно.

Петр проходил между высокими полками с большой тележкой и удивлялся тому, что цивилизация в лице супермаркетов достала даже это Богом забытое село. Хотя кого Бог не забыл?

– Он заботится обо всех, – старый мягкий тембр голоса прежнего Узича звучал совсем тихо. После того, как разумом стал управлять Зверь, ему стоило огромных усилий подавать признаки жизни. Он не боролся, не сопротивлялся. Это существо, невидимая сила, которая сделала из него монстра, спасла его никчемную жизнь. Но настоящее значение имело то, что он много лет держал на привязи его, но не мог подавить окончательно. Почему? Странное чувство родства, неодинокства. В любой непонятной ситуации, была ли жизнь к нему добра или сурова, с ним всегда оставался

Зверь, который наполнял его сердце бесконечным пониманием. И Узич не мог разорвать эту связь.

– Петя, ты ведешь себя как ребенок, – мужчина не думал о том, кто может услышать его разговор. Он всегда смотрел только внутрь себя, все внешнее можно решить хитростью. – Думаешь, ему было дело до того, что сумасшедшая женщина заперла тебя в катакомбах и издевалась? Думаешь, он бы спас твою жизнь?

– Меня не нужно спасать... К тому же я был там не один, но явно заслужил это, как и другие, – его рука автоматически взяла фасоль в банке и кинула в телегу.

– Опять хватаешь всякую дрянь! – Зверь выкинул железку на витрину с замороженной рыбой. Он не ненавидел все, что может храниться годами, тем более консерванты. Все это было противоестественно, все это привело к пузо над брюками Узича. Пока Зверь был взаперти, он не мог контролировать сложившуюся ситуацию, но теперь не позволит пичкать тело всякой всячиной. Только полезное и питательное. – Ты должен понять, мы с тобой две половины одного целого. По сути, ты заботишься о других, не обращая внимания на себя. Я же наоборот оберегаю нас и не беру в расчет окружающих. Одно без другого невозможно. Но есть простая истина: эгоист сможет выжить, хоть и в одиночестве, а вот твоя сердобольность подведет нас под монастырь...

Из-за угла показался симпатичный молодой человек со светлыми волосами. Цвет его глаз почти не отличался от

зрачков, он радушно улыбнулся и ямочки на его щеках показались во всей красе.

– Дядя Слава! Какая встреча! – ему пришлось потрудиться, чтобы найти этого невысокого мужчину. Чем ближе он подходил к радушному человеку напротив, тем сильнее приходилось прижимать подбородок к груди. Стоя на ровной площадке, он едва доставал ему до плеча, но что-то внутри Орлова сжалось.

– Добрый день, – губы Петра были абсолютно расслаблены. Он знал, что Денис объявится снова. Сегодня, завтра, в любой другой день. Ромео искал свою возлюбленную и был достаточно находчив, чтобы понять, история о приезде дядюшки несусветный бред, который не стоил внимания. – Хотите присоединиться ко мне за обедом? Я бы с радостью поболтал о нашей общей знакомой.

Парень кивнул, а Узич подумал, что молодое мясо хорошо будет сочетаться с картошкой. Только дурак отказался бы от плоти врага.

Глава 11.

Я не понимала, где сон, где реальность. Сначала мне казалось, что меня вот-вот спасут. Раздались мигалки и лай собач, потом я слышала голоса каких-то мужчин, один казался знакомым, но я не могла сосредоточиться. Все мои мысли были о воде и еде. Вера в то, что Денис способен бросить меня вот так, даже за мои преступления, прошла. Теперь я считала, что этот маньяк явно далек от моего бойфренда. Голова не соображала, все было в хаосе. Сердце, которое почти не билось, начало стучать с такой силой, что я боялась, что оно остановится. Это был он. Я знала это также, как то, что продержусь еще пару дней до голодной смерти.

– Денис... – мой слабый голос не услышала бы даже мышь в соседнем углу, но внутри он раздался таким гулом, что я улыбнулась. Теперь все узнают, где я. Теперь я жертва, никто и не подумает о тех, кто остался в катакомбах. Все обвинения повесят на того, кого поймали с поличным. Проще засадить одного преступника, чем искать повод посадить второго. В России все ненавидят власть и волокиту, которую она влечет за собой.

Орлов дернулся как от легкого разряда электрического тока. Теперь он не сомневался, что Кристина была где-то рядом, и он точно знал, что будет искать ее, не дожидаясь информации от полиции или дядюшки.

– Еще кофе? – Узич не показал блондину, что на самом деле думает об этом рабском напитке. Ему был противен земляной запах этого мещанского пойла, но он держался молодцом. Эти низменные людишки не способны на понимание его нестандартного мышления. Он высшее существо. – Вы почти ничего не съели.

Денис хотел сказать, что ему не лезет кусок в горло, когда он не знает, где его женщина и как она. Как можно спокойно питаться в такой ситуации? Она, возможно, не ела уже несколько дней. Неизвестно, что делает с ней этот маньяк. От вариантов происходящего у Дениса возникло желание напасть на это чудовище. Но он остановился. Нужно осмотреть дом. Она может быть не здесь. Он не должен знать до определенного времени, что этот приятный молодой человек засадит его в тюрьму до самой могилы.

– Боитесь, что я вас отравлю? Это не мой стиль, товарищ. Мне нравится говорить товарищ. Я надсмехаюсь над ушедшей эпохой, и никто не накажет меня за это, – Петр улыбался так, как бы это сделал обычный человек, добродушный прохожий. – А еще мне нравится свежесть этой деревни. Никакого разгула и пьянства. Эдакий французский Прованс с ноткой ностальгии. Вам нехорошо?

Денис чувствовал, как комната начала кружиться. Его подташнивало, но он все еще держался на стуле, уговаривая себя, что не мог так легко попасться.

– Вы сказали, что это не ваш стиль...

– Нет, нет. Я говорил об отравлении. А вот усыпить молодого ягненка, пытающегося поймать мудрого льва, это да. Согласись, я мог обойтись с тобой куда хуже. Я очень гуманный человек. Я дам тебе увидеть то, что ты хочешь...

Киров ходил из угла в угол по спальне своего сына. Вся информация об этом философе подтвердилась, но он не верил. Не может быть это правдой. Еще никогда сыщик так не хотел кофе. Раиса постучала и легонько толкнула дверь.

– Ваня, кофе, – ее очки запотели, но эта полноватая женщина и с закрытыми глазами обошла бы каждый угол своего дома. Они с сыном перебрались сюда сразу после развода. Маленький мальчик был беспокойным, но воздух пошел ему на пользу. Андрюша стал лучше спать, особенно, когда в его комнате стены перекрасили в сочный оранжевый цвет. Когда-то хилый и болезненный ребенок стал принимать активное участие во всех спортивных соревнованиях. Раиса считала это своей заслугой, но никогда бы не призналась в этом.

– Откуда ты...

– Твой топот с другого конца города слышен. Да, они завернули дело, но ты же знаешь, что они не правы. А еще ты знаешь, что всегда находишь улики. Рано или поздно. Работай спокойно, – она оставила чашку под виноватым взглядом бывшего мужа. Интересно, хоть когда-то он сможет простить себе свое поведение? Ее мягкий характер изнывал от желания обнять его, поддержать. Он всегда нуждался в ней.

– Ничего нового. Он чист по бумагам. Я намного опаснее

его. Ни штрафа, ни административного нарушения. Что же делать? Что делать? – Иван Васильевич всегда был переменчивым и сложным. Секунду назад он отвлекся на жену, а теперь снова ушел в свои мысли. Преступник, вот что его волновало всегда и везде. Подлинная страсть охоты на мировое зло. Раиса знала это и никогда ему не простила.

Мой мучитель не стал скрываться долго. Я увидела Петра сквозь туман, мой воспаленный мозг не воспринимал информацию. Он тащил Дениса вниз по лестнице так, будто это мешок с картошкой, а не живой красивый мужчина, от которого у меня душа уходила в пятки.

Теперь я точно знала, кто закрыл меня здесь и ярость переполняла каждую клеточку моего организма. Этот больной на голову таракан посмел обдурить меня? Я относилась к нему лучше, чем кто бы то ни было на этой чертовой планете и что в ответ? Он просто решил отомстить мне, посмел восстать. Как? Как он обошел такую продуманную систему безопасности? Я же все просчитала, каждую мелочь, любую деталь. Ничего не предвещало беды, он был куда скромнее всех остальных. Вот уж правду говорят: в тихом омуте черти водятся.

– Моя дорогая, – он сиял, я сразу поняла, что это совсем не тот человек, которого я взяла в плен теплым летним вечером. Это был другой Узич. Самоуверенный, властный. – Как хорошо, что ты проснулась. Голодная? – я хотела наброситься на него, но моих сил не хватало даже на то, чтобы

моргнуть. Он поднялся по ступеням к свету и исчез. Я хотела, чтобы Денис открыл глаза. Как же я этого хотела! Но он не шевелился.

Петр вернулся через пару минут с подносом в руках. На его круглом лице была легкая улыбка словно это воскресный пикник в парке Горького. Я лежала на холодном полу, покрытая занозами от неотесанных половиц. Запах стоял еще тот, туалета для меня предусмотрено не было.

– Я прошу прощения за условия, в которых вынужден тебя содержать. Обещаю все исправить, но для этого ты должна хорошо вести себя, понимаешь? – как он посмел тронуть Дениса, запереть меня? Как только я освобожусь, быстро покажу ему, кто в доме хозяин. Он смотрел на меня внимательно с улыбкой на лице. – Злишься? Это хорошо. Потому что мне абсолютно все равно на чувственную сторону твоей натуры. Я хочу познакомиться с тобой настоящей. Ты же не просто так заточила нас всех там, правда? Тебе понравилась власть.

– Пошел ты... – я испугалась своего голоса, таким жалким он был. Что это такое? Почему я не могу взять себя в руки и побороть слабость?

– Пойду, но для начала обрисую тебе ситуацию. Твой паренек в моих руках и помочь тебе не сможет. Мент, который тоже пытается что-то нарыть, никогда не перехитрит меня, слишком топорный склад ума. Ты одна, абсолютно одна. Я мог бы убить тебя прямо сейчас, но мне одиноко. Я рискнул ради того, чтобы пообщаться с тобой. Не разочаруй меня,

пожалуйста, потому что я могу стать очень неприятным.

Он оставил мне поднос. На нем была бутылка воды, пара тостов, клубничный джем, который я ненавидела всей душой и кусок сыра. Не богатый стол, но это лучше, чем ничего.

Чувство голода заставило меня поднять руку и дотянуться до воды. Дрожащей рукой я открыла пробку и сделала два глотка, поперхнулась. Чуть приподнялась, оперлась на локти и взяла в руки тост. Он был еще горячий и я никогда не ела ничего вкуснее.

Я не заметила, как смолола все, что мне принесли. Мое тело ожило, я пришла в себя и тут же застыдилась. Даже на секунду я не задумалась о том, что в другом углу лежит без сознания Денис Орлов. Он тут из-за меня, но мне не пришло в голову отложить ему хоть кусочек. Что я за человек такой? Ну ничего. Я вытащу нас обоих отсюда, чего бы мне это не стоило. А что если Узич расскажет ему обо мне? Что если уже рассказал? Он меня ненавидит? Я посмотрела на него. Сверху пробивался еле видный свет, но даже в таком полумраке я уверена, что на его лице не было ничего плохого. Он не способен на такое. Если верить, что влюбленные – две половины одного целого, то я забрала все отвратительное за нас обоих.

Узич вернулся в подвал не прошло и часа. Денис все еще лежал неподвижно, я стала опасаться, что этот сумасшедший убил его, мой любимый не был связан, никаких цепей или наручников.

– Итак, Кристина, – он говорил со мной так, как это делают на общих мероприятиях чуть знакомые люди. – Мы оба знаем, кто ты, кто я. А твой паренек знает? – я молчала, но что-то внутри говорило, долго так продолжаться не будет, ведь он должен мне доверять. – Глупый вопрос. Конечно, он не знает. А кто вообще о тебе знает?

– Что ты сделал с остальными? – я знала ответ, но все еще надеялась. Почему-то мне хотелось видеть их живыми. Искупило ли бы это мой грех? Конечно нет.

– Почему тебе важно? Ты ведь не жалела их, когда сажала в катакомбы? Нравилось травить нас? Опускать? Отвечай мне! – всего на секунду он склонился надо мной с нескрываемой яростью. По спине пробежал холодок. Этого чертика я сама выпустила из табакерки. Я хотела появления Зверя, и он пришел. Почему тогда мне так страшно? – Ты мерзкая тварь, не достойная моего внимания и участия! Я спас тебя от пожизненного заключения, уничтожил улики. Ты не стоишь и пыли из-под моих сапог! Да как ты смеешь молчать, когда я спрашиваю?!

Он с размаху ударил меня в живот, отчего в глазах потемнело моментально. Меня бы стошнило, но желудок не хотел отдавать долгожданную еду. Я кашляла. Узич тут же присмирел и включил на столе лампу, о существовании которой я не догадывалась.

– Кристина, мне не нравится быть грубым. Правда. Но ты выводишь меня из себя, – его голубые глаза смотрели на ме-

ня, как на ребенка, которому объясняют, почему нельзя делать что-то. – Ты же умная девочка, правда?

– Судя по тому, что дала тебе возможность захватить власть над телом этого бедолаги, нет, – я села, подобрав под себя ноги. Это стоило нечеловеческих усилий, но моя гордость может заставить меня сделать что угодно. Я представляла, как буду пытать его снова и снова всеми известными мне способами.

– Вот такой ты мне нравишься больше, – мои цепи звенели то и дело, создавая ритмичный фон к его голосу. Я отметила, что глубокий мягкий тембр Зверя не оставил следа той неуверенности, которая была присуща Петру. – У тебя такие же голубые глаза, как и у меня и отражается в них тоже самое.

– Желание убивать? – я сдерживала слезы, потому что любое движение причиняло боль.

– Внутренний демон, которому дали волю, – как же давно он хотел поговорить с кем-то свободно. – Скажи мне...

– Я хочу нормальные условия. Ты же понимаешь, что нельзя держать меня здесь?

– Конечно, поэтому я подложил тебе в еду снотворное. Мы едем в Москву, как только ты уснешь. Ко мне, – его улыбка была победной. Я старалась не поворачиваться к Денису. – Твой парень останется здесь.

– Если он жив, оставь его наверху, – сердце пропустило удар.

– Просишь или требуешь?

– Утверждаю, – я знала, что он сделает это. Излишняя жестокость была и к чему.

Я уснула, рассказывая про то, как притащила его сюда. Удивительно, что мою историю становления можно было уместить в один час. Он был достаточно обеспокоен моим здоровьем, поэтому искупал и перебинтовал следы от оков. Я не чувствовала ничего, кроме всепоглощающей тьмы.

Дениса и правда оставили в гостинной. Я не уверена, что это было сделано из-за меня. Скорее ему было важно узнать, что будет дальше. Найдет ли он нас? Последует ли за нами? Для Узича любовь всей моей жизни была мелкой букашкой, ничего не значащее существо.

Орлов очнулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза, во рту был привкус металла, голова гудела. Каким же дураком надо быть, чтобы так безрассудно действовать! Какой же он самоуверенный идиот!

Крепкий мужчина средних лет не был обеспокоен его состоянием. Он смотрел на парня, полный спокойствия и умиротворения, тихо сказал кому-то за спиной, что он очухался и попытался заставить его сесть. Денис заметил, что его серые глаза похожи на сгущающееся тучи, затянувшее чистое небо, такие тяжелые и такие пугающие. У него не было усов или другой выдающейся растительности. В общем-то, его на улице не отличить от других прохожих, но этот старый дом заставит Орлова навсегда увековечить в памяти безли-

кий портрет следователя Кирова.

— Василич, нечего с ним возиться! Его всего-навсего усыпили, ничего серьезного, я тебе говорю! — Слава стоял у дальней стены, недовольно покачивая кружку в руке. Мало того, что его заставили выйти из дома без завтрака и оторвали от интересного занятия с Мариной, так и кумир проявляет особое внимание к блондинчику, который умудрился запороть им все дело. — Дом чист, никаких следов. Да и все сведения о профессоре Назарецком как в воду канули. Мы его упустили и Криво вместе с ним.

— Держал тут ее? — Иван Васильевич ругал себя за то, что не догадался о скором отъезде подозреваемого. Он собирался провести незаметный обыск сегодня, опоздал на считанные часы и все пошло прахом. Все потому, что он слишком увлекся разговорами с женой и чувством вины. Как глупо!

— В подвале, — Разузнаева была единственной, кто додумался надеть бахилы и вызвать полицию. Ее тучная фигура была невероятно грациозной на месте преступления. Она хотела быть максимально полезной, поэтому тщательно изучила дом. — Улик там не найдут, он все убрал. Но остались кандалы внизу.

— Он держал ее на цепи? — Денис заплакал бы, если бы не люди вокруг. Его нежная Кристина, хрупкое создание сидела в оковах, как забитый зверек. Он был рядом, но не успел даже посмотреть на нее. Не спас, потому что ничего не спланировал. Потому что не подумал о риске, о том, что все кон-

чится так быстро. – Есть какие-то следы? Куда он повез ее?

– Так, никакой самостоятельности! – мужчина поднялся на ноги и строго посмотрел на молоденького парнишку. Едва ли он был старше его Славы. Молодость так безрассудна. Он хотел сказать ему, что его присутствие уничтожило хороший шанс на поимку двух опасных маньяков. Ткнуть бы его носом в эту ошибку. – Ты остаешься здесь и будешь ждать новостей от Моряка. Он тебе все расскажет, как только у нас будет, что рассказать. До этого не мешай следствию и не рыпайся. Понял? Мы постараемся спасти ее, но ты должен дать нам эту возможность!

С плохо скрываемой яростью следователь вышел из комнаты, прихватив обеспокоенную Марину. Они многое должны были обсудить без горячих голов.

Слава сочувственно смотрел на блондина. Где-то в глубине души, он знал, что вел бы себя также самонадеянно и глупо. Он записал его адрес и телефон. Скорая и полиция приехала на удивление быстро. Денис оказался вполне стойким, его отпустили домой, посоветовав хорошо поспать.

Говорят, все дороги ведут в Рим. Киров был уверен, что эта дорога ведет в Москву. Много фактов и оснований, но главным было оторваться от молодого Ромео. Моряка заставили выкинуть записку со всеми данными, никто не будет с ним связываться, а сам он не родственник, никакой информации ему не предоставят. Так было решено, потому что Кристина Романова подозревается в лишении свободы семи

человек и пытках. Она натравливала их друг на друга в обещании спасти хоть какого-то. Киров так считал. Теперь он знал в лицо убийцу. Она не сможет сбежать. А этот парень... Этот парень не виноват, что влюбился в не ту девушку, не виноват, что верит ей и что она оказалась монстром. Этот парень никогда не узнает, кто она и где. Этот парень следовал за машиной Кирова прямиком в Москву.

Глава 12.

Я очнулась от запаха жаренных яиц. Не то, чтобы я не любила это блюдо, я его презирала. В юности оно часто заменяло мне и обед, и ужин. Самое простое, что можно придумать на скорую руку. Сковорода, масло, яйцо, соль. Когда было совсем лениво, я его варила.

Открыв глаза, я заметила, что нахожусь в небольшой комнате. Свет был электрический, поэтому я не понимала, какое время суток сейчас. Я осмотрелась. Кажется, это кладовая. Окна не было, дверь хилая. Было заметно, что небольшое отверстие в ней выпилили на скорую руку. На полу лежал односпальный матрас, рядом стояла двухлитровая бутылка воды.

Сухость во рту заставила меня прервать осмотр ради долгожданного события. Я схватила трясущимися руками горлышко, открутила крышку и припала губами. Внутри сразу тысяча струн ласкали мое избитое нутро. Только после этого я заметила небольшой пакетик с купленной едой быстрого приготовления. Она была горячей, из чего я сделала вывод, что Петр хорошо знал влияние на тело препаратов. Надежда обмануть его умерла.

Пластиковые приборы – крайне неудобное средство поглощения пищи, но я привыкла и не к такому. Сказать правду, мне было приятно, что я тут не животное, не раб. Эти

белые вещицы – последние крошки уважения.

В тот момент, как оставшиеся мазки порошкового пюре исчезли, я обратила внимание на бинт, который скрывал мои запястья и лодыжки. Узич позаботился обо мне, не было старых заноз. Тело все также болело, но теперь я чувствовала, что мои раны затягиваются.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – он появился так неожиданно, что я вздрогнула. Голос Петра был таким же ласковым и жестким, как в последний раз, когда я его слышала. Я знала, что это Зверь, которого я выпустила на свободу.

– Я хочу в туалет, – мне казалось, что если я буду отвечать четко и скрою отчаяние, то проживу дольше. Его интерес ко мне вызван чувством родства убийцы к убийце. Мы были похожи, так ему казалось. Я была не против его иллюзий, потому что это спасало мою ничтожную жизнь.

Дверь открылась. Я увидела в руках у него увесистый дробовик. Этот невысокий человек не мог напугать меня оружием, но его глаза... Я готова была поклясться, что мне не стоило злить его.

– Прошу, – пухлые ручки указали направо по коридору. Он не угрожал мне, не пугал. Он держал дуло в десяти сантиметрах от моей головы и этого было достаточно, чтобы я не делала глупостей. Ни о каком уединении речи быть не могло, но я почувствовала себя человеком из-за того, что снова могла пользоваться плодами цивилизации. От меня больше

не пахло потом, Узич вымыл меня, пока я была без сознания. Я не хотела думать о том, что он трогал меня, видел меня. Хотя этот толстяк и был импотентом, он все же оставался мужчиной.

– Спасибо за дрянную еду, – я вернулась в камеру и с радостью легла на мягкий матрас. Он что-то говорил у двери о том, как обустроивал мою комнату в те часы, пока я была в отключке, но мне было все равно. Спокойный сон не приходил уже много дней и мой ослабший организм отчаянно стремился забыться, чтобы выжить, чтобы накопить силы для боя.

Денис Орлов поселился в дешевой гостинице где-то в Измайлово. Он не знал, сколько ему придется здесь пробыть, поэтому экономил средства. Мысли о том, что его Кристина, его любимая в руках маньяка убивала его, но она была в этом городе. Он был уверен в этом также, как в том, что сегодня вторник, как в том, что не помнит, когда ел в последний раз.

Следователь Киров жил неподалеку и это позволяло передвигаться максимально близко, контролировать расследование. За Славой Моряком и Мариной Разузнаевой наблюдал нанятый детектив, но Иван Васильевич был совсем не прост. Слежку за профессионалом Денис бы не доверил никому, кроме себя. Его раненное сознание все еще отрицало тот факт, что он загубил ход дела своим вмешательством. Мужское эго куда выше правды.

На часах было семь часов. Орлов умылся холодной водой

и посмотрел на свое отражение. За эти несколько дней он постарел на десяток лет точно. Когда-то гладкая кожа стала распускать паутинки морщин. Красивые черные глаза выглядели злобными из-за красных белков. Он не мог спать. Закрывал глаза и вспоминал ее, которую не сберег, которую оставил. Чувство вины смешалось со страхом и мучило его снова и снова, снова и снова. Его широкие плечи осунулись, он весь сжался в комок нервов, в пороховую бочку, которая могла взорваться в любой момент. Серая рубашка выглядела потасканной и грязной, но он не обращал внимания. Сейчас важна только Кристина и если полиция думает, что он купился на их предупреждения, они ошибаются. Это его дело, его женщина. Он в состоянии спасти ее и без помощи погоню.

Знакомый за определенную сумму одолжил ему старенькую машину с московскими номерами, так было лучше. Он хотел быть незаметным, Киров умен и не станет делиться информацией. Потому что этот старик обвинял его. Нет, не говорил прямо, но по его лицу было очевидно. Презрение.

Холодный осенний воздух ударил его по лицу. Кажется, скоро начнутся снега. Ему нужно найти Кристину, нужно найти ее. Тогда вернется покой, вернется счастье. Ему снова захочется улыбаться. Все будет хорошо, с ним она будет в безопасности. Он заставит ее забыть обо всем, о каждой ужасающей минуте в аду этого маньяка. Все будет хорошо, лучше, чем кто-то может представить.

Следователь Киров допил утренний кофе без молока и сахара. Его завтрак как всегда был скуден: бутерброд и печенье «Юбилейное». Он был абсолютно равнодушен к еде, ходил в магазин только по острой необходимости, поэтому не знал, что продуктовые полки давно обогатились всякой всячиной. Он брал то, к чему привык, вот и все.

Каждая форточка в его небольшой двухкомнатной квартире была открыта. Он любил свежий воздух и прохладу, которой пахнет утро. Несмотря на низкую температуру, Иван Васильевич ходил босиком, позволяя своим ногам замерзнуть до предела. Так было легче избавиться от дурацких мыслей, которыми наполнен его мозг.

Ему вспомнились времена, когда за бутылкой водки он легко забывал про жестокие стороны этого мира. Обезболивающее от реальности, сейчас он бы с радостью воспользовался им, но после встречи с Раисой старался держать себя в руках. Эта женщина как маяк из прошлого, вечное напоминание его грехов. Поэтому он не пытался ее вернуть. Киров любил эту женщину больше всех на свете, но даже пять минут вблизи причиняли невероятную боль от стыда за то, кем он был. За то, кто он есть.

Иван Васильевич сел в свой старенький Hyundai Solaris и кинул быстрый взгляд на зеркало. Дилетант из деревни вблизи Иваново все еще следил за ним, теперь он знал домашний адрес. Киров заметил его сразу, но не стал наседать, парень совсем молодой, совсем самоуверенный. Сам следо-

ватель терпеть не мог «героев из народа». Каждый должен заниматься своим делом, таков закон жизни. Люди не могут понять, что своими прямыми методами они мешают вершить правосудие, но никак не ускоряют его свершение.

Глубоко вздохнув, он нажал на газ и отъехал. «Незаметный преследователь» казался ему не забавным, а раздражающим. Нужно пустить его по ложному пути, иначе он запрет всю операцию.

– Слава, – в трубке послышался недовольный шепот. Киров знал, что это Марина, но отмел от себя все яркие картинки, нарисованные воображением. – Мой сторож на месте и меня начинает это напрягать. Скинь его с хвоста.

– Как скажете, Василич, – он отключился. В руках Моряка все еще спала его новая возлюбленная. Он аккуратно выпустил ее из рук, но девушка тут же открыла глаза.

– Ты куда? Рано же еще, – ее пухловатые руки цеплялись и не оставляли шансов на свободу. – У нас еще есть время...

– Василичу на хвост деревенщина упал. Надо как-то отделаться от него, а то все усилия прахом пойдут. Я тебе говорю, – брюнет скатился с теплой простыни и схватил мятые джинсы.

Он был суетливым, но все, за что брался этот человек было в порядке. Назвать его неуклюжим было нельзя. Слава натянул майку и вопросительно посмотрел на лежащую в полудреме Марину. Она же не собирается спать, пока они с Василичем работают. Ну уж нет.

Крики и смешки молодой пары. Они играли в любовь, игрались отношениями. Ничего сложного или бедового на их пути не маячило. Не самая простая работа, но и к этому люди привыкают. Им было весело вместе и как-то понятно. Никто не мог представить более слаженного союза.

Но я могла. Все время, что мы с Денисом были порознь, мне снился один и тот же сон: громоздкий мужской силуэт, уходящий в даль. Я пыталась догнать его, схватить, так быстро, как могла. Но он становился только дальше и меня охватывало знакомое чувство паники. Я уже сталкивалась с этим, не раз.

Сейчас я проснулась от того же задыхающегося чувства. Открыв опухшие глаза, я поняла, что все еще нахожусь в кладовой. Вокруг было тихо, но я позволила себе громко позвать Узича. Он должен знать, я не его раб. Я никогда не была жертвой и никогда не буду. Боже, кто бы знал, как мне надоела эта бесконечная борьба!

– Ты стала смелее, – Петр был в свежей рубашке, надушенный удивительно приятным одеколоном. Он появился передо мной с оружием в руках. Значит все еще не доверял мне. – Итак...

– Итак? Сколько ты собираешься держать меня тут? Что тебе от меня надо? Ты сам отдаешь себе отчет, что натворил? За тобой охотиться полиция, нас найдут, рано или поздно, – мой голос должен был звучать твердо, но я не могла сдержать дрожь. Открытая дверь перед глазами закрыта дробовиком

и психопатом. Я не знала, сколько еще буду тут, что со мной будут делать, как я буду дальше жить. Я не знала, как Денис, здоров ли он, жив ли. Это незнание, неустойчивая платформа прямо под ногами сводила меня с ума, и я без конца пыталась взять себя в руки.

– Вы посмотрите на эту святую простоту! – Петр рассмеялся. Я заметила, что у него не хватает одного зуба на левой стороне в верхнем ряду. – Конечно я понимаю, что за мной охотятся, и ты тому виной. Еще я знаю с какой радостью ты бы повесила на меня заварушку в катакомбах. А еще я читаю в твоих голубоватых глазах тот самый главный и страшный для тебя вопрос: жив ли твой Ромео. Он жив и здоров, пару синяков и немного ссадин, – он был честен со мной, я уверена. Его круглое серьезное лицо с лысиной не было милым, но и не угрожало мне. Он не хотел избавиться от меня, проявлял себя сдержанно и внимательно. Думаю, он заметил, как я с шумом выдохнула и, наконец, успокоилась. – Знаешь, главное отличие мужчины и женщины?

– Не сложно угадать, – я не улыбнулась, он ждал другого ответа.

– Да, пожалуй. Женщины хаотичны. Мыслят стихийно, чувственно. Ты похитила несколько мерзавцев, заперла их в подполье и травила друг на друга. Но быстро поняла, что это не интересная игра, – он все еще крепко держал в руках дробовик, не позволяя себе отвести от меня маленьких глаз. Но сел на заготовленный стул в такой расслабленной позе,

что на секунду, всего на секунду, мне показалось, что я могу убежать, воспользовавшись положением. – Мужчины точны в расчётах. Они все спланируют, продумают. И не бросят на середине, о нет. Я говорю «они», потому что сейчас я поступил как женщина. Я взял тебя с собой и разоблачил свою личность. Но не потому что что-то чувствую, а потому что не чувствую ничего. Знаешь, как это? Мне абсолютно все равно, кто будет жить, а кто нет. Мне по-настоящему нет дела до любого человека вокруг. Большинство людей эгоисты. Все эти «как дела», «позвони, как будешь дома». Бред чистой воды. Никому неважно, что с тобой. Каждый горит в своем аду, персональный котел. Ждет своей очереди высказаться. Знаешь, я не такой, как они. Потому что мне нет до себя никакого дела тоже. Буду я жив или умру? Все равно.

– Тогда почему не убьешь себя? Человечество скажет тебе спасибо, – я улыбнулась, потому что за мою смерть люди тоже были бы благодарны.

– Потому что это не имеет смысла, дорогая. Безразличие и ненависть не одно и тоже. Я не разочарован жизнью, я ею и не очаровывался, – у него были голубые глаза, яркие от света, как гладь озера. Они были похожи цветом на мои. Не знаю, отражалась ли во мне эта пустота, но на секунду я испугалась. Если это зеркало души, то у него ее нет. Уверена, мертвец бы смотрел точно также, если бы мог.

– Расскажешь мне историю своего становления? – я надеялась, что сарказмом скрою страх, зародившийся в моей ду-

ше от этого человека, от нашей схожести. Узич смотрел на меня целую минуту. Я заставляла сердце не биться, но разве оно слушается?

Я не знаю, заметил ли он мой испуг. Не знаю, что было в его голове, но он встал, закрыл дверь. Я стучала и кричала. Одиночество не было для меня новостью, но я не понимала, что за хрень тут происходит.

Время тянулось бесконечно медленно, и я снова уснула, позволив Денису ускользнуть из моих сновидений.

Киров смотрел в окно на старенькую машину со знакомым водителем – блондином. Слава пытался увести его в сторону Подмосковья, но не вышло. Он словно приклеился к следователю и не желал выходить на другую дорогу.

Моряк нетерпеливо топтался с места на место в ожидании нового указания. Его хитрость не сработала, но ведь могла же, могла! Их с Мариной разговор о примерном месте нахождения преступника, поездка, все было естественно. Но этот сукин сын не так прост, не так наивен.

– Василич, я вам говорю, надо вызвать ППСников на него и все тут! Пусть дадут ему ограничение на посещение, пусть уберут его отсюда!

– Никто не тронет его, – за годы практики Киров научился, что можно воздействовать на людей без крика и истерик. Достаточно быть твердым и верным своему слову. Ему не хотелось создавать парню проблем. Достаточно того, что он влюблен в сумасшедшую. – Притащи ко мне горедетектива.

Через пять минут Орлов стоял на пороге кабинета Кирова. Это было небольшое помещение с узким окном и светлыми серыми стенами, заваленное бумагами. Стоял крепкий запах кофе. Иван Васильевич устало сидел на кожаном потрепанном кресле. Он ждал вестей от Эйзера, но тот молчал.

– Слушай меня внимательно и не перебивай, – мужчина крутил в руке покусанный карандаш и не смотрел на дверь. Паренек и не собирался спорить. – Ты сейчас соберешься и уедешь обратно в свою деревню. Более того, ты забудешь мое лицо, мой голос, мой цвет волос. Понятно? Я больше тебя не увижу.

– Нет, – Денис был настроен серьезно. Его измотанный вид сразу дал понять, что так просто он не сдастся.

– Тогда садись, – Киров достал из папки фотографии с места, где нашли несколько жертв Хозяйки. – Вот это сделала твоя благоверная. Думаю, не только это, но нет тела, нет дела, как говорится.

– Какая чушь, – блондин все еще стоял на ногах, он лишь на мгновение взглянул на листы перед собой. Рвота предательски подступила к горлу, но он держался.

– Посмотри мне в глаза, сынок, – мужчина пристально следил за его движениями. Моряк все еще стоял сзади, преграждая ему путь к побегу. Денис направил два воспаленных угля на следователя. – Я тебе не вру. Кристина Романова подозревается в серии насильственных действий. Ты же знаешь, что она пишет? – молодой человек легко кивнул, но

напряжение зарядило воздух на всю мощь. — А ты хоть раз видел, что она пишет?

Орлов сдвинул брови. Он вспомнил, сколько раз порывался открыть ноутбук своей возлюбленной, но она не давала. Да, он просил ее позволить почитать свои работы. Девушка считала, что сначала должна издаться. Разве можно настаивать? Все творческие люди странные, так же?

Киров молча положил стопку листов с надписью Криро на титульном листе. Денис не решался взять это в руки. Что-то внутри подсказывало ему, что лучше оставаться в неведении. Но черт побери человеческое любопытство!

Строчка за строчкой, абзац за абзацем. Он знал эти плохо описанные места, узнал бы и самой темной ночью. Это был лес возле дома Кристины. Его красивое лицо вытянулось, но он сдерживал эмоции. Наивность внутри протестовала, бунтовала. Но почему-то ему не хватало духу защитить свою женщину. Стоило крикнуть, что это подлог, ложь, клевет. Никогда, никогда, никогда Кристина бы не сделала такого с другими людьми. Полиция хочет затуманить ему рассудок, чтобы он не контролировал дело, чтоб его можно было убрать на полку и забыть. Да, так оно и есть. Так оно и есть. Надо все это крикнуть в лицо этому самодовольному мужчине. Да, с паузами и достоинством, как в кино. Но почему голоса нет? Почему не получается? Сейчас, сейчас. Просто нужно немного собраться. Да что такое?

— Ты же знаешь, я говорю правду. Чем быстрее ты ее при-

знаешь, тем лучше для тебя. Сынок, езжай домой и забудь все, как страшный сон, – Киров чувствовал себя победителем, но не показывал этого. Он удивился, как быстро мальчишка поверил в его слова. Он ждал сопротивления, бури, но все оказалось куда проще. В душе крылось сомнение, молодые альтруисты опасны хаосом внутри, но он отогнал грубые мысли. Слава уже уводил Дениса прочь, теперь минус одна проблема. Все будет хорошо. Телефон вибрировал на столе, это был Эйзер. Он добровольно-принудительно просил приготовить кофе с молоком и двумя ложками сахара, значит у него есть новости.

Худощавый мужчина с седой головой появился в дверях в тот момент, когда следователь помешивал ложкой горячий напиток. Они кивнули друг другу и, несмотря на ситуацию вокруг, сели за стол, как два старых друга, решивших попить кофе в прохладный осенний день. Иосиф Михайлович достал из кармана пару конфет.

– Скоро Новый Год, Ваня, – он смотрел на календарь. Ноябрь подходил к концу. – Я приготовил подарок для тебя. Знаешь, этот псевдопрофессор был судим ранее. Педофил Петр Николаевич Узич. Состоит на учете псих диспансера. Не появлялся там достаточно долго, чтобы его объявили в розыск. Недвижимости в собственности нет, родственников тоже. В общем, просто не будет, но у тебя есть все его данные.

– А что толку? Разве ты не знаешь, скольких людей без

толку ищут наши полицейские? – Иван Васильевич хорошо знал эти потрепанные снимки в участке. Люди ходят туда-сюда и не замечают очевидного. Им все равно. Это их не касается. Да, этот убил чью-то дочь, этот обокрал пару квартир, этот забил в драке чьего-то мужа. Но ведь это какого-то другого человека боль. Пока беда не стучится в твой дом, какое дело? Причем найдешь преступника, опознаешь, дашь свидетельские показания, а ведь он когда-то выйдет на свободу. А у тебя семья, дети, куча забот и для полного счастья не хватает только сумасшедшего маньяка.

– Во-первых, ты мой самый пессимистичный друг...

– Я твой друг?

– Помолчи! – Эйзер нахмурил лохматые брови. – Во-вторых, ты понимаешь, что психологически больные люди редко меняют свои привычки? Их сущность рано или поздно берет вверх. То есть его тяга к маленьким мальчикам проявится. А еще, он предпочитает ЮЗАО. Согласись, это очень сужает круг?

– ЮЗАО, значит. Мальчики, значит. Поставим патрули у школ и детских садов, площадок. Может, что-то и выйдет.

– Это вряд ли, – мужчина осекся. Очень трудно убивать чью-то надежду, но карты должны быть открытыми. – Психиатр Узича описывал его как человека спокойного, сдержанного, скрытого, даже набожного. Он пытался себя контролировать отчаянно и жестко. А тот, кого видели вы в Ивановской области, самоуверенный и надменный. Это его аль-

тер эго, я так думаю.

– Значит в нем есть все то, чего нет в другом, – Киров почесал подбородок. Теперь у него появится психологический портрет. Он давно работает с особо опасными преступниками, поэтому хорошо знает, что раздвоение личности – сообщающийся сосуд. Если где-то убыло, где-то прибыло. Цельное существо делится надвое, доводя противоположные качества до максимума. Смеха была не нова, почти всегда одно эго агрессивное, другое – слабохарактерное.

– Да. И у тебя есть один большой плюс, – Эйзер встал, навис над столом, достал помеченный лист с последним осмотром Узича. – У его основной личности огромная сила воли. Он сдерживал себя много лет. Контролировал и держал.

– Значит этот вариант безвольный...

– Да, – патологоанатом встал в дверях, оглянулся. – Ваня, если его старая личность снова возьмет вверх, он сам сдастся полиции вместе с твоей Хозяйкой. Ты можешь одержать победу без боя.

– Он укрывает убийцу. Он педофил. Это не бой, это война. И она началась с его первого преступления.

Глава 13.

Денис выбежал из полицейского участка в смешанных чувствах. С одной стороны, он был уверен, что это все большая ошибка. С другой, злился на то, что не замечал происходящего. Где правда, где ложь? Все в его голове перепуталось, и он не знал, как разобраться. Ответы могла дать только Кристина. Она одна причина всему этому безумию. Один раз посмотреть ей в глаза, задать этот вопрос и понять, преступница она или нет. Всего один раз.

По дороге к гостинице Орлов решил, что не оставит все на самотек. Это не в его стиле. Он будет бороться. Он найдет ее, посмотрит в голубые глаза и все станет ясно. Либо они будут счастливы вместе, либо он убьет ее своими руками. Но маньяку не оставит. Никто не будет решать судьбу Кристины Романовой. Он ее любит, поэтому он простит или накажет.

Киров догадывался, что будет так, поэтому попросил Славу покараулить у гостиницы. Тот позвонил, чтобы сообщить неутешительную новость – парень не собирался съезжать.

– Черт бы побрал его! – Иван Васильевич бросил трубку и устремился к компьютеру. На почту приходили отчеты от ППСников. Ничего полезного, никаких следов.

Впервые за много лет он достал почти пустую пачку сигарет. Недокуренные солдатики смерти были оставлены им как напоминание, он может вернуться к этой привычке, если

захочет, но он ведь не хочет. Это было взрослое решение, он хотел избавиться от зависимости.

Закурив, Киров откашлялся. Горло обжог знакомый дым, но приятным это ощущение назвать трудно. Со второй затяжки все пошло легче, вспомнилось, почему он так тяжело отходил от них. Его мозг расслабился, напряжение ушло. Он глотнул кофе и улыбнулся. Лучшее сочетание.

– Можно? – Марина не стучала, она нетерпеливо мялась в дверях. Только что она нашла зацепку и не могла держать это в себе. – Можно?

Следователь закатил глаза и раздраженно кивнул на стул. После того, как роман Моряка и Разузнаевой стал достоянием общественности, Иван Васильевич относился к талантливой девушке холодно. Все эти любовные страсти мешают делу, а это единственное, что важно. Поймать этих чертовых маньяков, чтобы завтра получить папку с новыми психами.

– Я вот что нашла, – она протянула шефу книгу посещений одной из психиатрических больниц в ЮЗАО. Узич даже не скрывал своего имени, был там всего два дня назад, находясь во всероссийском розыске. Твою же мать!

– К кому он приходил? – его злые серые глаза напоминали предгрозовое небо и это был плохой знак. – Почему никто не сообщил в полицию? Какого хрена?

– Не успели разослать информацию... – Марина вжалась в стул, видя, как Киров разбивает вдребезги чашку. Мужчина ходил по кабинету, полный ярости. Он просил немного, сде-

лать рассылку по всем официальным учреждениям ЮЗАО, а также магазинам, кинотеатрам, кафе. Это все, что было нужно сделать. Если бы все вовремя сделали свою работу, Узич был бы в камере вместе с Хозяйкой. Из-за халатности тех или иных людей всегда страдало дело. Это было неизменно, и Киров ненавидел такой расклад, ведь сам он положил все на престол своей профессии. – Возьмите себя в руки, я знаю к кому он приходил, нам разрешили провести допрос.

Марина вместе с все еще красным от злости следователем ехала в сторону хорошо известной психиатрической больницы на Ленинском проспекте. Иван Васильевич не психовал, не кричал. Буря внутри него затихала от бессилия, прошлое не изменишь, а он не может себе позволить быть в разобранном состоянии, когда преступники на свободе. Он должен их поймать и все.

Светло зеленое здание из старого кирпича напоминало больше боярский дом, нежели место для душевнобольных. Может, так и было. После революции и бегства большей части интеллигенции Россия по-настоящему осиротела. Но коммунисты не забыли надругаться над чужим имуществом. В домах, где раньше жили знатные семьи, где проходили балы и приемы, где решались вопросы государственной важности, теперь могли пить и гулять простые рабочие крестьяне. Темное смутное время, теперь все изменилось.

Их встретила миленькая медсестра средних лет, которая заметно погрузтелла от блеска обручального кольца Кирова.

Тот в свою очередь деликатно не заметил перемены настроения и сосредоточился на интерьере.

За свою практику он не раз видел дома скорби, но к этому невозможно привыкнуть. Светлые стены угнетали. Может, из-за решеток на окнах, может, из-за странных жителей. Некоторые были похожи на неразумных детей или новый вид млекопитающих. Вот только следователя нельзя обмануть внешностью, он знал, что каждый из этих людей преступил закон, в той или иной степени. Кто-то из них поджег жилой дом, кто-то убил человека, кто-то угнал чужую машину. Все они указали в причинах душевную болезнь. Душевная болезнь... Душа вообще может болеть? Подцепить вирус, простыть?

Киров не верил в безумие и считал всех этих людей всего лишь хорошими актерами. Удивительная вещь эта психиатрическая болезнь. Придумал себе пару личностей и вот ты уже не кровавый психопат, а зараженный пациент. Нет, сумасшедший дом не лучше тюрьмы. Но отсюда выйти можно быстрее. Больше половины светил пожизненный срок. А тут можно поприкидываться пару лет и вуаля! Ты чудом исцелен и не опасен для общества. А то что почти каждый возвращается к преступной деятельности, это ничего. Посадим еще на пару лет на кушетку к психиатру. Наша песня хороша, начинай сначала.

– Пожалуйста, не тревожьте пациентку. Она под успокоительными, но все же опасна. Не подходите ближе расстоя-

ния вытянутой руки и ничего ей не передавайте! Если почувствуете угрозу, наш охранник будет за дверью, – женщина открыла плюшевую дверь, втокнула гостей и закрыла снаружи на ключ. Киров никогда раньше не сталкивался с такой грубостью мед персонала, а уж он повидал на своем веку.

В этой маленькой комнате не было окон. Электрический свет делал обстановку еще хуже. Железный стул в углу был прибит к полу, как и стол, как и кровать. На этой самой кровати лежала женщина лет сорока. От ее вида пробежал холодок по коже. Растрепанная, в грязном костюме, похожем на хирургический. На секунду Марине показалось, что у нее красные глаза, но это конечно было не так.

Ее звали Ирина Загорская, она была умалишённой с детства. Как гласит история ее болезни, в восемь лет забавы ради, она утопила свою подругу. Ну как утопила: толкнула в воду, а когда девочка попыталась выбраться на мостик, отдала ей пальцы, зная, что та не умеет плавать. Прохожие нашли ее улыбающейся рядом с перевернутым трупом в пруду. Она не отворачивалась, и сама похвасталась тогда еще милиции о том, как не давала девочке выбраться. Ее отвезли к психиатру, но в Советском Союзе такие история не предавали огласке, поэтому Ира перевелась в другую школу в соседнем городе. Никто не всматривался в подобные документы, ведь коммунистка не может быть сумасшедшей. Нет, нет. Кто-то считал это укрытием фактов, кто-то балансом спокойствия граждан.

Ира доучилась относительно спокойно до седьмого класса. Официально никаких претензий до этого времени не было, но в ту весну, она подожгла волосы своей одноклассницы, облив их бензином. Эту историю тоже замяли переездом.

Попалась она два года назад. Расчленила соседку по даче за то, что та громко смеялась зимним вечером. Безнаказанность сделала ее бесстрашной, она была просто уверена в том, что избежит правосудия, но не в этот раз. Современная Россия признавала психопатов не способными жить в обществе и прятала не только взрослых, но и детей. Тут такие тоже имелись.

Ее накачивали лекарствами с первого дня, пациентка была буйной и опасной. В последние месяцы ее состояние, наконец, стабилизировалось.

– За что вас привязали, Ирина? Вы буянили? – Марина взяла на себя роль интервьюера. Киров был слишком нетерпелив и груб, он хорошо разбирался в методах воздействия и манипуляциях, но не знал, что к ранимой сущности нужен совершенно другой подход. Он бы довел ее до истерики, и они бы не смогли вывести ничего полезного. Разузнаева не хотела уходить ни с чем. Ставки слишком высоки, на кону человеческая жизнь.

– Это из-за него... Все пошло наперекосяк из-за него... – ее голос был еле слышен. Снаружи бесновались остальные пациенты плюс действие таблеток.

– Вы говорите о Петре Узиче? Это он навещал вас два

дня назад, после этого вас приковали и вернули на строгий режим, – девушка отдернула край юбки, которая вдруг стала слишком короткой. Она знала, что Ирина потеряла ход времени и могла спутать какие-то события. После минутной тишины Марина продолжила, хотя уверенность в успехе уменьшилась от укоризненного взгляда Ивана Васильевича. – Зачем он приходил к вам?

– Когда он был дома, мы иногда обедали вместе, – женщина бродила глазами по потолку. Лечебницу считали домом, потому что идти таким людям было некуда. Почти никого не ждали в большом мире, а тех, кого ждали, искренне ненавидели. Все желали смерти сумасшедшим, в идеале – мучительной. – Разговаривали о своих демонах, о том, как их обуздать.

– Демонах? – Киров усмехнулся, но никто не обратил на это внимание. – Сатана заставил вас разрезать на куски свою соседку? Может, письмо прислал или СМСку?

– Он своего называл Зверем. Я свою – Ведьмой. Так и проводили время, делясь опытом... – Ирина наконец остановилась на следователе и ее темные глаза прояснились. – А ты зачем пришел? Он знал, что ты его ищешь, говорил мне. Беги отсюда! Уезжай из страны! Оставь его в покое!

– Я никогда не отступлюсь от своего долга, – Киров потерял самообладание и придвинулся ближе. – Дай Бог доживу до вашей смерти и плюну на могилу каждого, кого посадил. Ты поняла меня?

Марина сжалась от напряжения. Сейчас ее сорвет и их выведут из отделения. Даже резкий вздох она себе не позволила. Сидела и напряженно смотрела на этих двух.

– Он уничтожит тебя, – Загорская была расслаблена и смеялась. – Ты думаешь, твой закон защитит тебя? Или пистолет? Думаешь, ты бессмертный?

– Нет, я умру. Возможно, меня похоронят с почестями. Возможно, нет. Но мне не будет стыдно за то, как я прожил свою жизнь. Потому что у меня есть совесть в отличие от тебя, мразь, – Киров вскочил со стула и постучал в дверь. Не дожидаясь Марины, он вышел на улицу, сел в машину и уехал. Возьмет такси, ничего страшного.

Его нервы были на пределе. Разве можно так себя вести? Он следователь! Он должен держать себя под контролем. Это не первый сложный случай в его жизни, не первый раз он упускает кого-то из-за халатности, не первая преступница, прикидывающаяся больной. Тогда почему он вышел из себя?

– Я же не боюсь смерти. Я не боюсь ее. Хоть в поле одному содохнуть, какая разница? – он уверял себя в бесстрашии. Но это было не совсем так. Нет, Киров не дорожил своей жизнью. Но он оберегал жизни других и это было важно. Если его не станет, полиция не исчезнет, закон будет существовать. Но Иван Васильевич хорошо знал своих коллег и, самое главное, систему. Чтобы получить хоть одну улику, надо проделать миллион лишних телодвижений. Даже если ты точно знаешь, кто преступник, ты не можешь его просто за-

держать и допросить. О, нет! Тебе нужно убедить руководство, что это тот самый тип, подтвердить свои выводы фактами и потом получить его чистосердечное признание. К этому времени в лучшем случае ты получаешь пару новых жертв, а в худшем – эта мразь успеет сбежать или убить себя, то есть останется безнаказанным. И если Киров с радостью нарушал правила и делал все, что хочет благодаря своей репутации, то новобранца прогнут по полной. Замены себе он пока не видел, отчего часто бывало грустно.

Марина Разузнаева не побежала за начальником. В отличие от горячих и самолюбивых мужчин, окружавших ее, эта девушка была спокойна и сдержана, если того требовало дело. Она сказала мед братьям, что все хорошо и продолжила диалог с Ириной Загорской.

– Как Петр описывал своего демона? Что рассказывал вам? – ее голос был почтительно отстраненным со здоровой долей участия, чтобы нельзя было счесть это притворством. – Мне важно, чтобы вы поделились со мной, я хочу помочь ему.

– Ты не сможешь помочь ему, дура набитая! – Ирина не перешла на крик, но была достаточно громкой для того количества лекарства, которое в нее вкачали. Как эти людишки не поймут, им не справиться с истинным злом, скрывающимся в телах их соседей по планете. – Никто не сможет помочь нам, кроме нас самих. Мы сдерживаем первородную темную силу внутри. Ты и представить не можешь каково это. До-

ма спокойнее, даже если сорвешься, тебя остановят. Не дадут причинить вред ни себе, ни другим. А снаружи всем плевать, что ураган внутри тебя вот-вот вырвется наружу. Никого не касаются твои проблемы, твои страдания. Петя научился контролировать себя здесь. Он умерил то, что мало кто способен сдерживать. Потому что считает это правильным, хоть и бонусов от этого нет. Только головные боли, плохой сон и бесконечное предынфарктное состояние...

– Но сейчас он отпустил поводья, – Марина не прониклась этой трогательной речью. Ей было все равно на душевное состояние маньяка. Он вызвал в ней интерес, профессиональный интерес. – Прекратил бороться?

Ирина устала от этого диалога. Ее потерянный взгляд снова устремился в потолок. Пухлая девушка поерзала на стуле, она не собиралась сдаваться. Это не та информация, за которой она пришла. Ей нужна наводка.

– Ирина! Мне нужна информация. Зачем он приходил к вам? – Разузнаева наклонилась вперед, чтобы подкрепить твердость своих намерений.

– Ко мне приходил не Петя. Это был Зверь, – ее пустые глаза выражали страх. – Он хотел найти союзника, хотел вызывать Ведьму.

– Ему нужен помощник?

– Ему нужен тот, кто мог бы его понять, – Ирина улыбнулась. Она бы не дала ему поддержки никогда. Не из-за мук совести, эта женщина не сожалела о содеянном. Ведь-

ма не нуждалась в сообщнике. Она была безумна и жестока, ненавидела людей, призирала каждое существо и не собиралась делать исключение для кого-то жирного придурка, возомнившего себя пупом земли.

– Как мне его найти? Дайте наводку, какую-нибудь деталь! Пожалуйста, вспомните! – Марина прекрасно понимала, что Загорская не в своем уме, у нее нет чувства солидарности с Узичем и она с радостью сдаст его властям. – Я поговорила с глав врачом. Если вы окажете помощь следствию, вам предоставят отдельную палату с видом на проспект. Плюс один раз в неделю под присмотром вы сможете выходить в город. Ира, это вас единственный шанс, возможно. Вас же приговорили пожизненно!

– Меня не нужно уговаривать. Я не защищаю его, он мне никто, – она повернула бледное лицо к Марине. Несмотря на свою пухлость, девушка не выглядела добрячком. – Он говорил, что там недалеко лес, пруд со скамейками, дети кормят белок.

– Что еще? – Марина была уверена, что Петр Узич хочет быть пойманным, поэтому оставил след. Или Зверь, захвативший власть, понял, что одинок до крайности. Этих сведений было недостаточно.

– Несколько магазинов рядом. Продуктовых и один с бытовой химией. Ах да! Там есть ресторан «Шальная тройка». В пару минутах от его дома, – Ирина не первый раз слышала об этом заведении, поэтому запомнила это так хорошо.

Узич предлагал ей совместную жизнь, общую деятельность. Конечно Загорская послала его куда подальше. Ей не нужен протеже. Ей никто не нужен.

Я проснулась с той же мыслью и чувством голода. Было темно и тихо. Мое тело, наконец, отпустила боль, и я улыбнулась. Я звала Петра, но он не откликался. Видимо, его не было дома.

Это был хороший шанс для попыток освободиться. Я облазила свою камеру, но не нашла ничего стоящего. Психанув, пнула матрас.

Щелкнул замок. Где-то по ту сторону правой стены шелестели пакеты, слышались глухие шаги. Я кричала что-то невнятное, что-то злобное. Петр Узич спокойно открыл дверь и пустил две пули мне в лоб. Я сама не поняла, как оказалась вне пределов своего тела. Откуда-то сбоку я видела усталое лицо своего похитителя, его безразличный взгляд. Я не догадывалась, почему он так поступил, но совсем скоро все стало понятно.

Мужчина средних лет, слишком пухлый для того, чтобы назвать его упитанным, аккуратно запаковал меня в черный целлофан и вынес из подъезда. Я шла за ним как привязанная, гадая, сдаст он меня в полицию или просто бросит где-то в лесу.

– Зачем? Зачем ты убил ее? – слабый голос прежнего Петра Узича, миролюбивого и терпеливого, прорвался наружу сквозь все заграждения. Было слышно, как работали двор-

ники. – Отвечай же!

– Я не знаю! – то же лицо выражало раздражение. Я понимала, что мертва просто из-за порыва психа, которого сама раздраконила. Но почему мое сознание все еще здесь? Почему я вижу происходящее, хоть и не могу повлиять на него? Это и есть жизнь после смерти? Неужели человек обречен вечно видеть то, как дорогие ему люди счастливы в его отсутствие. У меня в жизни был только один важный человек – Денис. И если он знает правду, то меня ненавидит. А если нет, то мне предстоит увидеть его разочарованное лицо, когда мой эксперимент окажется перед его глазами. Теперь я труп, но мне бы хотелось, чтобы хоть одна живая душа скорбела. Раньше я думала, что это совсем неважно, но сейчас... Сейчас все изменилось. Мне страшно хотелось, чтобы он оплакивал меня, всем сердцем, как оплакивают мать, отца, любимую собаку.

Жалела ли я о том, что сделала? Я как тот вор, который не жалеет, что украл, а жалеет, что его поймали. Это печально, но мне не было стыдно. Теперь, когда я умерла, я знаю, что зло внутри меня действовала с моего молчаливого согласия. Любить сложнее, чем ненавидеть.

Куда везет меня это маньяк? Почему рядом столько жилых домов? Он что, не выбросит мое тело в лесу? Почему его глаза стали такими сочувственными? О, да! Это же тот самый Петр Узич, которого я встретила, которого заковала!

Конечно, он привез меня в участок. Сдался, признался.

Я думала, почему не могу увидеть Дениса? Почему не могу отойти от своего трупа? В морге было много времени, чтобы осознать, Зверь сдался, потому что не обладал достаточной волей. Все было так, как просчитал Киров и Марина Разузнаева. С одним исключением, они не нашли преступника, он сам сдался. Быть вспышкой, редким явлением очень легко. Вечная борьба со второй чувственной, но сильной личностью. Это все подходило Зверю. Но вот одиночество, с которым он столкнулся, получив все время, это слишком. Неожиданно, правда? Но быть жестоким, не значит быть сильным. Я терпела пустоту 30 долгих лет своей убогой жизни прежде, чем меня убили. Было ли что терять? Орлов рано или поздно узнал бы мою природу и никогда бы не простил. Я уверена в этом, потому что он по-настоящему хороший человек. Самый лучший человек.

Месяц спустя Петра Узича осудили на пожизненный срок, в зале суда он расплакался от счастья, потому что Зверь ушел в тень, но не исчез. Киров получил повышение, хоть и считал его не заслуженным и долго отпирался. Слава Моряк получил должность следователя и Марину Разузнаеву в жены. Думаю, он будет обожать Ивана Васильевича до конца своих дней.

Денис не плакал обо мне. Когда ему сообщили новость о моей смерти, он напился. Но я не знала его мыслей. Мне кажется, он понял, кем я была. Оказывается, после смерти не становишься экстрасенсом или полтергейстом. Говорят,

меня заберут на сороковой день. Осталось десять, и я верю, что судья будет милостив ко мне, к моим слабостям.

Эпилог

– Как бы вы охарактеризовали столь скорое окончание сюжета вашей книги? – Денис Юрьевич сидел, откинувшись в кресле. На его коленях покоился блокнот с ручкой, он всегда записывал мои слова, что и раздражало, и превозносило одновременно.

– Там итак слишком много смысла. Если вы не смогли увидеть его, прочитав от корки до корки, очень жаль. Комментарии излишне, – я лежала на кушетке также, как это делают псих больные в дорогих американских фильмах. Я тоже находилась в лечебнице, но проблемной себя не считала. – Понимаете, доктор, творение должно само говорить, само объяснять. Каждый по-своему трактует слова книги, в этом вся прелесть.

– То есть смысл вашего произведения не раскроете? – его черные глаза лукаво смотрели поверх темно серой оправы очков. Он был красив, молод и достаточно умен, чтобы угадать своего персонажа в моей работе. – А ваши герои? Не хотите поговорить о них?

– Считаю ли я свою работу автобиографичной? – его светлая голова слегка наклонилась, кивая. – Конечно. Любой труд – это рассказ о себе. Можно выдумать штрихи, но эмоции и переживания останутся прежними, только твоими.

Орлов довольно согласился и опять записал что-то в свой

блокнот.

Я вышла от него в понедельник в 16:00, как делала это последние два года. Да, я была влюблена в своего психиатра, тоже мне новость. Он был единственным, кому я разрешала читать свои произведения до издателя. Вы хотите знать, почему я оказалась в психушке?

Я писатель и за свой дар я расплачиваюсь бесконечной, ноющей дырой внутри. Я чувствую, как стою на краю бездны и одна моя нога то и дело соскальзывает.